

АЛЕКСАНДРЪ

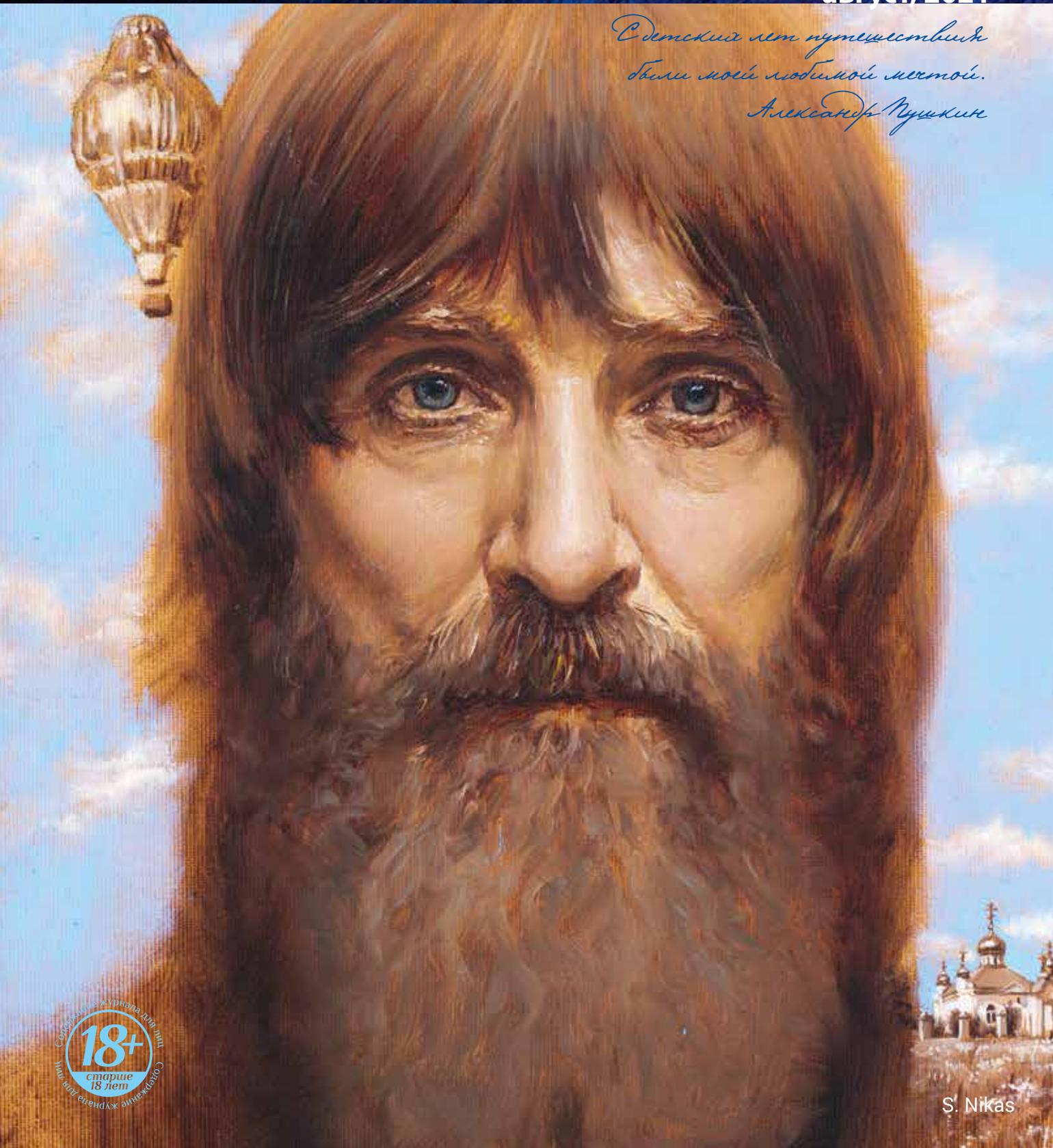

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 8 (59)

август, 2021

*Детский лет путешествия
были моей любимой летой.
Александр Пушкин*

S. Nikas

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен августовский номер литературно-исторического журнала «Александръ», который раскрывает творчество настоящего русского человека, открывшего для нас окружающий мир. Путешественнику, писателю, художнику, учёному и православному священнику Фёдору Конюхову в 2021 году исполняется 70 лет – замечательная дата и прекрасный юбилей.

Ознакомившись с автобиографической книгой-дневником «Там, где видно Бога», я по-новому посмотрел не только на этого уникального человека, но и на окружающий нас мир.

Совершенно не случайно то, что номер посвящён путешествиям и путешественникам, ведь именно в этот летний месяц большинство русских людей отправляются в увлекательные странствия.

Особые слова благодарности хотелось бы сказать Сергею Сергееву, руководителю Экспедиционного штаба Фёдора Конюхова, за предоставленный уникальный материал для августовского «Александра».

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

*Во многих странах я путешествовал,
но лучше нашей страны не нашёл.
И лучше веры нашей православной я не видел.*

Именно этими словами, высказанными мной ранее, я хотел бы начать своё общение с тобой, дорогой читатель, и высказать свою позицию и отношение к жизни.

Меня часто спрашивают: «Кому нужно то, что Вы делаете? Зачем в XXI веке пересекать океан на вёсельной лодке?»

Такие путешествия нужны, прежде всего, мне, потому что они – мой образ жизни. Я иду в океан, чтобы молиться, он – мой затвор, а лодка – моя челя.

С каждым гребком весла я произношу Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй меня, грешного!»

А если надо грести быстрее, то произношу: «Господи, помилуй!»

И так до нескольких тысяч раз в день. Ведь когда ты находишься в режущем океане на девятиметровой лодке и вокруг тебя на тысячи миль нет ни души, то молишься особенно усердно.

Так и жизнь каждого человека напоминает эту лодочку, и только при усердной ежедневной молитве и труде возможно достичь долгожданного берега, желаемого результата.

Фёдор КОНЮХОВ

САЛЫНСКИЙ ФОРУМ ИЗОБРЕТ
ЗОЛОТОЙ ПУТЯТИ

Журнал издан за счёт средств Козубенко Сергея Павловича.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 8 (59), август 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.08.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6** Игорь Костриков.
Влияние творчества Н. К. Рериха
на живопись Ф. Ф. Конюхова
- 15** Интервью с Ф. Ф. Конюховым

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 18** Андрей Бабожен
- 22** Агаси Ваниев

МИР ПУТЕШЕСТВИЙ

- 24** Валерий Ганичев.
Южнее, южнее: на самый юг

ЛИРИКА

- 35** Валерий Румянцев.
Стихи про лето
- 37** Анжела Бецко

БЫЛОЕ

- 40** Олег Дзюба.
Его веру звали «Надежда»
- 43** Анатолий Труба.
Ты взойди, солнце красное

ПОЭЗИЯ

- 50** Татьяна Осинцева.
Из цикла «Silentium»

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 55** Татьяна Никитина.
Моздокская икона Божией Материи

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 58** Марина Переяслова.
Три эссе об искусстве

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 67** Николай Ступин
- 70** Владислав Бахревский
- 71** Ольга Воробьева

ЖИТЕЙСКОЕ

- Юрий Привалов.**
- 72** Отпуск в тайге
- 74** Берёза
- 75** Удивительное приключение
мальчика

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ!

- 79** Евгений Голоднов.
Морпех из Нисельги

ДЕБЮТ

- 85** Инга Полякова.
ДипВлом?! Очка – факультет
информатики

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЕКТ

- 88** Тарас Турчин, Оксана Турчина.
Эколого-литературный маршрут
«Урочище Островное»

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 93** Виват, театр!

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА Н. К. РЕРИХА НА ЖИВОПИСЬ Ф. Ф. КОНЮХОВА

Игорь КОСТРИКОВ

Творчество Ф. Ф. Конюхова является весьма малоизученным. Данная личность привлекает к себе значительно большее внимание в области путешествий. Нельзя сказать, чтобы творческая деятельность Ф. Ф. Конюхова была вовсе не замечена обществом: он устраивал собственные выставки картин, в связи с которыми про него писали специалисты. Однако все тексты лишь в общих чертах освещают его творчество, а говорить про исследование каких-либо нюансов пока не приходится вовсе.

В качестве исследовательской литературы можно отметить каталог его выставки «Палитра пилигрима» в Русском музее в Санкт-Петербурге¹, где приведены довольно качественные статьи. Более слабым в этом отношении является каталог к выставке в Сибирском художественном музее². К сожалению, на этом серьезная лите-

ратура о Конюхове как художнике заканчивается. По этой причине информацию приходится черпать из различных интервью, но и там речь в основном идет о его путешествиях³. Третьим источником информации являются книги самого Фёдора Филипповича. Через них можно лучше понять его мировоззрение, которое, конечно, отражается и на картинах. Кроме того, репродукции его картин выступают в указанных книгах в роли дополнения к тексту, и связь между ними действительно очень сильна.

В данной работе будет раскрыт один из нюансов творчества Ф. Ф. Конюхова, а именно будет показано влияние картин Николая Рериха на творчество путешественника. Эта связь не случайна: сам Ф. Ф. Конюхов не скрывает того, что любит картины Николая, особенно его знаменитые горные пейзажи.

ственный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2013. – 96 с.

³ См.: Газета «Невский исток» от 5 апр. 2019. Электронная версия [Электронный ресурс]. Ленинградск. обл., 2019. URL: <http://nevistok.ru/news/item/1017-esli-kto-to-khochet-uznat-moj-mir-pust-smotrit-moi-kartiny-oni-rasskazhut-omnogo-fjodor-konyukhov-moi-puteshestviya>

¹ Фёдор Конюхов / Альманах. вып. 557. – СПб. Palace Editions, 2019.

² Сибирский художественный музей. Книга пятая. Работы Фёдора Конюхова из коллекции Дмитрия Мизгулина и Александра Смирнова // Тюменский региональный обще-

Для начала уделим внимание параллелям жизней Н. К. Рериха и Ф. Ф. Конюхова. Помимо общедоступных источников, в этом нам поможет взятое у Фёдора Конюхова интервью, сокращённая версия которого будет приведена в конце статьи.

В этом интервью Ф. Ф. Конюхов отметил, что больше всего подражает Рериху в его подходе ко времени. Николай Константинович много путешествовал и при этом написал более 7000 картин. Ф. Конюхов тоже стремится «прессовать» время, он написал около 3000 картин. Фёдор Филиппович использует тот же приём, что и Николай Рерих: он совмещает путешествия с живописными практиками.

Важным фактором, влияющим на творчество многих художников, является вера. Отношение к вере в целом и к православию в частности у Рериха и Конюхова разное. Если Николай Рерих, изначально будучи православным, позже отверг это учение и примкнул к другому, созданному его женой, то Фёдор Конюхов стал православным священником. Он был рукоположён в 2010 году¹. В роду у Фёдора «были священники, и среди них – пять святых»².

Николай Рерих расписывал церкви. Ф. Конюхов также обогатил христианское искусство. «После каждой кругосветки, – пишет он, – я строил часовни. Их уже шесть»³.

Помимо часовен, Фёдор Филиппович обогатил духовное искусство и как иконописец. Его иконы условно можно разделить на две большие группы. Первая из них – иконы, написанные по стандартным канонам и правилам. В рамках данного исследования эта группа не примечательна. К тому же в этих иконах теряется индивидуальный стиль Ф. Конюхова, на особенности которого мы скоро обратим внимание.

Вторую группу можно условно назвать авторской. Иконы этой группы графичны и напоминают плакаты. Стилистика схожа с остальными, светскими работами Фёдора Филипповича, поэтому данные иконы следует рассматривать наряду с ними. Вероятно, в этой сфере на него

Илл. 1. Ф. Ф. Конюхов. Ангел. 2017

Илл. 2. Эфиопская икона-складень (иллюстрация из книги «Там, где видно Бога»)

повлияли иконы Эфиопии. Но это уже не иконопись как таковая. Это скорее иконописная тематика картин. В своей книге⁴ он разместил фотографию эфиопской иконы-складня. И правда, если рассмотреть её и, например, его икону «Ангел» (2017) (илл. 1), то в глаза бросается их стилистическое сходство: приземистые пропорции, несоразмерно большая голова, графичность письма, выраженная контурность, малое количество планов.

¹ См. об этом: Конюхов Ф. Ф. Там, где видно Бога. – М., 2019. – С. 12.

² Там же. – С. 14.

³ Там же. – С. 16.

⁴ Там же. – С. 35.

Если рассматривать всё творчество Ф. Ф. Конюхова, то мы увидим, что его тематика близка к тематике работ Николая Рериха.

Значительную часть живописи Ф. Конюхова занимают пейзажные зарисовки тех мест, где он побывал. Этот цикл необычайно велик. Здесь уместно провести параллель с Н. Рерихом, также запечатлявшим на своих полотнах увиденное им в экспедициях. В качестве нескольких примеров приведу картины Конюхова: «Арктический портал» (2018), «Алтай» (2018), «Гималаи» (2018) и т. д. Как видно, увлечение горными видами не покидало ни Конюхова, ни Рериха.

Не чужда Ф. Конюхову героическая тематика, включённая в исторический жанр. Одна из его любимых картин – «Защитники Москвы» (1975) (илл. 3).

Илл. 4. Н. К. Рерих. Единоборство Мстислава с Рюрика. 1943

Илл. 3. Ф. Ф. Конюхов. Защитники Москвы. 1975

Эта картина была его выпускной работой в художественном училище. Картина манерой письма напоминает плакат, в ней отчётливо видно трагическое настроение. На первом плане бойцу через разорванную грудную клетку протыкают сердце штыком, а под ним, как в мясорубке, трупы людей. По дороге движется строй воинов. К бойцу приближается народ во главе с женщиной с ружьём в облаке огня. Картина имеет большие размеры, 187 × 173 см, что делает её монументальной. При этом и Николай Рерих прямо характеризовал своё творчество как героический реализм¹. Уместно провести

параллель между творчеством двух рассматриваемых художников, поместив рядом по одной героической картине каждого из них.

Рерих оставил после себя не так уж и много бытовых зарисовок или портретов близких ему людей. В этой категории Ф. Конюхов явно его превзошёл. У него мы можем найти много таких картин, среди них: «Мама» (1975), «Иринушка с цветком» (2001), «Книга любви» (2017) и т. д. Также у него есть и юмористически-бытовые зарисовки, такие как «А, ты ревнуешь?» (2018), «Женщины с пеликаном» (2017) и т. д. Помимо этого у Конюхова имеется цикл картин «Жизнь и быт народов Севера».

В творчестве Рериха особое место занимают мистические картины, которых, собственно, у Конюхова, в отличие от Рериха, нет. Но у него

есть работы, где почти стирается грань между реальностью и мистическим волшебством: «Сон белой совы» (2017), «Луна» (2017), «Большая медведица» (1984), «Полнолуние» (2017). Есть религиозные картины, которые никак нельзя назвать иконописью: «Ангел с о. Гоф» (2007), «Из последних сил» (2018), «Апостол Пётр при дверях» (2017), «Воин. Усечение головы Иоанна Крестителя» (2017). В картине «Из последних сил» Ангел представлен как измождённый путник с обтрёпанными крыльями, преодо-

дневника. Том 3. // Рериховская библиотека. Электронная версия [Электронный ресурс]. – URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-roerich-3/86-listy-dnevnik/1474-geroicheskij-realizm> (дата обращения: 11.11.2019).

¹ Рерих Н. К. Героический реализм, 1944 г. // Листы

левающий заснеженное поле и падающий от усталости. Однако можно провести параллель с мистическими картинами Рериха, где сверхреальное тоже изображалось как часть нашего мира. Из этих картин уходит характерное для христианства деление мира на земной и небесный. Это, скорее, две части одного и того же мира, и между ними нельзя строить непроходимую стену. Эти картины объединяют в себе пейзаж и сюжетную составляющую.

У Ф. Конюхова, как и у Н. Рериха, имеется исторический раздел живописи, однако сравнивать их в данном разделе некорректно – слишком разные сюжеты присущи этим работам. Если Рерих писал картины, повествующие о тех или иных событиях из истории Древней Руси или Индии¹, то Конюхов пишет картины с известными путешественниками прошлых времён. Среди них работы «Английский мореплаватель сэр Френсис Чичестер» (прямо на картине имеется его краткая биография на английском языке), «Японский путешественник Наоми Уэмура», «Памяти Наоми Уэмуры» и т. д. Героическое начало, конечно, просвечивает сквозь данные сюжеты.

Рассмотрев тематику работ художников, перейдём к стилистическим особенностям живописи Ф. Ф. Конюхова. Как говорил сам Конюхов в интервью: «Всю жизнь нужно быть в поиске. Я хочу, чтобы мои работы ни темой, ни мазками не повторялись» – и при этом делал такой акцент: «У меня не российское искусство, а смесь: я люблю Пикассо, Дали и других». И правда, изучая картины Конюхова, можно прийти к выводу, что он стремится к уникальности, но при этом не чужд заимствованию идей у других художников. Чтобы вопрос о влиянии на его работы картин Рериха не казался надуманным, в его картинах стоит обратить внимание на более заметные параллели с картинами других известных художников.

1. Картина «Верблюды» (2018): длинные и тонкие верблюжьи ноги, вероятно, отсылают к

«Слонам» Дали – одной из самых узнаваемых его картин в сюрреалистическом стиле. В таком контексте сюрреалистично выглядит и картина «Возвращение» (2017), где путник и сокол идут по пустыни на ходулях, и картина «Крушение» (2017), где гигантская птица поднимает ввысь целое судно.

2. С пёстрыми и графичными американскими комиксами можно сравнить картину Конюхова «Женщина и альбатрос» (2017), так как манеры их исполнения очень схожи.

3. Картина «А, ты ревнуешь?» является явной отсылкой к одноимённой картине Поля Гогена. Здесь у людей звериные головы, что усиливает саркастичность. Заметно и некоторое сходство поз женщин на этих картинах, но они всё же отличаются: Конюхов не копирует картину Гогена, а творчески её перерабатывает.

4. Широкие «врубелевские» мазки бросаются в глаза в картине «Экзюпери» (2007). Эта работа была повторена в 2008 году, и в новой версии одежда Экзюпери буквально разваливается на мазки, на абстракцию, что можно сравнить с работами кубистов. От врубелевского «Демона» картину отличает то, что широкие мазки используются лишь для оформления одежды, но не для всей поверхности полотна.

5. Картина «Весна» (две версии: 2001 и 2017 гг.) является практически цитатой известной работы А. Матисса «Женщина в шляпе».

6. Картина «Мама» (1975) своей палитрой и стилистикой напоминает многие картины М. Ларионова и его супруги Н. Гончаровой, известных авангардистов начала XX века. Также она ассоциируется с работой И. Машкова «Синие сливы». Подобных «отсылок» в творчестве Конюхова можно найти довольно много.

Если Конюхов свободно использовал приёмы столь многих художников, то следует ожидать, что он мог позаимствовать что-то и у Рериха, творчество которого он сильно ценит. Конечно, есть между ними и большая разница. Если Н. Рерих нашёл самую лучшую для него технику (темперную живопись) и остановился на этом выборе, то Ф. Конюхов успел отпробовать значительно больше материалов: масло, акрил, гуашь, цветные карандаши, простой карандаш,

¹ Рерих Н. К. Сила народа, 24 апр. 1941 г. // Листы дневника. Том 3. // Рериховская библиотека. Электронная версия [Электронный ресурс]. – URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-roerich-3/88-listy-ne-voshedshie-vo-ii-tom/1194-sila-naroda> (дата обращения: 26.11.2019).

тушь, аппликация, гравировка. Вместо холста он часто использовал бумагу, фанеру или даже полотно воздушного шара.

Характерными же стилистическими чертами Конюхова можно считать следующие:

1. Яркость. Конюхов использует чистые цвета, очень насыщенные. Из-за этого работы выглядят «мультишно». Одна из самых ярких картин – «Нас мало» (2018);

2. Плоскостность. На большинстве картин Ф. Конюхов не стремится создавать иллюзию трёхмерности. Количество планов на его работах также невелико. Правила перспективы вытесняются авангардными веяниями («Страсть», 2017, «Отражение», 2016, и др.);

3. Графичность. Цвет на картинах локализован. Иногда встречаются цветовые переходы, но их область чётко видна. Яркость картин, композиционная простота и локальность цвета вызывают ассоциации с плакатным стилем;

4. Большие цветовые области. Один и тот же цвет, не меняясь в оттенках, может занимать большую площадь картины и иметь при этом чёткие геометрические очертания («Айсберги», 2018);

5. Эскизность. Хотя Ф. Конюхов пишет картины не быстро (см. интервью в Приложении 1), выглядят они как эскизы;

6. Геометричность. Формы, изображённые на картинах, простые, часто с прямыми углами. В этом полотна напоминают творения кубистов;

7. Масштабность. Картины Конюхова, как правило, больше 6400 см².

Исходя из данных черт, мы можем выделить три основных сходства живописи двух художников.

I. Манера письма. В отличие от темперной живописи, которую предпочитал Н. Рерих, масло способно на большее. Однако Ф. Конюхов не стремится пользоваться потенциалом масла. Смешения красок почти не происходит, полутона редки или исчезают вовсе. Такая манера письма была бы естественней в темпере. Например, в картине «Иринушка» (2016) цветовые переходы лица заменены несколькими толстыми полосами разного цвета, хотя масло позволяет создавать идеальные переходы.

При внимательном рассмотрении мы сможем увидеть внутри каждой полосы маленькие переходы цвета, но и тогда придётся признать, что потенциал масла умышленно не раскрывается. Такой стиль объясняется тем, что, по мнению Конюхова, картина не должна быть «вымученной», законченной до конца и идеально выверенной. Такой же подход характерен и для Рериха. Он тоже считал, что законченная картина – это погубленная картина. «В эскизах <...> отображается то, что в картинах уже заглохнет множеством соображений¹, – писал Рерих и добавлял: – Люди иногда начинают вместо освобождения (ибо творчество должно быть свободно) искать каких-то новых ограничений и условных рецептов»². По этой причине, хотя Конюхов тщательно прорабатывает свои полотна, внешне они выглядят как эскизы. Это сделано умышленно. Из правила есть и исключения: «Красная чайка» (2006) содержит в себе изысканные цветовые переходы, отображающие состояние беспокойной погоды; сложно составлены цвета и в картине «У берегов Тайваня» (2016), где каждая форма перетекает в другую. Но это лишь редкие случаи.

II. Роль цвета. Николай Рерих любил использовать цвета высокого спектра – синий, фиолетовый – и цвета, ассоциирующиеся с огнём, – жёлтый, красный, оранжевый. Они должны быть главными в картине, им следует быть гипнотически яркими. Причиной этому было учение Агни-йоги, разработанное женой Николая, Еленой, где этим цветам придавалось особое значение. В подтверждение этому можно привести несколько цитат из её книг: «Белый и лиловый сродни фиолетовому, синий – синему, потому больше советую держать в комнате эти цвета»³. По её учению, в цвета были окрашены даже мысли, при этом для бездуховных людей характерны низкочастотные цвета. Духовным людям должны быть

¹ Рерих Н. К. Нутро, 1940 г. // Листы дневника. Том 2 // Там же. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-rerikh-2/1000-nutro> (дата обращения: 11.11.2019).

² Рерих Н. К. Творчество, 1938 г. // Листы дневника. Том 2 // Там же. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-rerikh-2/1133-tvorchestvo> (дата обращения: 11.11.2019).

³ Озарение, 2.2.3.1.

неприятны «низкие» цвета, и наоборот. «Если для фиолетового луча даже очень высокий жёлтый неприятен, то как поражает внешнюю оболочку ауры семейство всех алых!»¹ Отсылки к свету и к огню также часты для её учения. Вот несколько высказываний: «В пятнах света играет Божественная энергия»²; «Явление радости есть огонь»³; «Учение Благословенного есть огненный поток»⁴ и так далее.

В своей статье И. Ю. Дьяченко подтверждает, что Николай Рерих заимствовал концепцию о свете из составленного его женой учения⁵. Сама сущность идеи света, по мнению автора статьи, понимается так, что свет «участвует в процессе самоорганизации духовной структуры человека»⁶. Соответственно, через свет можно показать то, что не способен увидеть человеческий глаз, то есть духовные элементы. Более того, про свет говорится, что на картинах Рериха «ощущению и впечатлению от него отведено главное место»⁷. Трудно сказать, преувеличивает ли И. Ю. Дьяченко роль света в живописи Рериха, но разбор данного аспекта проводится в статье довольно подробно. Автор приводит в качестве примера несколько картин Н. К. Рериха, в которых видна роль света, и даёт к ним комментарии. Эти комментарии немногословны, да и сами картины довольно красноречиво говорят о своём содержании. Однако нельзя не согласиться, что подборка приведена хорошая. Поэтому не имеет смысла подробно разбирать эти картины: роль света уже была обговорена нами выше, следовательно, далее стоит лишь перечислить их названия. Едва ли есть смысл менять подборку Дьяченко, потому что она довольно подробно отражает суть концепции света. Конечно, подборка получилась очень длинной, и в данной работе из неё будут приведены только некоторые названия: «Матерь Мира», «Христос в пустыне», «София-Прему-

Илл. 5. Ф. Ф. Конюхов. Гималаи. 2018

Илл. 6. Н. К. Рерих. Тангла. Песнь о Шамбале. 1943

дрость», «Сокровище гор» (см. Приложение 2, илл. 2), «Величайшая и Святейшая Тангла», «Святой Сергей Радонежский». В этих картинах мы находим и оккультные, и религиозные, и исторические, и пейзажные мотивы.

Выбор цветов двумя рассматриваемыми художниками очень похож, особенно при изображении горных пейзажей. Один из ярких примеров – картина Конюхова «Гималаи» (2018) (илл. 5).

Всю картину можно назвать «отсылкой» к Рериху. Горные выступы делятся на ярусы, над которыми ярко-красное небо. Верхний ярус

¹ Озарение, 2.2.5.16.

² Зов, 1.092.

³ Агни-йога, 4.459.

⁴ Беспредельность, часть 1 (5.059).

⁵ См.: Дьяченко С. Ю. Концепция «Почитания Света» в творчестве Н. К. Рериха // 75 лет Пакту Рериха. – 2010. – № 1. – С. 344.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 349.

Илл. 7. Ф. Ф. Конюхов. Погружение. 2017

Илл. 8. Ф. Ф. Конюхов. Айсберги. 2018

имеет золотисто-жёлтый цвет. Следующие два яруса голубые, а нижние горные пики багрово-красные, с пятнами чистого жёлтого цвета. На фоне гор изображён маленький домик. Его раскраска соответствует рериховской палитре идеально: крыша жёлтая, солнечная сторона – красная, а теневая – синяя. Это яркие цвета без

Илл. 9. Ф. Ф. Конюхов. Луна. 2017

оттенков и переходов. Схожее решение видно на картине Рериха «Тангла. Песнь о Шамбале» (1943).

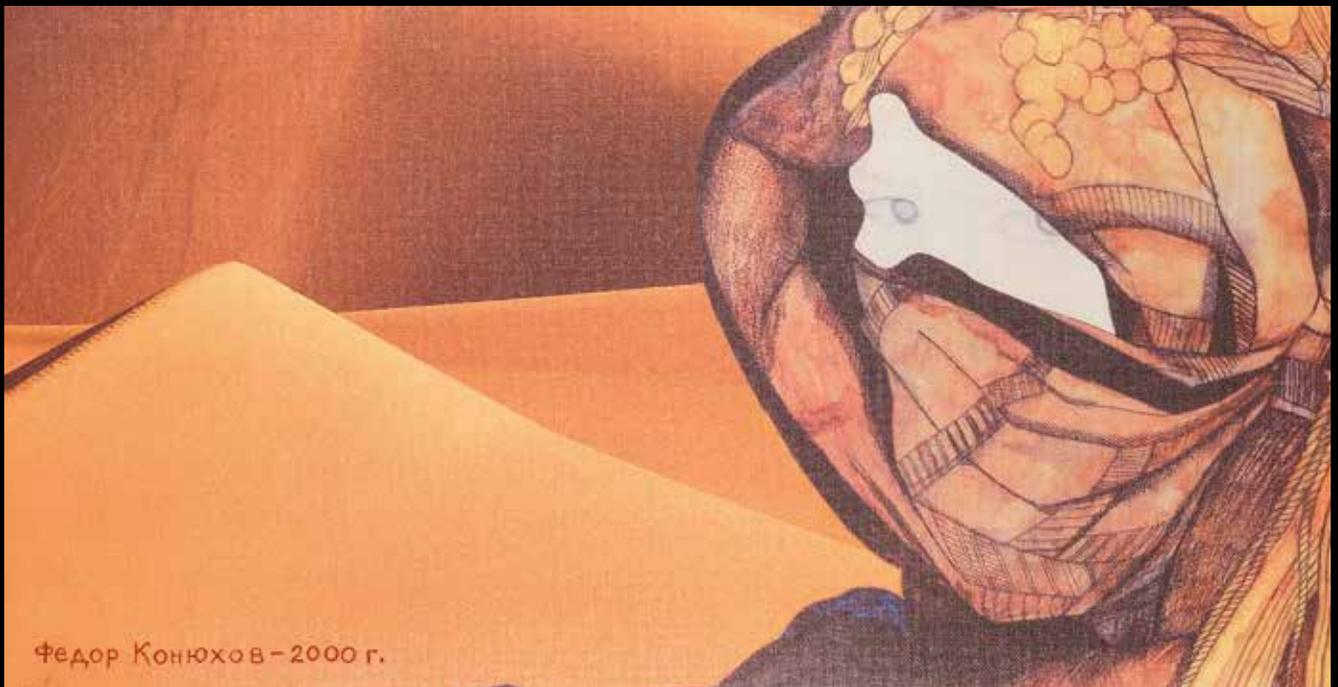
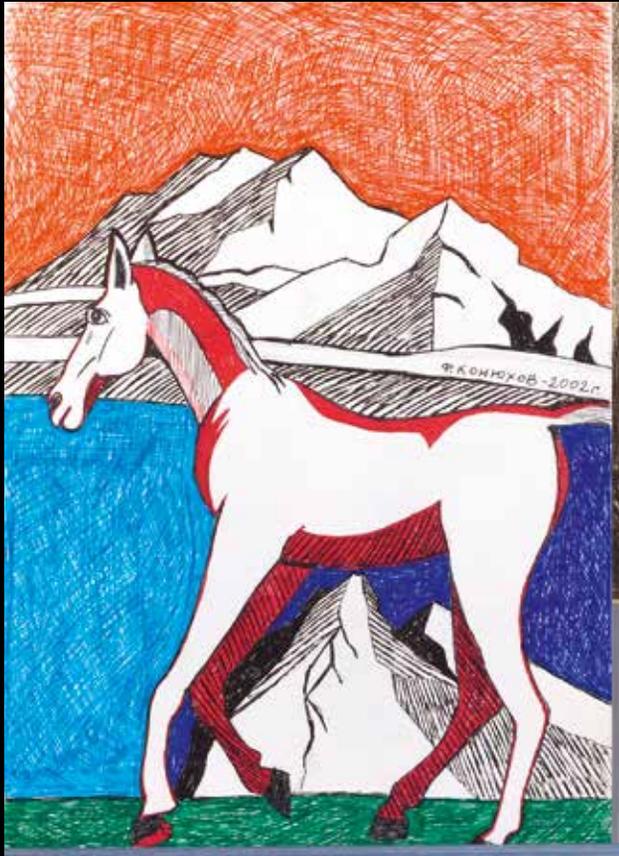
На картине «Погружение» (2017) (илл. 7) изображён кит под слоями воды. Вода лишена своей структуры. Здесь это, скорее, особое состояние света: голубой кит тонет в лазурном, синем и фиолетовом цветах, причём мы видим разные оттенки фиолетового: от почти розового до почти синего.

На картине «Айсберги» (2018) (илл. 8) глыбы льда отражают множество цветов, растворяемых в воде. Особое место уделено синему и фиолетовому, которые сочетаются с грязно-зелёным. Как и у Рериха, цвет развивается горизонтальными полосками.

Больше половины площади картины «Луна» (2017) (илл. 9) занимает ночное светило.

Оно несоразмерно огромно относительно неба, а звёзды словно заключены внутри луны. Её поверхность сине-фиолетовая, а по краям окружности просвечивают два золотистых месяца. Жёлтый цвет окрашивает белый парусник, идущий по морю. Колорит и мистический дух этой картины перекликается со «Сном белой совы» (2017).

Солнечные лучи на картинах Конюхова, как и у Рериха, заставляют обратить на себя внимание. Эти лучи геометричны, необычайно толсты и абсолютно неестественны. В картине «Мираж» (2018) солнце, закрытое головой кочевника, испускает шесть лучей. Они кажутся массивными и словно осязаемыми. В «Аркти-

ческом портале» (2018) световое облако буквально следует за кораблём, хотя остальная часть неба тёмная. На картине «Ангел с о. Гоф» солнечные лучи отражаются в озере, но распадаются на все цвета радуги ещё в небе. Кажется, что солнце не светит, а взрывается. Но Ангел находится выше солнца. Над ним же находится второе солнце – гораздо более крупное, но и более спокойное. Сверху картины – рука Бога. В «Африке» (2018) плотные лучи искажаются так, что становятся похожи на кольца Сатурна.

III. Особенности композиции. Ф. Конюхов в интервью указывал, что считает композицию неважным элементом, что противоречит мнению Н. Рериха, говорившего: «Картину, естественно построенную, вы не урежете и не прибавите. <...> этот предмет искусства <...> будет убедительным проводником Прекрасного»¹. Несмотря на это, композиция у Конюхова достаточно выверена и схожа с рериховской. Его картины, как правило, имеют немного планов. Но если у Рериха перспектива проработана, то Конюхов практически отказывается от неё. Более отдалённые планы будто просто располагаются над ближними. Однако картины Рериха тоже тяготеют к графичности, хоть и не так сильно. Следует отметить, что, хотя Конюхов почти не прибегает к линейной перспективе, на его картинах видна тональная перспектива, что характерно и для Рериха.

Художники схожим образом соблюдают принцип тектоники: цветовая гамма развивается горизонтальными полосами с резкими переходами, что видно на горных пейзажах обоих авторов.

Задача взаимодействия цветов решена у Рериха и Конюхова схожим образом: каждый цвет занимает много места на картине и не зажимается другими цветами. При этом их набор относительно невелик.

Три отмеченных сходства и роднят творчество этих двух художников, а именно:

манера письма (масло используется Конюховым так, как Рерих использовал темпера,

¹ Рерих Н. К. Творчество, 1938 г. // Листы дневника. Том 2 // Там же. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-rerikh-2/1133-tvorchestvo> (дата обращения: 11.11.2019).

смесь признаков живописи и графики в рамках одного произведения);

отношение к роли света и цвета (обилие ярких чистых цветов, преимущественное использование цветов высокого спектра и «огненных» цветов, большие локальные цветовые области, малая роль полутонов и переходов между цветами, заметная роль света и его лучей);

схожие композиционные решения (малое число планов, горизонтальное развитие цвета, тональная перспектива, упрощённая линейная перспектива).

Данные выводы позволяют пролить свет на творчество Ф. Ф. Конюхова и послужить основой новых работ о нём и его живописном наследии.

ИНТЕРВЬЮ С Ф. Ф. КОНЮХОВЫМ²

И. К.: Почему вы решили заняться живописью?

Ф. Ф. К.: Я родился и уже знал, кем я буду и зачем я живу. Я с детства рисовал. Ещё не писал, не читал, а уже рисовал. Когда я оканчивал школу, хорошо рисовал, и мне все учителя говорили: «Федя, тебе надо на художника учиться».

² Интервью приводится в сокращённом виде: из него вырезаны места, не относящиеся к теме работы, а также убраны речевые неточности, оговорки и повторы. Нестройные словесные конструкции, хорошо воспринимаемые лишь в устной речи, приведены в подобающую для письменной речи форму. Буквами «И. К.» обозначены мои реплики, буквами «Ф. Ф. К.» – ответы Фёдора Конюхова.

А отец советовал идти в мореходку. Я засомневался и решил: если я переплыву Азовское море на вёсельной лодке и не испугаюсь – пойду в мореходку; если испугаюсь – пойду в художественное училище. Ну и переплыл, и пошёл в мореходное училище, а в художественное не пошёл. А потом, когда служил, я продолжал рисовать, и мне говорят: «Фёдор, тебе надо на художника учиться» (а у меня уже целая папка рисунков). Один друг из Белоруссии советовал пойти в Бобруйское художественное училище, а другой, из Киева, советовал пойти в Киевское училище. Думаю, заеду в Бобруйск, посмотрю, как там. Заезжаю, уже начинается учёба. Показываю папку. Посмотрели, говорят: «Мы берём тебя». И я думаю: зачем мне теперь ехать в Киев? Вдруг не возьмут. Я остался и окончил с отличием, потом вступил в Союз художников СССР.

А потом меня направили на два года в Академию изящных искусств в Париже на повышение квалификации. Поэтому у меня не российское искусство, а смесь: я люблю Пикассо, Дали и других.

И. К.: Да, я заметил отсылки к разным художникам.

Ф. Ф. К.: Запомни, Пикассо (личная жизнь которого меня не интересует) говорил: «Если художник нашёл свой стиль, он уже мёртвый». Всю жизнь нужно быть в поиске. Я хочу, чтобы мои работы ни темой, ни мазками не повторялись.

И. К.: Вы сказали, что у вас нет собственного стиля. Но почему вы предпочитаете быструю манеру письма с большими цветовыми пятнами?

Ф. Ф. К.: Я бы не сказал, что быстро. Я картины пишу и по пять лет. У меня три тысячи картин. Я – график, у меня проходят выставки в разных городах, в разных странах. Я так делаю, чтобы человек, подходя к картине, не видел, что картина «замучена», «вымучена». Искусство подразумевает искусственность. Сейчас искусство стоит в тупике из-за точности рисунка. Во времена Шишкина это было нужно. Сейчас фотография отобразит вид лучше. Я пять лет писал вид мыса Горн, но когда увидел фотографии... смотрю и говорю себе: «Фёдор, ну что ты

бьёшься? Там такая фотография!» Я понял, что художник должен передать свои чувства и отношение к чему-либо, а не точно перерисовать.

Чем для меня примечателен Пикассо. Я не разбираюсь в его жизни и не подражаю ему. Но однажды его жена упрекнула его, что он двое суток не выходит из мастерской. А он ответил, что подобно мусульманину, оставляющему обувь на пороге мечети, он оставил своё тело на пороге за мастерской и пишет духом. Весь пол забросан окурками, а прожил он 92 года. До сегодняшнего дня ни один искусствовед не посчитал, сколько работ создал Пикассо. У него всё в тысячах. Он же был керамист, график, литограф, офортист, живописец, скульптор, делал аппликации. И не могут посчитать. Даже если просто черкать карандашом по бумаге, за всю жизнь столько сделать не успеешь. Но ведь он ещё был коммунистом и общественным деятелем. Он умел прессовать время. И до сего дня никто не смог создать подделку картины Пикассо, а вот подделок Айвазовского есть много. Его нельзя подделать, потому что он передаёт свою энергию, а её не подделать. И мне как священнику не важно, как нарисовать. Я стараюсь, чтобы от картины исходила энергия. Не важно, чтобы было красиво, чтобы была правильная композиция. Это оставит человека равнодушным, и он уйдёт дальше. Пикассо гениален, а Дали нет. Дали создал себя как гения своими повадками.

И. К.: Я знаю, что вам нравится Рерих.

Ф. Ф. К.: Да.

И. К.: Но мне непонятно, как вы миритесь с его взглядами.

Ф. Ф. К.: Священники уже надоели с этим вопросом. Никто не скажет против Рериха как путешественника (он провёл такие экспедиции!), против Рериха как художника. Когда я был на Гималаях, я увидел, что они выглядят так, как на картинах Рериха. Горы начинают сравнивать с его картинами! Если спросить, кто лучше всех изобразил Гималаи, все сразу скажут: «Рерих».

Рериха как художника, как путешественника я люблю, а его философию я не изучаю. Она меня не трогает. Я его не осуждаю: он 19 лет прожил в Гималаях, где не было ни телевизора,

ни радио, не телефона. Он был православным, но жил в другой стране, в другой культуре, и он смешал всё вместе: и православие, и буддизм. Если бы я столько лет прожил в изоляции, не знаю, как бы всё сложилось!

И. К.: А как вы считаете, Рерих повлиял на ваши поиски своих подходов к живописи?

Ф. Ф. К.: Повлиял! Он путешественник и ещё художник. То же самое – я. Почему, например, на Эверест поднимаются только спортсмены? Туда должны подниматься и священники, и художники, и композиторы, и другие люди. Они бы вдохновились и создали новые произведения.

И. К.: А в стилистическом плане повлиял? Я вижу некоторые параллели. Не говорю, что вы его копируете, у вас совершенно другой стиль.

Ф. Ф. К.: Я не копирую. Можно сказать, я ему подражаю. Когда мне говорят: «Твоё искусство стоит рядом с искусством Рериха» – это для меня очень большая честь, большое счастье. Время можно спрессовывать и успевать делать очень много. Мы подсчитали и поняли, что нужно триста лет, чтобы сделать столько, сколько сделал я. Так же и Рерих, и Высоцкий, и Шукшин. В этом надо как раз и подражать.

ИСТОЧНИКИ

1. Конюхов Ф. Ф. Там, где видно Бога. – М.: ИД «Достоинство», 2019. – 256 с.
2. Рерих Н. К. Листы дневника. Том 2. 2-е изд. – М.: Международный Центр Рерихов, 2000. – 512 с., тон. илл.
3. Рерих Н. К. Листы дневника. Том 3. – М.: Международный Центр Рерихов, 1996. – 688 с., илл. тон. цв. 1,5 п. л.
4. Рерих Е. И. Листы Сада Мории. Книга первая. Зов. – М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2003. – 400 с.
5. Рерих Е. И. Листы Сада Мории. Книга вторая. Озарение. – М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2003. – 328 с.
6. Рерих Е. И. Агни Йога (Знаки Агни Йоги). – М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2008. – 600 с.
7. Рерих Е. И. Беспредельность. Часть первая. – М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2009. – 472 с. – (Учение Живой Этики).

ЛИТЕРАТУРА

8. Дьяченко И. Ю. Концепция «Почитания Света» в творчестве Н. К. Рериха // 75 лет Пакту Рериха. 2010. – № 1. – С. 337–362. Текст: электронный // ЭБС, Cyberleninka [сайт] – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-pochitaniya-sveta-v-tvorchestve-n-k-rerih>.

9. Мюкайн О. «По воде, по суше и по воздуху»: вездесущий Фёдор Конюхов в искусстве // Фёдор Конюхов / Альманах. Вып. 557. – СПб.: Palace Editions, 2019. – 256 с.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

10. Газета «Невский исток» от 5 апр. 2019. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Ленинградская обл., г. Шлиссельбург, МУП «Издательский дом «Крепкий Орешек», 2019. – Режим доступа: <http://nevistok.ru/news/item/1017-esli-kto-to-khochet-uznat-moj-mir-pust-smotrit-moi-kartiny-oni-rasskazhut-o-mnogom-fjodor-konyukhov-moi-puteshestviya>

11. Картинная онлайн-галерея Фёдора Конюхова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://konyukhov.ru/projects/paintings/>

12. Николай Рерих. Живопись. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roerih.ru/roerih.php>

Андрей БАБОЖЕН

РУССКАЯ ИЗБА

Несправедливая судьба
Стучится дикой вьюгой в двери.
Стоит убогая изба,
В свою ненадобность не веря.

На всю округу – ни души,
Лишь мокрый снег да буераки.
И в звёздном небе миражи,
И вой то ль ветра, то ль собаки.

На десять вёрст – сплошной пустырь,
Заправлен рваным покрывалом,
А на пригорке – монастырь
Среди крестов, каких навалом.

Тайга кольцом смыкает круг.
Ночами месяц смотрит с неба
На дом, уставший от разлук.
Там пусто всё и всё нелепо.

Избёнок этих на Руси
Наверняка сегодня много.
Они заброшены в грязи,
Забыта нами к ним дорога.

И обветшалостью полны
Окрестности таких селений.
...За новой жизнью не видны
Постройки прежних поколений.

РОССИЯ

Как я люблю тебя, Великая Россия,
Где бьют ключи с холодной водой,
Где свод небес, то звёздный, а то синий,
Шатром стоит над милою землёй!

Мне дороги широкие просторы,
Луга, поля, зелёных трав покой
И деревень избёнки да заборы –
К ним я привязан сердцем и душой.

Страна моя, ты в свете многолика,
И грех, и святость – всё в тебе одной.
А в небесах печальным громким криком
Вновь журавли тоскуют над тобой.

Мне стал милей янтарный в поле колос,
Чем шум толпы в оправе городской.
Твои глаза – озёра, а твой голос –
Тот соловей, поющий над рекой...

ЧЁРНАЯ ПТИЦА РАЗЛУКИ

Чёрная птица разлуки
Клювом стучится в окно.
Снова берёт на поруки
Голову злое вино.

Праздник фарфоровой грусти
Кто-то вписал в календарь,
Память уже не отпустит
И унесёт меня встарь.

Где ты, мечта-недотрога,
Что ворковала со мной?
Вместо тебя у порога
Ветер лютует седой.

Он, словно вечный повеса,
Слепо кутит во хмелю,
Будто дитя мракобеса,
Жизни готовит петлю.

Только такой я породы:
Видно, упорство в крови –
Жду, несмотря на невзгоды,
Белую птицу любви.

ДОЖДЛИВОСТЬ

Я старше стал на лист календаря,
Что оборвал движением руки,
Прошедший день, он прожит мною зря –
Не написалось ни одной строки.

И плачет свод небесный надо мной,
Слезами омывая этот мрак.
А в двери лезет ветер ледяной,
Как будто вор. Засов ему – пустяк.

В камине дремлет тёплая зола,
Бегут по циферблату стрелки вдаль.
А жизнь – со смертью глупая игра,
Которую в финале всё же жаль.

Рябит воды озёрной тихо гладь,
Дождь бьёт по крышам, каплями звеня,
Но буду снова я украдкой ждать
Ту, для которой Бог создал меня.

НЕ ВЕРЬ!

Если скажут: «разлюбил» –
Ты не верь,
Сердце хрупкое сгубил,
Точно зверь.
Свою душу разметал
На куски,
И монеты вдруг украл –
От тоски.
Сгинул в поле средь зимы,
Словно волк,
И чужое взял взаймы
Или в долг.
Разбазарил, прокутил
Все рубли,
И чуть-чуть, мол, не дожил –
Унесли.
Нет, не стал бродягой я
На Земле,
Но зато судьба моя
Вся в золе,
И никак ей на тропе
Не везёт,
Потому она к тебе
Не дойдёт.

ДВЕРИ В НЕБО

Если в небо откроются двери
И помянут к себе в вышину,
И замашут мне лапами ели,
Не затронув собой тишину, –
Все дела я свои позаброшу,
За собою оставив стихи,
Да накину на плечи порошу,
Взяв тяжёлую ношу – грехи.
Может, станет немного обидно
Разрывать неоконченный век,
Но не будет душе моей стыдно
Попроситься к луне на ночлег.
И, умывшись хрустальной росой,
Обрету на рассвете покой
И уйду неприметной тропой,
Исчезая с погасшей звездой.

ТРИДЦАТЬ ВЕКОВ СПУСТЯ

Через тридцать веков я вернусь,
Чтоб доплакать, допеть, досмеяться.
В русских землях опять поселюсь,
Не желая по свету скитаться.

Обниму необъятную даль
И святыни, до боли родные.
Только ляжет на сердце печаль,
И заплачет оно о России.

Зарыдает зажжённой свечой,
Жёлтым воском на травы польётся,
Долгим эхом за горной рекой
Неожиданно вдруг отзовется.

Где-то там, в ледяном полусне,
Души близких друг с другом сольются.
В этой тьме посчастливится мне
К милой Родине вновь прикоснуться.

ПОМОЛИТЕСЬ ЗА РОССИЮ!

Помолитесь, люди, за Россию,
Глядя на святые купола!
Пусть увидит небо литургию!
Пусть звонят всюду колокола!

Не отречься от полей пшеницы,
Не забыть бездонный небосвод.
Возвратятся с юга снова птицы
В день, когда багульник расцветёт.

Там, где шепчут русские берёзы
Над ковром зелёных майских трав,
Крупные нетронутые росы
Усмиряют ветра дикий нрав.

Океан тайги и море сопок –
Небольшая часть большой страны.
Сколько в них для глаза милых тропок!
Сколько громогласной тишины!

Чтоб не допустить в судьбе стихию,
Чтобы жить любя, а не рубя,
Помолитесь, люди, за Россию,
Помолитесь, люди, за себя!

НАЧАЛО

Средь вековых и гордых сопок,
Где солнце кутается в синь,
Из-под земли, журчлив, но робок,
Возник родник – России сын.

Его туманы пеленали
В кудряво-сочную траву,
А клён в задумчивой печали
К нему склонял свою листву.

Вода по камушкам бежала
И пробивала путь себе.
Какое славное начало
В многоликующей судьбе!

И пел здесь песни, как по нотам,
Багул таёжным языком,
А где-то там, за поворотом,
Родник стал звучным ручейком.

Он всё шумел под косогором
И жажду леса утолял,
Весёлым звонким разговором
Смывал тоску с подножья скал.

В краю родном, за светлым лугом,
В лилейной дымке кочевой
Два ручейка слились друг с другом,
Чтоб легкотечной быть рекой.

Под небосводом русско-синим,
Где горы стряхивают снег,
Из робких родников России
Берут начало сотни рек.

ЗДРАВСТВУЙ, АЛЁНА!

Где-то там, далеко от меня,
Под уже обнажённой сиренью,
Бродишь ты, свою тайну храня,
У околицы светлую тенью.

В гордом крае раскидистых гор,
За пшенично-густыми полями,
Всё заводишь со мной разговор
Дорогими для сердца словами.

Между нами густая тайга
С горьким привкусом спелой брусники,
И в дорожную скуку слегка
Окунаются лунные блики.

И опять в поздний час не до сна –
Мы не спим, согреваясь мечтами,
Будто нам улыбнулась весна,
Пока осень рыдает дождями.

Представляется мне без конца:
Под листвой деревенского клёна
Твоего я касаюсь лица
И шепчу тебе: «Здравствуй, Алёна!»

Я УЙДУ

Я уйду просто так, по-английски,
Из тех мест, где любви больше нет.
Пригублю на прощание виски
И куплю в скорый поезд билет.

Небо вздрогнет от сильного грома,
Озарит ночь шальная гроза,
Из родного мне некогда дома
Полетят по пятам голоса.

«Ты вернись», – вслед прошепчет осина.
«Воротись», – скрипнут двери за мной.
И, как мать, потерявшая сына,
Вдруг заплачет берёзка листвою.

И луна – золотая монета
Из-за туч поглядит на меня.
Возвратиться – дурная примета,
Своё грешное сердце кляня.

Только люд не заметит пропажу,
Жил – не стало. А мало ль таких?!
И опять будет прясть эту пряжу
Из мгновений слепых и глухих.

И пусть станет душе одиноко,
Точно тополю в старом саду,
Но от глаз посторонних до срока
В час ненастья я тихо уйду.

БЕРЁЗОВАЯ ДАЛЬ

Увидел я берёзовую даль
Под красногривым бархатным рассветом,
Там родников глубинная печаль
К себе звала несказанным секретом.
Пчелиный гул негромкий трудовой
Стоял над желтоглазыми цветами,
Где приглашает август на постой
Под хвойными тенистыми шатрами.
А в трёх шагах, лишь руку протяни,
Всё утро и до самого полудня,
Считая годы звонкие мои,
Гадала мне пернатая колдунья.

И я считал. Но сбился, видит Бог,
Замолк, и слушал голос этой врушки,
И, как ребёнок, радоваться мог,
Что был в гостях у леса на опушке.

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

По-особому мне как-то дышится:
Август месяц закончил полёт,
А в дожде голос осени слышится,
На воде поутру виден лёд.

Облака всё темнее становятся,
И желтеет в долинах трава...
Мне сегодня прощаться приходится
С отчим краем, где плачет листва.

Уезжаю стезёю туманною,
Обещая, что скоро вернусь.
Вот и ты оказалась обманною,
Моя горькая милая Русь!

Я же верил в тебя, соловьиная,
Доверял свои тайны и сны,
Песня пелась негромко старинная
На окраине ранней весны.

Всё прошло, в дымке лето растаяло,
Журавли унесли его цвет.
А судьба моё сердце заставила
По земле уходить им вослед.

И уже по дороге изъезженной
Мчусь куда-то. В глазах пелена.
Я прощаюсь с тобою, как с женщиной,
О Россия – бродяжья страна!

НАСМЕШНИЦА

Девчонка рыжая, как осень,
Смеялась звонко надо мной.
Её характер был несносен –
Какой-то жгуче-озорной.

А я бесился, точно ветер,
Срывая дикие цветы,
Но приходил к ней каждый вечер
Увидеть нежные черты.

И смех девичий, словно речка,
Журчал по сердцу моему.
Душой я таял, будто свечка,
И погружался в полутьму.

И брёл до дому каждой ночью,
Когда в оконце меркнул свет.
А с неба туч свисали клочья.
Давали звёзды свой совет.

Дожди косили травы детства
В холодных сумерках полей
И оставляли мне в наследство
Портрет насмешницы моей.

Льёт золотую краску солнце,
Напоминая её прядь.
Кому в сей час она смеётся?
Едва ль смогу теперь узнать.

ОКРЕСТИТЕ МОЮ ДУШУ!

Окрестите в чистом храме мою душу,
Отпустите, словно птицу, тяжкий грех!
Десять заповедей больше не нарушу,
Обернув свою печаль в счастливый смех.

Не желаю по Руси святой скитаться,
Быть бродягой, как когда-то, силы нет.
Я хочу любовь найти и с ней остаться,
Да испить до дна не полночь, а рассвет.

Над Россией в синем небе ворон кружит,
На погибель чью-то, видно, прилетел,
Непогода в белом поле снова выюжит,
Вижу сон: меня выводят на расстрел.

Ах ты, Родина моя, не плачь, не надо,
Тишиной январской грудь мне не волнуй,
Лучше дай побыть в плену у снегопада
И твой в памяти оставить поцелуй!

И пускай все проклинают злую стужу,
К дням весенним оборвалась правды нить,
Окрестите в чистом храме мою душу,
Чтобы смог её я верой исцелить!

Агаси ВАНИЕВ

29 лет. Поэт. Живёт в г. Краснодаре. Участник конкурсов «Россия – земля моя!» и «Слово». Темы в поэзии: философия, лирика и гражданское право.

НЕ НУЖНО У МОРЯ СИДЕТЬ ДО ПОГОДЫ

Не стоит у моря сидеть до погоды,
Которая может рассеять невзгоды,
И верить не стоит, что время придёт
И счастье с собою оно принесёт.

Ведь всё в этой жизни идёт чередом,
Круги нарезаю большим колесом.
А время бежит непрерывной волной,
Нешадно смывая период живой.

Жизнь истекает, надежды гниют.
Крупницы бывшего лишь эхом спюют
О том, как остался у моря дурак,
Так не дождавшись погоды никак.

Я ПОЛАГАЛ, ЧТО ЖИЗНЬ – ЭТО ШРАМЫ

Я полагал, что жизнь – это шрамы
На ладонях прожитых лет,
Что в каждом из них доносятся гаммы,
Которыми баловал свет.

Что это в пути неожиданные встречи,
Которые знала судьба:
Опора семьи, возлюбленной речи
И даже око врага.

И, может быть, поиск тайного смысла –
Суть себя самого.
Грехи и ареты нести коромыслом,
Дабы постигнуть всего.

Но нет! Жизнь не имеет понятий,
Рамок и внешнего вида.
Жизнь – это нечто из тысяч объятий
Каждого ценного мига.

КОГДА ОДНИ МЫ ОСТАЁМСЯ

Когда одни мы остаёмся,
Совсем одни в тиши ночной,
То прошлым будням предаёмся,
Пока в душе не стихнет вой.

Мы предаёмся тем моментам,
Где есть победа и провал,
Где брань дерзила комплиентам
И смех сменял печали вал.

Переживая встречи и прощания
Находок дней среди потерь,

В душе мы ищем оправдания,
Чтоб не открыть бывшего дверь.

За этот клад не раз возьмёмся,
Касаясь мысленно рукой,
Когда одни мы остаёмся,
Совсем одни в тиши ночной.

ФРЕГАТ

Я не знал, что будет в начале,
И не знаю, что будет в конце.
Эта жизнь, как фрегат на причале
Бытия в философском ларце.

По волнам многих лет и событий
Через шторм чёрно-белых полос,
Многолетних уходов, прибытий
Проплывал, пока медленно рос.

Ветер времени дул неустанно
В паруса всех заветных надежд.
Иногда он внимал перевозданно,
Иногда не касался и вежд.

Грянет день. Доплыву я до края,
Где оставлю свой якорь наград.
Эту жизнь по кирпичикам зная,
Разложу, коль настроюсь на лад.

Мне отрадой достанется вера,
Что потомки осмотрят фрегат
И на фоне семейного древа
Колыхнёт новых подвигов флаг.

ПУТЬ НАРОДА

Стоя выше над природой,
Обречённые судьбой,
Мы идём своей дорогой
Между миром и войной.

То ударимся о скалы,
Поднимая вверх бокалы,
То поднимемся из мглы
Вольным духом, как орлы.

ЮЖНЕЕ, ЮЖНЕЕ: НА САМЫЙ ЮГ

8 августа 1991 года. Позвонил Чилингаров, наш известный полярник и блестящий организатор полярных исследований: «Летим в Антарктиду эвакуировать полярников с "Сомова". Как ты?»

Ну конечно, хотелось.

А здоровье? А дела? А родные? Осмотрелся. Вечером позвонил старенькой маме, поговорил с женой, на работе. Согласны. Летим. Да и полёт-то семь-десять дней. Летели на Ил-76: Москва – Эмираты – Таиланд – Сейшелы – Зимбабве – ЮАР. Об этом разговор особый. Вот и ЮАР. Вылетаем из Кейптауна. Впереди Антарктида. Континент, освоенный русскими.

Прикосновение к Антарктиде было нежным. Не знаю, сколько раз садился на землю командир нашего корабля Станислав Близнюк, может быть, сто, может быть, тысячу, но уверен, что это было одно из самых ласковых его приземлений. Напряжённость на наших лицах и лицах летевших с нами юаровских коллег-журналистов спадает, все дружно аплодируют и быстро-быстро говорят. Наверное, прорывается нарыв тревоги. Известно, что при большом страхе холодеет низ живота. Пожалуй, так. В большинстве случаев чувствуется опасность снизу. В море, в небе, в горах. Приземление как бы разряжает тревогу. Мы на своей, родной земле. Родной ли? Да и земле ли?

По учебнику Антарктида – континент, но кругом неоглядный лёд. Где он, континент? Насколько далеко его поверхность от царственного ледяного покрова?

Катимся по аэродрому, то бишь по взлётно-посадочной полосе (ВПП). Как и кто приготовил её? Как можно спаять эту секущую позёмку и бугристый лёд? Как может выдержать эта зыбкая и хрустящая масса многотонный Ил с его грузом для полярников?

По возвращении в Кейптаун за ужином лётчики слегка приоткрыли завесу опасности: неизвестность, прочность полосы, её длина, видимость. Всё под вопросом.

В любой антарктической экспедиции обдуманый риск соседствует с авантюризмом. Если операцию тщательно не подготовить – на первый план выходит авантюризм, если профессионализм подкрепляется высокой организацией, то её рискованность снижается. Операцию готовили тщательно и оттуда, из Москвы и Ленинграда, и отсюда, из Антарктиды, с «Молодёжной». На послеполётном приёме у мэра Кейптауна знакомимся с приземистым крепким человеком. Он спрашивает:

– Где тут лётчики, что они говорят о полосе?

– Извините, мнение непрофессионала, отличная полоса.

Александр Андреевич, а он один из тех, кто готовил аэродром, кивнул, но явно неудовлетворённо. Он хочет знать все погрешности своей полосы.

День за днём уплотнялся наметённый на полосу снег, утрамбовывался, вжимался, втирался, становился плотной массой. И каждый день бросали сверху «уплотнитель», «плотник» – прибор, который измерял твёрдость поверхности.

В первых совместных экспедициях и речи о перелёте из Северного полушария на континент не было, но с 16-й антарктической экспедиции уже пробовали, экспериментировали, готовили дорожку. И вот прилетел Ил-18. Это было уже на 25-й экспедиции. Авиасвязь с Родиной, с Большой землёй стала постоянной. Однако такого гиганта, как Ил-76, Антарктида ещё не

Артур Николаевич Чилингаров

принимала. Молодцы лётчики! Молодцы полярники! Молодцы конструкторы! (Ведь удельный вес у 76-го даже меньше, чем у предшественников.)

Когда летели к «Молодёжной», из кабины лётчиков донеслось: «Справа "Сомов"». Но он как-то быстро и невпечатляюще проплыл, рассыпавшись в сверкании солнечных лучей. И вот «Молодёжная». От жаркой Москвы, тёплого Кейптауна – в пронзительно-ветреную морозную Антарктиду. В полярную ночь! Стой, а сияющее солнце, причудливые кристаллы искрящихся льдин, сверкающая до боли в глазах снежная равнина? Да, это короткий и светлый промежуток для посадки выбрали метеорологи и лётчики, руководители штаба ещё в Кейптауне. Станислав Близнюк, как всегда немногословный, в штабе спрашивал прогноз, рассматривал триптих погодной карты – вчера, сегодня, завтра – и на следующий день переспрашивал, что подтвердилось. Юаровские метеорологи показали высочайший класс точности, пишу не для того, чтобы приуменьшить работу наших. Нет, они трудились столь же самоотверженно. Но ведь встреча с юаровцами, их прогнозы для столь ответственной операции были впервые. И как радостно, что они были столь плодотворны. После возвращения из Антарктиды, суматохи первой встречи, когда у лестницы постояли усталые лётчики, руководители экспедиции, экипаж увидел стоящего вдали юаровского ме-

теоролога и кинулся к нему пожимать руки. «Колоссально! Точно до часа!» Он смущённо качал головой: «Ну что вы, вот японцы – те и на десять минут не ошибаются». Ошибаются, наверное, но юаровский метеоролог не хотел преувеличения собственных заслуг...

...Итак, «Молодёжная». Спускаемся по лестнице и сразу попадаем в круговорот секущей метели. Бьёт по ногам, лезет под куртку, забивает дыхание. Я долго буду помнить это состояние безвоздушия, одышки, останавливающегося дыхания. Где-то вверху плавал желток солнца, заслонённый языками снежных вихрей. Вокруг самолёта разбежались телевизионщики и фотографы и снимали, снимали, снимали эту веселящуюся ярмарку снега, согнувшихся людей и беснующуюся в каком-то своём белом танце позёмку. Ух и крутануло, ввинтило нас в Антарктиду с первых шагов.

– В вертолёт! – кричит Чилингаров.

Вваливаемся, отряхиваемся, оттираемся, улыбаемся, смеёмся.

Все тянутся к вертолётным иллюминаторам. Внизу носом кверху с любопытством взирают на пришельцев гигантские ледовые тюлени – айсберги. Признаться, я испытываю до сих пор восхищение и страх перед этими исполинами полярных морей. Мне кажется, какой-то громадный циклоп сбрасывает их с тела Антарктиды, чтобы не допустить смельчаков к её берегам. Вот и он, гигант с черепашьей поверхностью – тот айсберг, что, сорвавшись в морскую пучину, закрыл выход «Сомову» и крутанул так, что создал непредвиденный дрейф. Его длина два километра. Положив вытянутую ледяную голову на прозрачные лапы, он дремал в сиянии солнца и казался святочным украшением, а не обломком застывшей стихии.

Приземляемся на «Сомов». Сверху он красив. Этакий красный (в полном смысле слова) молодец в белом обрамлении. Однако всё не совсем так. Он хотя и красный, но с тёмными пятнами, облупившимися стенами, наростами льда на палубе и мостике. Ясно постепенно, что не молодец, а пленник. Мрачный капитан не позволяет никому выйти вниз на лёд. Опасно. Чёрт знает, как поведут себя льдины.

Наш фотокор Михаил Харлампович и юаровские корреспонденты умоляют, но кэп непреклонен. Он почему-то не хочет, чтобы «Сомова» фотографировали со льда. Только тут: на мостике, палубах, носу, с панорамой, с членами экипажа, с заходящим солнцем, с горизонтом, с советским флагом и, конечно, с этим покрывающим предвечерней синью айсбергом.

Короткое интервью с капитаном и начальником экспедиции Плигузовым. Вопросы задавали юаровцы.

– Сколько людей остаётся?

– Шестьдесят три.

– Женщины?

– Нет. Все улетают.

– Сколько люди жили здесь, в Антарктиде?

– По-разному. Некоторые в течение двух лет.

– На каком расстоянии вы от «Молодёжной»?

– Тридцать три мили.

– Как вы попали в дрейф?

– Зима была суровая. Мощный циклон создал 32–35 метров в секунду. Сошёл мощный айсберг, и он образовал движение льдов. Судно не смогло справиться с ветром и попало в дрейф.

В Антарктиде мы всегда действуем на грани фола. А вот Антарктида напомнила нам свои правила игры. Ледовая обстановка была благоприятной, но то, что произошло, говорит, что с Антарктидой шутить нельзя.

– Имеется ли угроза для корабля?

– Нет, в данный момент нет.

– Пытаетесь ли вырваться из ледового плена, работают ли двигатели?

– Нет, не работают. Бесполезно. Иногда только, чтобы сохранить винто-рулевую группу.

– Есть ли опасное давление на корпус?

– Нет, сейчас нет.

– Как с питанием?

– Нелегко. У нас на борту было двести двадцать человек, но запас был ещё на полтора-два месяца. Сейчас, с учётом того, что привёз Ил, – на три месяца.

– Вы следите за событиями в стране?

– Да. Но отсюда далеко и невозможно комментировать.

– Вы остаётесь? Как команда?

– Нормально. У неё обязанности. Машина, мостик, вахта, камбуз. Да мало ли дел у команды!

– А вы отдыхаете?

– У нас есть фильмы, спортивные снаряды, шахматы, библиотека, музыка.

А уже через 15 минут в кают-компании встреча с коллективом. Тут первый вопрос: что там, на Родине? Что за путч? Конечно, ни Чилингаров, ни Круцких точно не знали. Но твёрдо – за конституционный порядок. А затем вопросы по быту, науке, перспективам: когда же введут полярные надбавки, каков коэффициент добавили? Отвечает директор Арктического института, профессор Борис Андреевич Круцких. Отвечает честно, не вилает. Люди раздражаются, но понимают, когда перед ними предстаёт картина всей сложной ситуации полярных затрат. Государство свои расходы на исследование Антарктиды снизило, а новые источники не найдены. Ну об этом позднее.

Несколько слов сказал и я от имени «Роман-газеты». Приятно было увидеть в коридоре женщину, которая читала наш журнал. «Роман-газету» читают даже у Южного полюса! «Что же вы читаете?» – неожиданно обратился я. «Да всё, что вы печатаете. Нравится журнал».

Сердце млело, душа радовалась, а мысль, правда, с издёвкой подсказывала: вежливость, вежливость. Не может же всё нравиться. Нужна ли литература в наше смутное время? Что она значит для человека?

Мощный и крепкий штурман самолёта Юра Егоров проявлял к нам неподдельный интерес и задал, как мне показалось, без ехидства вопрос: «А какое право вы имеете писать? – Потом поправился: – Кто вам даёт это право?» Скажу честно, я, опробованный во многих испытаниях, пресс-конференциях, дискуссиях, смутился. А действительно, всегда ли надо брать за литературное дело без оснований, без разрешения? Нет, не власти, не цензуры, а собственной совести, законов нравственности. Нелёгкий вопрос литераторам и издателям. Во всяком случае, встретить читательницу «Роман-газеты» в Антарктиде было приятно. Сестра-хозяйка Людми-

ла Павловна была доброжелательна и вручила гранитный кусок Антарктиды с вкрапленными гранатовыми блёстками. Берегитесь, недоброжелатели «Роман-газеты», мы вооружены твёрдым гранитным признанием наших почитателей.

Краткий налёт на «Сомов» заканчивается. Вертолёт снуют туда и обратно. Вывозятся последние члены экспедиции. Надо успеть до захода собраться на «Молодёжной», оттуда загрузиться в самолёт и затем взлететь в полной темноте. Вылетаем и мы на «Молодёжную». Последний взгляд на «Сомов». Нет, не молодец, а сиротливый, скованный льдами мужик. Долго ещё предстоит ему дышать в ладони своих двигателей, бить по полам своего судового армяка, согреваясь и вздрагивая, чтобы не замёрзнуть в сугробах и льдах чужбины. Но придёт час, взрвут его машины, колыхнётся полярный мужичок, хрустнут ледяные позвонки, натужится его корпус и ударит в толщу окружающую. Может, она и лопнет, и выйдет он на простор, и пойдёт, натруженный и уставший, на север, ибо отсюда, от Антарктиды, все пути ведут на север, на Родину. До свидания, «Сомов».

Садимся на «Молодёжной». У вертолёта стоит вездеход с высоким, славным, мужественным, доброжелательным водителем. Где же я его видел? Ну да, у Джека Лондона встречались, да ещё в «Двух капитанах» у Каверина, да ещё... В общем, типичный полярник. Обветренный, обтёсанный, ладный, какой-то притёртый к природе, к ветрам, льдам. Мы-то, журналисты, вывалились из вертолёта какие-то распухшие, растрёпанные, неприспособленные.

– Лев, – представился водитель. – Садитесь на почётное место, и к отходу солнца подвезу.

Бросаем в вездеход сумки, камеры, рюкзаки. С места в карьер. А дальше был невероятный, скрежещущий, хрустящий и ревуший рейс к скорбному месту для всех нас, на самое южное, самое холодное, самое ветренное кладбище наших соотечественников.

Вечный покой. В крутящейся вьюге с последними блёстками солнца силуэтился антарктический погост. Никогда не ожидал, что уже столь много людей закончили свою жизнь тут, на южном материке. Говорят, 67 полярников

погребено здесь. А сколько всего погибло здесь? 200–300? Много. Очень много – неоправданно много. Отчего погибли они? Несчастный случай. Сердечная недостаточность. Смертельный мороз и ветер. Катастрофа. За всем этим жёсткая сила, а порой и свирепость, коварство Антарктиды. Она не прощает ни одного упущения, непредусмотрительности, отступления. Но если даже всё соблюдено, порой наносит беспощадный удар, как говорится, без мотивации. За грехи, наверное, наши, за грехи тех, кто собирал здесь людей и направлял их на дело, в экспедицию, в разведку. И конечно, должен стоять здесь святой крест, под сенью которого могут покоиться верующие и неверующие христиане, полярные эти путники России, после долговременных странствий.

Умерших отсюда не увозят, они так и остаются в скалистой, кристаллической материковой земле. Только недавно родители одного из умерших потребовали привезти его тело на Большую землю, домой. На «Сомове» один из вопрошающих спросил: «Сколько будем возить груз двести?» В кают-компании повеяло холодом, возникла пауза, все замерли. Руководители переглянулись и сказали: «Надо ещё раз поговорить с родителями». За словами спрашивающего слышалось: несчастья «Сомова» и от этого мрачного груза. Действительно, корабль не приспособлен к таким трагическим перевозкам через все широты, тропики, экватор. Проблема. Печальная проблема, которую надо решать.

Над кладбищем протянулись вихрастые руки пурги. Они завязывали узел белого савана над могилами умерших. Господня земля здесь хранила их прах, а души их были там, где уж нет места земным болезням, печалям и воздыханиям.

Дальше едем на высокую господствующую точку. Да, заход солнца – это утрата дня. А здесь это и смена погоды. К холму из потемневших ущелий и низин тянутся длинные языки позёмки, вот-вот совьют белый саван и закроют горизонт. А там, в столбах и потоках снежной пыли, садится в остатки света солнце. Верхняя часть неба тёмно-синяя, затем полоса бирю-

зы, затем оранжевая и багрово-красный нимб над опустившим кромку за завтрашний день солнцем. Явственный рывок, и уже половина светила за горизонтом. Ещё мгновение – и уже только пылающий ореол под давящей тьмой. Да яркая, чёткая, пылающая звезда рядом. Или планета?

– Юпитер! – объясняет Лев. И этот надгоризонтный Юпитер врезался в память на всю оставшуюся жизнь.

Вездеход залязгал и бросился уже во тьму. Закутанные и завязанные журналисты с тревогой прислушивались к мотору, который надсадно ревел, урчал, завывал, пищал, скрежетал, бросая машину на ледяные корки, каменные россыпи, снежные сугробы. Ледяные площадки, торчащие наледи, коварные низинки вставали на дороге вездехода. Одни он преодолевал с ходу, другие сжёвывал, над третьими прерывисто крутился. На одном таком развороте вездеход не мог зацепиться своими гусеницами и закружился на обдутой ветром ледяной плоскости. Первый разворот вызвал в брезентовом салоне, освещённом тусклой лампочкой, весёлые восклицания, второй – нервный смех, третий – тревогу, четвёртый – испуг. Ещё немного – и невесомость – столь стремительно, как юла, вращалась громада вездехода. Мешки, рюкзаки, люди падали друг на друга, мы хватались за устойчивые предметы – лавки, железные дуги, кабины, пол. Рёв мотора – и соскальзываем с искрошенного льда в колею. Ещё немного, и останавливаемся. Поспешно вылезаем из нашей кабины. Пошатываемся. А улыбающийся, весёлый Лев, похохатывая, приглашает в сооружение на тонких ножках. Ножки, правда, не куриные, а металлические. Они прочные, и их много. А поднято сооружение, дабы снег продувало, иначе засыплет домишко, закроет его с верхом, придавит снегом дверь – и соси лапу. А поскольку у человека лапы нету, а запасы не бесконечные, то, как бывало не раз в полярных экспедициях, такая зимовка оканчивалась трагически.

Поднимаемся по лестнице-трапу в строе-ние № 13, перед дверью трёхсторонняя кабина, заграждающая от шквального ветра. Вроде бы

пневматическая ручка, сделанная по принципу щеколды, бронированной или, по крайней мере, металлической двери. Заходишь, и она, как в самолёте, герметически захлопывается. Кажется, не ворваться сюда ни малейшему дуновению. Но нет, за ней в прихожей вторая дверь. Веник. Третья дверь. Уф-ф-ф. Коридор тёплый, с милым учрежденческим красным ковром, высмеянным юмористами, но так уютно выглядевшим здесь, когда за окном метель, ветер, снег.

– Проходите, проходите! – любезно приглашает Лев. – Вот здесь мой кабинет. – Увидев удивление на лицах, поясняет: – Начальник экспедиции на «Молодёжной» Саватюгин! – И хохочет: – Тут всё надо уметь: водить, варить, грузить и руководить.

Удивляемся уюту и теплу. Дальше ещё больше. Вторая комната отделана коричневыми панелями, верх – оригинальной светло-кофейной с узорами тканью. Не «Савой», конечно, но, но... Кто-то из полярников поясняет:

– Лев сам тут возился, красил, обивал, утеплил.

Даже на лицах оказавшихся уже тут руководителей Круцких и Чилингарова удивление с удовлетворением. Я слышал потом реплику: «Лев-то ещё лучше, чем мы думали». Мы же о Льве Михайловиче ничего не думали, а просто были в восторге от его радушия, желания ответить на все вопросы, подтрунивания над собой, Антарктидой и нами. На его шее была сегодня вся перевозка, транспортировка грузов, размещение прилетевших с «Сомова». Но он не паниковал (ведь не каждый день 200 человек принимает станция), не срывался, не кричал, а с прибаутками, иногда с ехидным остреньким словечком отдавал указания, советовался, бегал куда-то, возвращался и каждый раз отвечал на вопросы юаровцев, подсовывал им бутерброды, не отказался от рюмки оказавшейся в наших рюкзаках «Зубровки».

Прилетел последний вертолёт с «Сомова». Раздаются чёткие указания, которые тут же передают по радио: «Весь груз пропускать через весы! Груз не должен превышать сто килограммов на человека!»

А все члены СЭ готовились к отлёту. Выходим постоять у дома. Внизу сразу прижимает к лестнице. Лишь забившись в нишу двери, закрыв нос рукавицей, смотришь вверх. Не ясно, что за звёзды, что за созвездия. Наклоняешь голову, может, этот ракурс поможет? Нет, кроме указанного Юпитера, ничего нет. Объявление: «Приготовиться к пуску ракеты! После отлёта производится через пять минут! Через три! Две! Одна!» Красная ракета ввинтилась в темноту антарктической ночи. Однако посадку не объявляют. Темнота, шквалы ветра, свист, метель. Взлетим ли? Объявление: «Рейс переносится на утро! Подъём в 5:30, сбор в 6:00. Посадка в 6:30. В 9 взлёт».

Лев кряхтит, что-то спрашивает у Чилингарова, Круцких. Кивает, звонит по телефону. Мне нравится безусловная иерархическая подчинённость полярников, чёткость исполнения, быстрая обратная связь. Чилингаров – стратегия операции, контакты по главным вопросам, Москва; Круцких – обоснованные аналитические решения, Ленинград; Плигузов – погрузка, размещение, «Сомов»; Саватюгин – дирижирование движением, связь, «Молодёжная». Они руководители, но они же полярники. То есть равные всем, не претендующие на особые, комфортные условия в размещении, еде, одежде.

Когда решили остаться на ночёвку, от сердца отлегло. Летать-то в темноту...

Итак, ночуем в Антарктиде. Нам предлагают поужинать в кают-компании. Что ж, отведаем полярной кухни. Но вот тут-то и пришлось хватануть другого хлеба: ночного мороза, колючего снега, вихря ледяного. Никак не можешь продохнуть. Состояние такое, как будто застрял ком в горле, лёгких. Эх, постучал бы кто по спине. Пожалуйста. Крепкий удар разворачивает в обратном направлении. Вдоль трассы, от дома к дому, тянется эстакада, можно идти, придерживаясь каната, но все идут чуть в отдалении. Ну не малодушничать же.

Вот и ножки дома, где находится кают-компания. Обнимаем их и подтягиваемся на лестницу. Ну а кают-компания – прелесть. Тепло, светло, на стенах, к восторгу юаровцев и нашему, белые берёзы, небольшие холмы,

светлые речки и зелёные луга. Россия... Да неужели же есть это где-то? А вот это есть там и тут. Над бачком деловое предупреждение: «Товарищи полярники, просьба наливать компот над ведром». Нальём, нальём, не расплескаем, товарищ дежурный.

Бин, Сахм, Бриан, Самуэль, Шарль, Ганс, Герард вместе с нами по-колхозному, коллективистски стаскивают столы. Несём на столы картошку, мясо, капусту, маринованный лук и чай. Вкусно, жарко. Оттаиваем. Девушки ходят к повару и без перевода благодарят, просят принести чистой воды. А вода чистейшая, вкусная, без вредных примесей. Её добывают из озёр. В другом месте – изо льда, в котором нет примесей индустриальных отходов, газовых облаков, сброса горючего. Юаровцы похваляют еду, удивляются ножам без ручек (знающие люди предполагают, что их использовали на блесну), читают грозный, написанный древнерусским стилем указ о том, что не пить, не курить, да и не ругаться в общественных местах.

Гости вначале присмирели, не ощутив в грозных словах юмора, и лишь потом, разобравшись, громко хохотали и подначивали друг друга, ссылаясь на суровый указ.

Дальше пробирались по своим местам, разгребая охапки вьюжного воздуха, отворачиваясь от забивавшейся в рот снежной пыли, растирая нос и щёки. И вот тут я понял, для чего нужны светлые изогнутые плексигласовые лопаточки, стоявшие у входа. Это они прикрывают нос и щёки от секущего снега, от упругого и порывистого ветра, дают возможность вдохнуть и выдохнуть, что очень тяжело на открытом воздухе. «Телевизор!» – так окрестили прозрачную лопатку-маску в этих широтах.

Кое-как доплелись до спасительного 13-го. Туда-сюда сновал Лев Михайлович, подтянулись руководители экспедиции. Круцких находился в кашле, болело прихваченное миазитом плечо. Непрерывно курил Чилингаров. Встреча с членами экспедиций была нелёгкой. Но вот можно попить и чай, и даже бутылку горбачёвской – старой русской водки, неожиданно приобретшей на Западе новую славу из-за некоторых ощутимых созвучий. Лев Ми-

хайлович включает довоенные и послевоенные танго и песни:

*В этот вечер, в танце карнавала,
Ты руки моей коснулся вдруг,
И внезапно искра пробежала...*

Щемящие, сентиментальные мелодии тут уместны и как воспоминания, и как доброе расслабляющее начало, смышающее нагрузку, усталость, напряжение. Завывает ветер, стучит телетайп, кружится по крыше пурга, а тут Козин и Лещенко заставляют набухать чувства, подталкивают лирический комок к горлу и... Но тут новый звонок прерывает поток эмоций. Кто-то что-то забыл на «Сомове», надо лететь утром на самолёте. В телефонную трубку раздаются далеко не козинские сентиментальные слова. Ну что ж, «такова селяви», как выражаются остряки. Укладываемся с невиданным и неожиданным комфортом – с одеялами, подушками и даже простынёй. А непрошенных гостей-то сегодня на станции почти двести человек. Всё время звонит телефон, телетайп неусыплен, да и нам не спится, хотя спать-то осталось три-четыре часа. Задремали, и голос по радио: «Просим вставать!» Ну что ж, мы почти и не засыпали.

Хорошо бы отпустить бороду и приехать на Большую землю с антарктической бородой, как ходят тут многие сазшники (САЭ – Советская антарктическая экспедиция), но за сутки всё-таки она не отрастает, даже синяя. Поэтому бреемся, убираем постели, натягиваем комбинезоны, куртки, шапки. Да, хорош бы я был в своём нейлоновом пальтишке, что взял на юг, на этот морозный континент. Мудрый бывалый полярник-легенда Арнольд Богданович Будрецкий ещё на «Визе», где проходили заседания штаба полёта, понял, что я самонадеянный новичок, и пошёл искать у полярников сапоги, куртку, портянки и особенно комбинезон. Как же хорош он – голубой комбинезон, а ведь наш, отечественный. Как хорошо застёгивается, пригоняется, завязывается, как элегантно выглядит. Захотелось даже пощеголять в Москве. Может, жарковато было бы в метро и Кремлёвском дворце. Конечно, под него и тёплое бельё и

свитер, и повязку шерстяную антирадикулитную. Наши сапоги иностранцы-антарктидцы тоже признают за добрую обувь. Выдерживают снег, лёд, каменную щебёнку, а с портяночкой – блеск!

Пьём чай. Пробегаящий Лев Михайлович бросает: «А у вас разве с утра не похмеляются?» Говорю, что нет. Он кивает головой: «У нас тоже нет!» И уж из двери доносится: «Потому что нечем!» Шутит Лев Михайлович. На полке стоит в добром здравии для профилактики отечественный крепкий напиток.

Идём на вертолётную площадку у уют-компании. По дороге знаменитый на весь мир указатель: «Москва 13810», «Ленинград 14500», «Сберкасса 14525». Тут и Обнинск, и Певек, и Курган, и Харьков, Иркутск и Одесса, Смоленск и Долгопрудный. 30 стрелочек. Ну как тут удержаться! Велико тщеславие постоять возле знаменательного знака и сфотографировать. Переезд в вездеходе на вертолётную площадку. Поднимаемся к пункту связи, туда заходит метеоролог Шамиль, приглашает к себе в соседний дом: «У меня пиво, водка, вода. Поговорим». Юаровцы соглашаются. Сергей с двумя журналистами уезжает на центральный пункт, чтобы они дали оперативную информацию в газеты ЮАР, обещает приехать. Поднимаемся на небольшую горку. Солнце встало над горизонтом. В букете завихрений, конечно, не греет, но светит пронзительно ярко и внимательно рассматривает нас из снежной пелены. А ветер с какой-то особой яростью, вроде бы с желанием оставить о себе многолетнее впечатление, с остервенением даже трепал, дёргал, разворачивал нас на этом небольшом взгорочке. Нащупывал небольшие дырочки, петелечки, отходившие застёжки и устремлялся туда своими длинными холодными пальцами.

«Дулка» – так называется этот полярный напор воздуха. Докарабкиваемся до домика. Вползаем. А тут, как и везде, тепло, цветы даже. И турник. Володя Дыченко из Обнинска сразу показывает несколько упражнений на нём. Вспышки, стрекочет телевизионная камера. «Гимнастика у Южного полюса!» Парни изъясняются, показывают фотографии семей,

журналисты узнают, что Володя каждый день обливается холодной водой на улице, и умоляют повторить процедуру. Володя не ломается, нацеживает ведро воды и выходит в плавках на решетчатую площадку (все фотографии внизу: «Антарктический морж! Или пингвин?»), спокойно поворачивается для фотогеничности и медленно, под визг Сахэм Винтер выливает на бритую головушку ведро воды. Да-а, чем только не поражают русские люди! А между тем приблизилось время отлёта самолёта. Где же Сергей? Где вертолёт? Начинаю искать по телефону концы. Радисты отвечают: «Ваши давно ушли». Телефон начальника станции не отвечает. Уехали? А он уезжает последний! «Останьтесь до следующего года», – шутит Шамиль. Ну-ну! Наконец до кого-то дозваниваюсь. «Где вы? Какого чёрта там сидите? (Действительно, какого чёрта?) Ждите». Из вихревых снежных высот соскальзывает вертолёт. Скорей туда! Через десять минут мы у самолёта. Бросаем взгляд сверху – ничего не видно. Садимся. Выхожу и иду в другую от самолёта сторону. Меня разворачивает флажковый. Магнитное поле, что ли, действует или ветер? Протискиваемся в дверцу нашего родного Ила-76. «Где вы пропадаете?» Ничего себе. Не забирают, да ещё и нападают. Хотел огрызнуться: прессу ЮАР спасал, но тут сигнал: «Командир прибыл» – и сразу ссыпались вниз молодёжники. Со Львом успел расцеловаться: «В Ленинграде жду!» Он и в Ленинграде ждёт, а будет ли Лещенко и довоенные танго? Станислав Близнюк. Зашёл не дергаясь, не осыпая командой. Повёл глазом по рядам и завалам. Ничего не сказал и шагнул вверх. Сейчас наша судьба там. У него и его экипажа в руках, в голове, в сердце. Дверь в Антарктиду медленно закрывается.

Весь вечер вчера в самолёт грузили вещи. Некоторые в экспедиции больше двух лет, перед этим заходили в разные зарубежные порты. Много хотелось привезти с собой. Но приказ строг: не больше 80 килограммов на человека. Был ропот. Границу подняли до 100. Погрузили и экспедиционный груз. Самолёт заполнен до пределов. На упакованном и перепутанном тросами грузе уступами сели люди. Человек

тридцать сидели между этой грузо-человеческой пирамидой и другим нагромождением чемоданов, рюкзаков, сумок, ящиков с питанием, накрытым заглушками от турбин. Люди стояли, держась за плечи, талии, руки соседей. Наверное, нарушение. Голос из кабины предупредил: «Прошу пристегнуться, привязаться, зафиксироваться». Я стою близко к выходу в кабину – фиксируюсь за стол и ногу Михаила Харламбиева, расположившегося на заглушках. Моторы режут, режет надрыв. Пошёл, пошёл! Разбег, кровь стучит в висках. Оглядываюсь. Сто пятьдесят пар напряжённых глаз. Наверное, и в них есть какая-то подъёмная энергия. Самолёт несётся сквозь позёмку на короткой дорожке.

Взлетели. Летим. Прощай или до свидания, Антарктида? И тут же добродушный и улыбочивый Василий Плигузов протягивает сувенирный конверт «Молодёжной», на обороте экспромт:

*Мешков, коробок Эверест,
У Ила на борту.
Кто петухом сел на нашест,
Кто стоя свой приемлет крест.
В Кейптаунском порту
Давно мечтали побывать,
За это можно пострадать!
Уж коли взлёт сошёл нам с рук,
Всё трын-трава! Ура, Близнюк!*

Нет, с юмором в Антарктиде всё в порядке. А Близнюку – ура! Летим, громко, быстро говорим. Я даю новым своим юаровским друзьям (думаю, что все, кто побывали вместе в Антарктиде, – друзья) блокнот, все пишут ФИО и адрес. Хорошие и симпатичные эти ребята. Уступаем друг другу возможность посидеть, угощаемся соком, водой и чувствуем, что между нами родилось что-то необъяснимо общее.

А самолёт гудит. Во все турбины! Внутри голоса. Голоса, пытающиеся перекрыть этот шум и объяснить соседу, что всё хорошо или нормально.

Шесть часов напряжённого полёта, разряжаемого передачей ящиков с питанием бортовой команды, что выделяет дежурный. Передаю

их по цепочке. Поели. Веселей. Но в конце корабля холодно. Плохо поступает тёплый воздух. Люди разминаются, укрываются. Пилоты шутят: «Вам же холод не помеха». Зимовщики возражают: «Полярнику жара не страшна».

Летим над Индийским океаном. У всех одно желание – скорее сесть, сесть благополучно. Миша Харламбиев говорит:

– Видел, когда самолёт взлетал, их лица. Что они думали о суверенитете своих республик? Они тут все Советский Союз!

Это верно. В опасности все – Советский Союз. В нормальной обстановке начинается дифференциация. Но ведь опасность-то не мнимая. Экологическая катастрофа грозит всем. Ведь всё равно надо объединять усилия. Правда, всё явственнее становится, что жизнеобеспечивающие спасательные или, вернее, спасительные программы для страны, а может быть, и для мира покоились на бюджете России и связаны с её потенциалом. Холодом поползли среди полярников слухи о том, что в связи с крушением СССР антарктические исследования прекращаются, станции консервируются и даже закрываются и мы уходим из Антарктиды. Это было бы равно катастрофе целой отрасли, которая только начинает себя окупать. В станции вложены миллионы рублей. Не нужно повторять исторические ошибки – Аляска на памяти. Уйти можно, возвратиться невозможно. Страна под напором исторических ошибок и преступлений теряет свои территории. Неужели русское присутствие в Антарктиде кончается? Нет, Антарктида открыта русскими и должна быть континентом, обозначенным русскими верстовыми столбами. Полярники, создававшие эти станции, геологи, открывавшие несметные полезные ископаемые, климатологи, проследившие мировые атмосферные потоки, научные работники, державшие под своим наблюдением континент, с напряжением следят за усилиями Ассоциации полярников, во главе которой стоит Чилингаров, за решениями ответственных державных сил России. А предложения Арктического института Круцких для спасения антарктических южнополярных устремлений России поступают разные.

«Надо продолжить геологические исследования, впереди энергетический кризис. Антарктида поможет нам его преодолеть».

«Следует создать топливные базы у берегов Антарктиды для наших промысловых и научно-исследовательских судов, для многочисленных рыболовецких судов. Сюда следует завезти танкером большое количество топлива».

«Можно получить большое количество валюты, открыв для посещения туристов наши станции. Конечно, следует повысить в них уровень комфорта».

«Не взрывать храм полярной науки! За 36 САЭ сформировались блестящие научные кадры. Они предоставляют большую ценность. Следует спасти их именем России».

«Следует заняться экологической обработкой мест нашего пребывания. Это требует немало средств. Но Россия, чьи сыны первые открыли этот южный ледяной континент, должна сохранить в чистоте уникальное творение природы...»

...Летим. Мысли, заботы, опасения на лицах и в душе этих отпущенных полярной ночью и зимой людей. Через головы, осторожно ступая на спинки кресел, проходят покурить. Бортовая команда запрещает. Мужики томятся, слегка дремлют, объясняются на пальцах с юаровцами. Кто-то примостился играть в шахматы на загривке уткнувшегося в колени товарища. Желудок слегка поехал вниз. Ага, снижаемся. Снова напряжение разливается по грузовому салону. Идём сегодня на главную посадку. На борту почти двести человек, груз, плюс напряжение полёта, плюс усталость, плюс ответственность. Всё это, наверное, сковывает экипаж, всё это лишает свежести восприятия и чутья, присущего каждому асу. Помню, в издательстве «Молодая гвардия», при подготовке к выпуску книги, трижды Героя Кожедуба спрашиваем: «А всё-таки, Иван Никитич, как вам удавалось сбивать их раньше, чем они вас?» Иван Никитич пожимал плечами и объяснял: «Знаете, я угадывал их тенденцию к повороту...» Вот-вот, именно это. Даже не поворот, а тенденцию к повороту!

Это и есть интуиция. Знакомые очертания Кейптаунской бухты, приземистый аэропорт,

и мы катимся по бетонной дорожке. А где же толчок, удар о неё? Ну Близнюк! Улавливает тенденцию к посадке. Асы! Маэстро! Умельцы! Мастера! Молодцы! Эх, да сколько хорошего надо бы говорить людям, исполняющим своё дело классно и красиво. А когда говорить-то, если у ставшего на стоянку Ила уже бушует толпа репортёров, встречающих, полицейских. Надо увидеть, запечатлеть. В центре на тележке лозунг: «Добро пожаловать в безопасность Капштада» (вот так!). У бортовой лестницы корабля фотографируют, снимают кинооператоры. Три богатыря: Близнюк, Чилингаров, Круцких. Подходит и конструктор Таликов. (На чём лети-то?) А потом пошли из открытого заднего отсека наши зимовщики. Крепкие бородачи и очкастые учёные, ладно сбитые женщины и румянощёкие юноши. Стоящие у трапов полицейские, коммерсанты, метеорологи, чёрные грузчики, водители автобусов аплодировали. Они ведь очень переживали – эти добрые и сердечные кейптаунцы. Переживали за успех экспедиции, за её подготовку, в которой принимали участие, и хотели, чтобы она была отменной, запомнившейся, зарекомендовавшей себя. Качество подготовки и организации – лучшая реклама. Друзья, советую иметь дело с юаровскими компаниями!

Четыре двухэтажных автобуса, грузовые машины. Все грузятся, получают бесплатный шоколад от престижного универмага, получают проштампованные за несколько минут паспорта (вот что значит высокоорганизованная и доброжелательная к предмету бюрократия) и двигаются на корабль «Профессор Визе». Там два дня ждут подхода научно-исследовательского судна «Академик Фёдоров», и теперь продолжится вывоз, или, как любит повторять Чилингаров, эвакуация полярников двумя кораблями.

Газеты, телевидение. Кейптаун, да и вся ЮАР, всю операцию держал в центре внимания. Все юаровские газеты поместили фото этого салона, набитого людьми. Было тут всё: удивление таким скопищем, желание поведать об экологическом путешествии, человеческое восхищение тружениками Антарктиды. Давно уже

не приходилось сталкиваться с таким вниманием и доброжелательностью, как в этой стране. Принимали наших моряков и полярников дома, в ресторанах, на виллах, общественных центрах, встречались просто здесь, у причалов, на улице, в магазинах. Последние годы наша экономика, волнения, путчи, расколы, деятельность правителей всех рангов, корруп-

ЕСТЬ ВСЁ: И ГОЛОВОТЯПСТВО, И НЕПРОФЕССИОНИЗМ, И ТРУДНОСТИ СУБЪЕКТИВНЫЕ, И СВИРЕПАЯ РЕАЛЬНОСТЬ АНТАРКТИДЫ. НО ОКАНЧИВАЕТСЯ РЕЙС: СО СЛЕЗАМИ ВСТРЕЧАЮТ РОДНЫЕ ПОЛЯРНИКА, ОБНИМАЕТ ОН ИХ, А В ГОЛОВЕ РОЯТСЯ НОВЫЕ ПЛАНЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ПОХОДОВ, ЖДЁТ ЕГО ЛЕДЯНОЙ КОНТИНЕНТ И НЕЛЁГКАЯ ЖИЗНЬ ЗА ЮЖНЫМ ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ. ЖДЁТ, ЕСЛИ ПРИЗОВЁТ РОССИЯ.

ция, хамство представляют нас за рубежом как людей колониального состояния, которых в лучшем случае надо жалеть. Ну что ж, и пожалеть нас не грех, но всё-таки хочется быть партнёром, коллегой и просто нормальным человеком. Вот так к нам и относились в ЮАР, которой тоже нелегко. Изменение внутренней политики, отмена апартеида, расовые и межплеменные столкновения потрясли и потрясают эту страну. Один из собеседников сказал нам: «У вас рухнул коммунизм, у нас апартеид. Вам и нам трудно». Да, кроме того, наша изоляция от самой состоятельной страны Африки, а её – от одной из великих держав мира создали вакуум информации, знаний друг о друге. Идёт взаимное и, безусловно, полезное налаживание контактов. И «экспедиция по эвакуации» была как нельзя кстати, она способствовала информационному насыщению сведениями о нашей стране. Несколько дней на первых полосах доминировала тема России: Антарктида и путч, вывоз полярников и баррикады у Белого дома, приземление самолёта в Кейптауне и крушение памятников. Газета «Аргус» во всю 23-ю полосу поместила аншлаг «Обнимите русских!» с фотографиями событий у нас в стране и в Антарктиде. Конечно, ничего подобного раньше быть не могло. Добрых друзей у нашей страны прибавилось, и об этом свидетельствовали проводы в ночном порту 27 августа.

Русская казачка, коммерсантка из Парижа Александра, капеллан отец Валентин, бывший

наш соотечественник Яша Фельцман, умелец по ремонту холодильников. И рядом десятки юаровцев, поющих, посылающих воздушные поцелуи, махающих платками, шарфами.

Отплытие поистине было открытием для многих новых чувств, новых отношений.

А полярники держали курс на север, на Родину.

«Только не пишите, что рейс и дрейф "Сомова" и поведение полярников были фантастическими, – сказал мне один из реалистов-полярников. – Много грехов у его устроителей и исполнителей». Обещаю, что не буду, а про себя думаю: «Да какой же он дрейф-то, братцы? Какой полёт-то? Люди-то какие нашенькие?» И хочется вспомнить слова поэта: «Ах, какой вы все, ребята, удивительный народ!»

Есть всё: и головотяпство, и непрофессионализм, и трудности субъективные, и свирепая реальность Антарктиды. Но оканчивается рейс: со слезами встречают родные полярника, обнимает он их, а в голове роятся новые планы дальнейших походов, ждёт его ледяной континент и нелёгкая жизнь за Южным полярным кругом. Ждёт, если призовет Россия.

Валерий ГАНИЧЕВ

Стихи про лето

Валерий РУМЯНЦЕВ

Стихи про лето

Нет и не может быть поэта,
Который не любил бы лета.

Вершина года как Парнас,
Где в воздухе парят сюжеты,
Где слышен вдохновенья глас,
Где душу греют волны света...

И кажется, всё по плечу,
Любые замыслы по силам.
Поэту, словно скрипачу,
Внимают мира старожилы.

Деревья, травы, комары
И всё видавшие вороны,
Не сдавшись натиску жары,
Несут стихам свои поклоны.

Как поспешит больной к врачу,
Чтобы избавиться от боли,
К стихам, как к чистому ключу,
Спешит с надеждой всё живое.

И что такое летний зной,
Коль на душе тепло и звонко
И мысли, сбившиеся в рой,
Свежи, как в голове ребёнка?

Да, невозможно быть поэтом,
Душой не обожая лето.

Лето

И комары, и мухи, и жара
Приятного немало доставляют.
Но всё ж и эта знойная пора
Порой очаровательной бывает.
Когда, найдя спасительную тень,
Следишь за безмятежным небосводом,
В душе покой и сладостная лень,
И забываешь старые невзгоды.
И пышноцветье красками пленит,
И жизнь уже не кажется постылой,
И каждая травинка говорит,
Что надо жить, пока ещё есть силы.

* * *

Лето. Зной. Стрекоз круженье
Над прудом, застывшим в неге.
Мозг ленивый в окруженье
Мыслей о зиме, о снеге.
Стрекот. Шорох. Дуновенье.
Шевеление природы.
Мух настырное зуденье
Под палящим небосводом.
За глоток воды прохладной
Ты готов отдать полмира.
Лето, будь оно неладно,
Только набирает силу.

* * *

Лето. Знойные поляны,
Копья высохшей травы.
Обнаглевшие бурьяны,
Отупенье головы.
Насекомых мельтешенье,
Раскалённый солнца шар.
За какие преступления
Нам терпеть такой кошмар?

* * *

Лето. Пышное цветенье
Разнотравья под ногами.
Птиц безудержное пенье
Под дубовыми шатрами.
Гомон армии кружащих
Над травую насекомых.
Мир природы, где всё чаще
Человек – увы! – не дома.

* * *

Из-под опущенных ресниц
Взглянуло солнце на покосы,
На стаи перелётных птиц,
Зарю встречающих на косах,
На стены камышей, на лес,
Покрытый пеленой тумана,
На отражение небес

В притихшем зеркале лимана.
Взглянуло солнце: ждут меня?
И убедилось: нет ошибки.
Мгновенно замерла земля
От алой солнечной улыбки.
А солнце, распахнув глаза,
Всё щедро озарило светом.
Ликует мир, зарей согретый...
И лишь одна трава в слезах.

* * *

Из родника в полдневный зной
Глоток живительного чуда.
Один глоток. За ним второй...
Всю жизнь я это помнить буду.
В час пессимизма, в час тоски
Родник всплывёт вдруг сгустком света,
И боль, что жалила виски,
Отступит пред виденьем лета.
О лето дивное! Клянут тебя подчас
За комаров и мух, и волны зноя.
Но всё равно он наступает – час,
Когда тебя помянут с теплотою.

* * *

Солнца шар исходит зноем
Над великою рекою,
Только волны пенным роем
Душный полдень беспокоят.
Всё живое ищет тени,
Но и там горячий ветер
Добавляет им мучений.
Чтобы помнили о лете.

* * *

Морковным закатом залиты поля.
Последние пчёлы торопятся в улей.
Недвижной шеренгой стоят тополя.
Намаялись за день, заснули.
Недвижим камыш над притихшей рекой.
Лишь рыбы круги нарушают
Готовый залить всё в округе покой
И водную гладь украшают.

Анжела БЕЦКО

Родилась в Минске (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Более двадцати лет живёт в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Автор трёх поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наши современник», «Неман», «Сибирские огни», «День и ночь», «Второй Петербург», «Парус», «Эринтур», «Чаша круговая», «Врата Сибири», «Югра», «Жарки сибирские», «Светоч», «Буквица», «Наши Филиппок», «Рюкзачишка», «Простокваша», «Электронные пампасы», «Светлячок» и др. Член Союза писателей России. Живёт в городе Нефтеюганске.

* * *

Удочери меня, мой ясный свет.
 Как небо – землю и как месяц – звёзды.
 Возьми туда, куда другим не след.
 Вдохни в себя, как ты вдыхаешь воздух.
 В течение, в мелодию, в тоску
 своей реки тайком возьми...
 Послушай,
 как я читаю бережно строку,
 которая твою читает душу.
 Возьми в ладоней тёплое кольцо,
 как яблоко последнее из сада,
 где снегопад забил моё лицо –
 там, где душа, лица уже не надо, –
 где яблони распяты на снегу
 и умер сад, заброшен и завьюжен...
 Возьми туда, куда я не могу,
 в ту невозможность взять – возьми...
 И глубже.

НИЧЕЙ

Выше небушка не вырасти
 ни на суше, ни в воде.
 Нет на свете большей сирости,
 чем свивать гнездо нигде.
 Прописался глупый скворушка
 в раззолоченном раю.
 Как живётся, серо пёрышко,
 у могилы на краю?

Горизонт забит скворечнями
 в той заморской стороне,
 двухэтажными, нездешними
 да пустыми – в глубине...

А у нас снежинки мечутся,
 как рыбёшки...

Но зато
 минареты в полумесяцах
 в том краю, где ты никто,
 богородицы по улицам,
 да спасители...
 не те?..

А у нас – Один...
 сутулится,
 воскресает на кресте...
 А в окне – всполох рябиновый –
 рай оседлых снегирей...

А в твоём – горчит чужбиною,
 ночь – темнее, день – серей,
 оттого и бродишь за морем...

А у нас – белым-бело,
 на просвет – всё то же самое,
 с небом дружится крыло,
 только к прозе мы привычные:
 горы – снега, вёдра – шей –
 хорошо до неприличия!..

Чей ты, скворушка ничей?

ДУДКИ

Есть дудки разные.
 Одни –
 дыханием живут,
 и ноты путают они,
 и чисто не поют
 в чужих руках,
 как соловей
 стал в клетке б доживать,
 о ветке думая своей...
 Другим –
 на всё плевать.

За неумолчный звон монет –
талант,
как пёс,
издох –
продать готовы белый свет
и верят:
с ними – Бог.

* * *

Выстоять – как трава –
в море пламени, в мире пепла,
вынянчить те слова,
что растут, чтоб душа не слеpla,
вышептать те пути –
неизменные – что наружу,
выдышать то «прости»,
без которого вдох не нужен.

* * *

Люби шиповник. Не за шёлка рассыпь,
не за густой, тягучий аромат,
не за пчелиное многоголосье.
Люби за то, что липнет у оград,
расцвечивая скучную решётку;
опрятный днём и смиренный у крылец,
бродяжит по ночному околотку,
как пилигрим, как месяц, как беглец;
за то, что ни лопатой, ни пожаром
не извести его, не задушить;
за жадность ненасытную, за ярость,
за то, что вопреки умеет жить.

СОСНА

Забиваешься в берлоги:
быть медведем – на роду.
Всё по звёздам – без дороги –
за тобой в метель иду.

Да вели бы звёзды прямо –
норовят наискосок:
в леденящий и упрямый
твой арктический вальсок.
Ох и кружит, ох и крутит,
как взбесившийся ветряк!

Ты – с его бурной сутью –
то пророк, а то дурак.

И на кой углы медвежьи
мне, встающей на крыло?
Волоку по многоснежью
небо, что к ногам легло.

Мне бы скалы да утёсы,
по отрогам – в вертикаль...
Только мёртвые торосы
рвут в куски горизонталь,

только стынет безголовье
одичалых этих мест.
И сосна.

Как отзвук сосен.
Как мираж.

Как перст.

Как крест.

* * *

Скрипучее дерево два века стоит.

Дай руку. Шаг тяжёл, как вдох.
Как камень, вымытый потоком.
Давно решивший: Бог оглох,
ты – за окном скрипучий тополь.

Как будто мало тополей,
боль хоронящих в стройном теле.
Но птицы к ним весной летели
и вили гнёзда меж ветвей.

И как лучисто и светло,
как зыбко, радостно и свято
перетекала боль в тепло,
чтоб в каждой почке быть распятой.

* * *

В зимние месяцы, в стылые месяцы
хочется солнца в окне – хоть убей!
Ангелы ссорятся ль? Бесы ли бесятся?
Прячет свой клюв под крыло воробей.
Улица – белой эмалевой линией.

Поднял прохожий рывком воротник.
Небо над городом – ссадиной синее –
грузно ползёт, как гигантский ледник,
и разбивает стеклянные заводы,
с грохотом глыбы упрямо дробя...
...в окнах, ослепших от мрака и наледи,
так угадать невозможно тебя.

ЯБЛОКИ

Одни и те же песни – у земли –
и ноты – у веселья и печали.
Так яблони все яблоки свои
растили и заботливо качали.
И взяв одно: звук сказок и молитв,
и свет луны в разлившихся чернилах,
и шум дождя, и солнечный мотив –
распасться – на здоровых и червивых.

ПЕРВЫЙ СЛОГ

*Ангелам,
постигающим мир*

Ангел складывает буквы –
«М» и «И» и «Р»...
Позади – машинки, куклы,
впереди – Гомер.

Скоро буквы лягут в строки:
вышел первый слог –
самый верный и высокий.
Выше – только Бог.

* * *

Весна. Начнётся всё сначала.
Растает мёртвый, стылый лёд.
И баржа встанет у причала,
и брюхом к отмели прильнёт.

И будут жить на длинных палках
в скворешнях шумные скворцы,
и солнце плавиться в фиалках,
и строки строиться в столбцы.
Долой назойливые шубы!
Портнихи станут платья шить.
И серость душ пойдёт на убыль.
Вот только б зиму пережить...

АНГЕЛ

В час намоленный и тихий
в неприкаянный мой быт
ты войдёшь, как входят блики,
и останешься, чтоб быть.

Ликом светел, станом узок –
весь из снега и огня.
Ты – смычком для горних музык –
и совсем не для меня.

Я подумаю, конечно,
что устал ты от забот.
Угощу тебя черешней.
Дам тебе, что Бог даёт.

О тарифах и проблемах
я не стану воду лить:
жизнь – не новая дилемма,
чтобы заново пилить.

И о ветреном пейзаже
умолчу, что за окном.
Ничего в ответ не скажешь
ни об этом, ни о том,

даже взглядом не обнимешь –
где услышать нас, земных...
...Только молча сердце вынешь,
только тихо крылья снимешь,
чтоб попробовать без них.

Его веру звали «Надежда»

К 250-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО РУССКОГО «ПЛАВАТЕЛЯ ВОКРУГ СВЕТА»

С портретов Иван Фёдорович Крузенштерн смотрит гордо и невозмутимо с полным на то основанием. Седые волосы, золотые адмиральские эполеты на плечах. Его паруса пронесли славу России по трём океанам

планеты «...по изгибам зелёных зыбей, меж базальтовых скал и жемчужных...», в точном соответствии с гумилёвскими строками вёл он свою «Надежду». Непросто было расстаться с домом, но он всё же возглавил за-

думанную экспедицию, чтобы вернуться с другой стороны земного шара.

В Санкт-Петербурге примерно полтора года назад ему поставили памятник с посвящением на пьедестале первому русскому «плавателю» вокруг света. Что же побудило скромного капитан-лейтенанта составить план первой кругосветки россиян, целью которой были берега русской Америки? По этому поводу сам Иван Фёдорович позднее писал: «Малая обширная деятельность российской торговли занимала многие годы мои мысли. Желание способствовать хотя бы несколько тому, чтобы видеть ее в некотором усовершенствовании, было безмерно... В сем начертании представил я, от каких выгод отказывается Россия, предоставляя всю непосредственную торговлю свою иностранцам... На сей конец, предложил я, чтобы послать из Кронштадта к Алеутским островам и северо-западному берегу Америки два корабля»...

Почитателям рок-оперы «Юнона и Авось» эти слова могут показаться знакомыми, и ошибки в этом не будет: Андрей Вознесенский частично вложил их в уста своего любимого героя Николая Резанова. Только вместо кораблей «Надежда» и «Нева», отправившихся в экспедицию под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского, в продолжении монолога упоминаются парусники, никогда в Кронштадте не бывавшие: «Юнону» для нужд российско-американской компании купили у американца Вульфа (д'Вульфа), а тендер «Авось» построили в русской Америке. Это не в укор чарующей музыке и прекрасным стихам. Что ж поделать, если Пегас вдохновения сплошь и рядом порхает вокруг да около истины. Избегая на неё приземляться.

Действительность, впрочем, мало уступает в поэтичности вымыслу. Предоставлю слово самому Крузенштерну и задам ему воображаемый вопрос через годы: неужели ничто не удерживало мореплавателя на берегу, когда последовало долгожданное утверждение проекта? А вот его объяснение: «Более полугодом уже прошло, как я разделял счастье с любимой супругой и ожидал скоро именоваться отцом... Но от сего надлежало теперь отказаться

и оставить жену в сугубой горести. Но адмирал Мордвинов объявил мне, что если не соглашусь быть сам исполнителем своему начертанию, то оно будет вовсе отставлено. Я чувствовал обязанность к Отечеству в полной мере и решил принести ему жертву. Мысль сделаться полезным, к чему стремилось всегда мое желание, меня подкрепляла; надежда совершить путешествие счастливо ободряла дух мой, и я начал всемерно заботиться о приготовлении в путь, не испытанный до сего россиянами».

У первой отечественной кругосветки было немало задач, но в придачу к сугубо мореходной, в добавление к коммерческой, в плюс к географической и в прибавление к дипломатической она совершенно непредвиденно для самого инициатора и для всех прочих инстанций вплоть до императора немало повлияла на российскую словесность. Один из невольных вкладов в литературу я уже упомянул: малоудачная, если не провальная миссия Резанова по установлению дипломатических отношений с Японией, благодаря посещению Калифорнии и романтической любовной истории дочери испанского коменданта с русским посланником, в последние десятилетия ожила в поэме Вознесенского «Авось» и последующей рок-опере.

Сам Крузенштерн, ничуть не задумывавшийся заранее об этом, стал родоначальником блистательной серии путевых заметок моряков-кругосветчиков. Вспомним, что многие берега далёких континентов и архипелагов не знали ещё маячных башен, а более или менее точные по тем временам карты не выдвигали печатного станка и хранились в адмиралтейских архивах под величайшим зачастую секретом. По всему по этому водители фрегатов, шлюпов и пакетботов вчитывались в тексты не только ради развлечения, но прежде всего пытаясь побольше выведать о каверзах течений в неведомых проливах, про удобные якорные стоянки да о коварстве ветров. Любопытство «сухопутных крыс» не уступало прагматизму «морских волков». О телевидении не успел тогда помечтать ещё не родившийся Жюль Верн. О телепутешествиях под приятный говорок Юрия Сенкевича или о подводных телепрогулках Ку-

сто речи подавно не заходило. Так что описания странствий были единственным достоверным источником сведений о малоизвестном мире.

Без библиотеки кругосветок, начатой трёхтомником записок Крузенштерна и продолженной Василием Головинным, Фаддеем Беллинсгаузеном и другими их сподвижниками, не появился бы «Фрегат "Паллада"» Ивана Гончарова. А от последнего в этой галерее труда Константина Станюковича «Вокруг света на "Коршуне"» уже не так уж далеко до Виктора Конецкого с его прозой странствий. При том что действие одной из первых, если не первой, из его фирменно-морских книг «Солёный лёд» начинается именно на набережной Шмидта у памятника Крузенштерну!..

Но был под началом Крузенштерна в экспедиции и другой необычный персонаж, необузданный нрав которого, причуды и буйства вынудили отдать должное его явным достоинствам и ещё более явным недостаткам и Льва Толстого, родственником которого он являлся, и Александра Грибоедова, и Александра Пушкина. Речь о Фёдоре Толстом-Американце, о котором Крузенштерн в своих записках ни разу не упомянул, но от которого избавился при первом же из возможных случаев.

...Однажды, оказавшись на Ваганьковском кладбище, я увидел на указателе достойных внимания, по мнению администрации, могил слова: «Ф. Толстой-Американец – 1 м». На деле

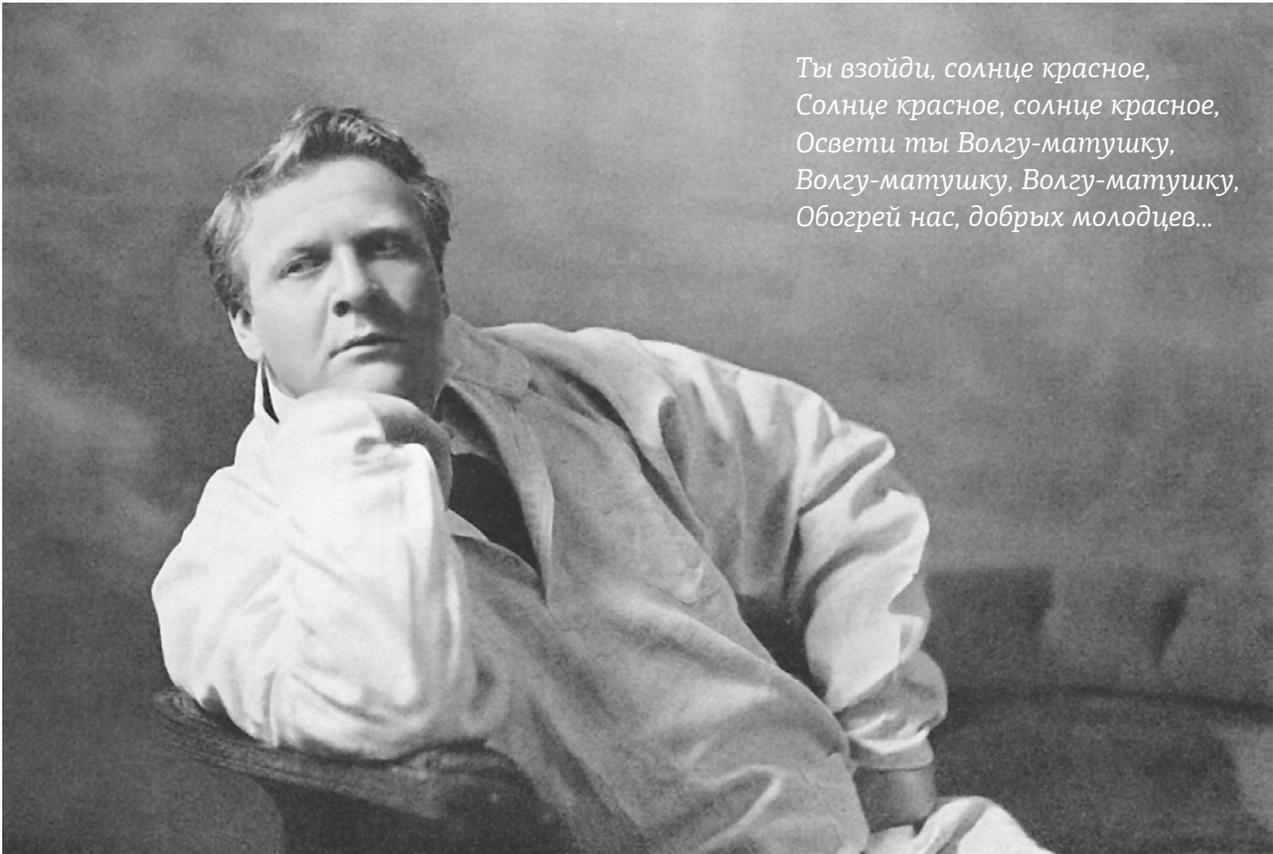
метров оказалось несколько больше, но суть от этого не менялась: стрелка впрямь указывала путь к могиле того, о ком в «Горе от ума» говорится: «Но голова у нас, какой в России нету, / Не надо называть, узнаешь по портрету: / Ночной разбойник, дуэлист, / В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, / И крепко на руку не чист; Да умный человек не может быть не плутом. / Когда ж об честности высокой говорит, / Каким-то демоном внушаем: / Глаза в крови, лицо горит, / Сам плачет, и мы все рыдаем».

Сию характеристику можно считать убийственной, а можно и комплиментарной. Сам герой был не согласен с ней только в одной строке: соглашаясь в склонности к плутовству, он хотел конкретизации, предлагая поправку «в картишки на руку не чист». Шулерских наклонностей он ничуть не стеснялся, а вот слова в каноническом тексте комедии не нравились, ибо могли быть поняты как слабость красть табакерки со стола!

О Фёдоре Толстом-Американце написано много, и необходимости в пересказе я не вижу. Однако не высади его Крузенштерн то ли на Камчатке, то ли на Алеутах, не соверши он невероятного по тем временам путешествия через всю Сибирь, русская драматургия пусть ненамного, но уж точно бы обеднела...

В недалёком прошлом бытовали споры о происхождении Крузенштерна. Сомнений в его остзейских корнях не было, однако Виктор Конецкий, к примеру говоря, вспоминая об ужасах блокады, не хотел признавать немецкие корни адмирала, печатно понадеявшись, что тот был эстонцем. С тех пор эстонцы тоже многое сделали и продолжают делать против России, а что касается родословной Ивана Фёдоровича, то архивисты выяснили, что шведской крови в нём было поболее немецкой. Один из его предков даже сражался с войском Петра I под Полтавой. Это, впрочем, ничуть не помешало потомку доблестно служить России и упокоиться в Домском соборе Таллина под Андреевским флагом, который уцелел над склепом даже в десятилетия небрежения самодержавным, славным прошлым.

Олег ДЗЮБА

Ты взойди, солнце красное,
Солнце красное, солнце красное,
Освети ты Волгу-матушку,
Волгу-матушку, Волгу-матушку,
Обогрей нас, добрых молодцев...

Ты взойди, солнце красное

Страх. Всепоглощающий ужас охватил Ваньку. Он стоял как поражённый громом и моргал не переставая, стараясь сдержать сами собой наворачивающиеся слёзы. От пережитого страха мальчик не разбирал слов. Ваня увидел страх своих сестёр и брата, а няня Акулина с паническим ужасом на лице беспрестанно крестилась. Отец же спокойно стоял у стола и внимательно вслушивался в слова и музыку, доносящуюся из тёмно-зелёной трубы.

Наступила звенящая тишина. Оцепенение присутствующих в комнате спало, и чувства стали сами возвращаться к мальчику.

Приятное тепло весеннего солнышка, запах ландыша и сирени, а в последнюю очередь вернулся слух, и в комнату певуче ворвался колокольный звон находящейся в другом конце улицы церкви.

Ваня с удивлением заметил, что они давно не одни в комнате, в дверях и вжимаясь в стены робко стояли соседи-односельчане, а в окна с любопытством, раскрыв рты заглядывали молодые парни и девушки.

– Ну, Ирина Филатьевна! Теперь ждите! Приближается конец света! – нарушил всеобщее молчание крестьянин-сосед Егор Чивилёв,

отличавшийся особой набожностью и добрым характером, за что был любим детворой.

Никто не стал с ним спорить, и отец, с задумчивым видом перевернув пластинку, закрутил ручку таинственного ящика. Все присутствующие замерли в ожидании чуда. В трубе зашипело, и сильный голос запел: «Эх, дубинушка ухнем!» К концу песни мальчик привык к звуку, доносящемуся из трубы, и, обогнув стол, на котором возвышался граммофон, подбежал к окну.

Вокруг ограды стояло много односельчан, причём люди стекались со всех улиц к дому Куниных. Бабы и мужики пытались пробраться к самым окнам, с целью получше рассмотреть «чёртов ящик», откуда, по всеобщему мнению, изрыгался голос сатаны.

– Да, Игнатий Васильевич. Наша матушка-Русь бунтует. Не к добру это – сам хор Императорского театра! – поднял вверх указательный палец урядник Митрофанов, обращаясь к Ваниному отцу, – вместе с Фёдором Ивановичем Шаляпиным! «Дубинушку» завели! Не к добру. Как пить дать, не к добру! – стал повторять Митрофанов, поглаживая рыжую бороду и хлопая по плечу хозяина дома.

Оцепенение у людей спадало. На улице стал нарастать гул. Осмелев, молодёжь стала задорно кричать:

– Игнатий Васильевич! Повторите «Дубинушку»! Повторите... Повторите...

Но сам Игнатий Васильевич, долго перебирая пластинки, выбрал другую, и Ваня услышал:

*Чуют правду!
Смерть близка!
Мне не страшна она...*

– Ария Сусанина, – пояснил отец, разводя в стороны руки.

Окружающие понимающе закивали, стали переговариваться между собой и сошлись к общему мнению, что «вещь не так сильна».

Народ не отходил от дома Куниных до самого вечера, и его отец устало выполнял просьбы односельчан, заводя то одну, то другую пластинку.

Особую всенародную любовь и чувства вызвала песня «Разлука». Неожиданно для всех, когда хор с хорошо поставленными, стройными голосами затянул: «Разлука ты, разлука, чужая сторона...», Егор Чивилёв зарыдал и залился слезами, что вызвало недоумение у большинства окружающих, а у молодёжи смех. С тех пор этого беззлобного мужичка так и прозвали Разлукой.

– Эй, Разлука! Выходи на двор навоз ковырять... – звали Чивилёва не раз мужики.

Так впервые, будучи ребёнком, Иван Кунин познал голос Шаляпина и перевернул своё представление об окружающем мире.

Изменил данный памятный день и жизнь в семье Куниных. У Игнатия Васильевича, попечителя местного прихода, начались осложнения с местным духовенством. Настоятель сельского храма Дмитрия Солонского протоиерей Александр категорически отказался служить молебны в доме Куниных, заявив, что «верующий, православный человек» совершает кощунство над религией, «играя на граммофоне».

Видя, что и это не останавливает упрямого прихожанина, протоиерей публично составил запрос правящему архиерею в Тамбовскую епархию по отношению православных к граммофону.

Фр XIII
129

И, 5. 1. 14.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

П р и з ы в ъ

Соціалиста-Революціонера Ив. Игн. Кунина.

Живя здѣсь, на лонѣ природы, въ хаосѣ земного царства, я какъ и многіе брелъ въ густомъ туманѣ, въ дни своей скорбной жизни, въ надеждѣ увидѣть зарю новаго и свѣтлаго будущаго

И вотъ когда я узналъ о великой нашей революціи, я впервые почувствовалъ минуты счастья и радости.

Помню, когда я вышелъ на улицу, гдѣ народъ Россіи, какъ бы по одному кличу сталъ на сторону вождей революціи

Проснулася природа, проснулася народъ, я радостно вздохнула тогда и вспомнилъ слова покойнаго Эмиля Верхана:

„Наступила пора,
что бредомъ казалось вчера“.

Заколызалась жизнь, въ блескѣ весны, подъ ласку лучей солнца, подъ привѣтливый шепотъ проснувшихся къ жизни деревень, подъ родныя пѣсни жаворонка, несли крапеныя знамена, эти знамена, какъ огненный языкъ пламени, вырвавшійся изъ нашихъ сердецъ, рѣють въ небѣ, и несутъ ихъ народъ революціи, народъ, котораго душа полною радостью, однимъ счастьемъ, однимъ желаніемъ.

Побѣдоносно шель народъ революціи, шель онъ гордо и нѣтъ новыя пѣсни, пѣсни свободы, въ нихъ, кто не пѣлъ, слышалъ ненависть къ рабству и къ тьмѣ и жажду къ свободѣ и къ осуществленію идеальнаго социализма.

Это было тогда великое торжество слабыхъ и павшихъ, иныѣ свободныхъ гражданъ, свободной Россіи.

Была тогда весна въ природѣ, весна въ жизни, весна въ сердцахъ того, кто любитъ борьбу за свой угнетенный народъ.

Я вѣрилъ, что это торжество, этотъ восторгъ, эта радость и это счастье укрѣпить свободу, отчего сплоченная, крѣпкая и единая борьба начнется во имя борьбы съ капитализмомъ и съ угнетателями-деспотами, я вѣрилъ въ торжество социализма, который явится завершеніемъ всего того, что дорого намъ всѣмъ и что необходимо для свободной жизни.

Я смывалъ тогда біеніе своего сердца, восторгъ и пренетъ души моей и все это говорило мнѣ о томъ, что тотъ, кого я люблю, проснулся, открылъ двери въ царство вѣчной свободы, ибо уже брызнули первые радостные лучи восходящаго солнца, солнца того царства, о которомъ говорилъ намъ Іисусъ Христосъ, который въ свое время сказалъ намъ:

„Если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. 8, 31-32).

Помню и теперь послѣднія слова своей рѣчи, которую я говорилъ гражданамъ г. Тамбова:

„Да будетъ намъ свобода въ любви, въ творчествѣ и въ просторѣ нашей души.“

Да будетъ все это символомъ

начала всеобщаго великаго освобожденія народовъ всего міра“.

Но вотъ прошло съ тѣхъ поръ около пяти мѣсяцевъ и мы путаемся въ дебряхъ нашей революціи.

Почему-же? Отчего-же?

Да все оттого, что мы пьямы отъ хмѣля свободы, отъ увлеченія демагоговъ и фантазеровъ.

Мы не хотимъ терпѣнія и потому стоимъ на склонѣ заката нашей еще молодой свободы.

Когда я пріѣхалъ сюда на островъ Эзель и призналъ рѣчь, въ которой призывалъ къ единенію и терпѣнію, меня спрашивали, спрашиваютъ и теперь—кто я?

Я человекъ отъ міра сего.

Я братъ вашъ равный вамъ по крови и плоти и смерти.

Я ненавистникъ того, кто сидѣлъ на тронѣ престола Россіи, тѣхъ, кто нынѣ въ Петропавловской крѣпости и всѣхъ тѣхъ, кто равный имъ.

Я непримиримый врагъ того, кто бредитъ сномъ слѣплого утописта и демагога.

Я членъ Россійскаго государства, сынъ мужика-крестьянина Тамбовской губ., внукъ по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ бабушки русской революціи Брешко-Брешковской, и нынѣ свободный гражданинъ-солдатъ революціонной русской арміи.

Вотъ кто я.

Время шло, все ждали ответа. Но в итоге всё было спущено на тормозах. Конфликт затих сам собой. Священник стал постепенно посещать дом зажиточных прихожан Куниных, о письме-запросе постарались забыть все. Ответа на запрос так никто и не узнал.

А Игнатий Васильевич, к тому времени купец первой гильдии, возглавил церковный приход и был избран церковным старостой.

* * *

Голос же Фёдора Шаляпина продолжал сопровождать Ивана Кунина по жизни. Особенно запомнился случай в период его отрочества, когда умер всеми жалованный церковный дьякон. Прихожане стали просить отца Игнатия Васильевича Кунина отправиться в епархию и привезти из неё нового дьякона. На радость Ивана, отец взял его с собой, и он увидел губернский город.

Мальчик был глубоко впечатлён тёплым приёмом правящего архиерея. После же того, как были соблюдены все условности, Игнатий Васильевич изложил причину приезда. Внимательно выслушав его, епископ Тамбовский Кирилл спросил:

– Вы остановились в гостинице Новосильцевых? – И после утвердительного ответа предложил: – Так как ваш приход богатый, то завтра утром я пришлю вам трёх-четырёх дьяконов с сильными голосами. Послушайте их, и выбор будет за вами.

Следующим утром в номер, в котором квартировали Кунины, пришли пять человек. Началось диковинное представление. Иван наблюдал, как его отец, важно восседая в мягком кресле, «снял пробу» с каждого явившегося, а шупленькие на вид люди становились в угол и пытались голосить многолетие. Игнатий Васильевич хмурился после каждой «пробы», а выслушав последнего, заявил:

– Сожалею сильно, никто из вас не подходит. В наш приход поедет дьякон только с шаляпинским голосом.

Иван озадаченно смотрел, как, торопясь и тесня друг друга, уходили претенденты. Отец же был совершенно спокоен и, сев за стол, стал

что-то писать на листе бумаги. После чего, вызвав посыльного, отправил запечатанный конверт епископу Кириллу. Повернувшись к сыну, заявил:

– Нет здесь Шаляпина. Поехали, Ванька, домой, даст Бог, к вечеру вернёмся.

Через три дня Ивану стала понятна причина спокойствия отца. В приход прислали дьякона, от голоса которого в храме колыхались хоругви, а прихожане набожно крестились. Так в селе появился свой Шаляпин.

* * *

Когда пришло время, отец направил Ивана учиться на коммерческие курсы Езерского в Санкт-Петербург. Опекать молодого слушателя поручили родному дяде курсиста, младшему брату матери – Максиму Филатьевичу, который работал директором фирмы Игнатия Васильевича Кунина и жил на Фонтанке. Как оказалось, дядя Максим был «сто процентным шаляпинистом». Иван жил в доме дяди и очень часто слушал восторженные возгласы о своём кумире ярого поклонника, который буквально бредил всем, что было связано с именем Шаляпина. И не раз повторял, что вот окончит Иван Игнатъевич курсы с отличием, и они вместе пойдут наслаждаться голосом «моднаго артиста».

Конечно не этот стимул, а личная настойчивость деревенского парня помогла окончить коммерческие курсы с похвальным листом, и довольный Максим Филатьевич размахивал перед носом племянника двумя билетами и беспрестанно повторял:

– По 15 целковых! Представь, это 30 целковых в руках моих.

Собирались основательно. Иван в первый раз примерил котелок, одёрнул хорошо сидящий смокинг с крахмальной рубашкой, покрутил в разные стороны головой, потирая шею о высокий стоячий воротничок. Ох уж этот воротничок, он мучил модника весь вечер, и, поняв его коварство, Иван в отчаянии проклинал «достижения культуры» и «столичные традиции». Два противоречивых чувства боролись

в начинающем меломане – желание познать неведомое и сильный страх за свой слух, так как он был наслышан о «небывалой мощности шаляпинского голоса».

– Если от голоса Шаляпина дрожат стены и лопаются стёкла в окнах, то что же может быть с ухом человека? – раз за разом, всё больше пугаясь, спрашивал сам себя Иван и в итоге, не удержавшись, на всякий случай заткнул уши ватой, с тревожным сердцем поехал на концерт.

Начался концерт. Человек на сцене запел. Иван, застывши, слушал исполнителя. Спустя пять минут он осторожно вынул вату из одного уха. Прислушался. Вынул из второго. И... не оглох.

От неожиданности юноша был потрясён.

Был раздавлен и разочарован.

«Люди годами хвастались именем Шаляпина, говорили о нём при каждом удобном и неудобном случае, и вот я слушаю заурядную арию», – думал с грустью начинающий меломан, наблюдая за происходящим на сцене.

Так Иван Кунин впервые вживую познакомился с певческим искусством и получил разочарование. Сила голоса оставила его равнодушным. Ах, сколько поклонников его настраивали на грандиозное в смысле силы голоса творчество. И вот теперь он сидел в зале и спокойно слушал его без ваты и без особого впечатления.

Только спустя годы Иван осознал, что его разочарование было связано с настроем: он ожидал оглушения слуха, и никто не настроил его на понимание художественного исполнения, не подготовил к нему. Из тысячи поклонников только единицы могли толком объяснить правильно, в чём заключается гениальность игры Шаляпина. Как и, главное, почему он исполняет ту или иную роль? Какова же его артистичная индивидуальность? Что же именно поражает и захватывает в том или ином созданном им историческом образе? И наконец, каковы особенности его вокального мастерства?

* * *

Спустя два года шестнадцатилетний Иван смотрел «Фауста» в Оперном народном доме.

Случилось непостижимое. Появление Шаляпина-Мефистофеля и дальнейшая его игра произвели на него удручающее впечатление. В момент же арии «На земле весь род людской» юноша выскочил из зала, вылетел на улицу и долго ходил по набережной Невы, пытаясь понять охватившие его чувства.

Шаляпин-Мефистофель напугал Ивана, он осознал, что ему было неприятно смотреть в его ужасные, дьявольские глаза. Мысленно перебирал все рассказы своей няни Акулины и её матери Матрёны о чёрте и его прислужниках. Потрясённому Ивану непреодолимо захотелось поговорить с Шаляпиным и непременно ещё раз посмотреть в демонические глаза. И, сделав некоторое усилие над собой, он возвратился к Народному дому и стал ожидать выхода артиста.

Сначала шумно вышла толпа людей. Юноша старался взглянуть в каждого выходящего, но прошли все, а демонического взгляда он не увидел. Минуло довольно много времени, и из здания вышли трое мужчин. Чисто интуитивно подойдя к ним, Кунин представился и попросил выслушать его. Мужчины, среди которых Иван, к своей радости, узнал Фёдора Ивановича Шаляпина, торопились, но предложили молодому человеку изложить суть дела.

К своему удивлению, ничего демонического в облике великого русского певца Иван и близко не заметил. Всего около пяти минут получил он для разговора, в ходе которых успел выпалить Шаляпину, как сильно тот его испугал, чем вызвал весёлый смех Фёдора Ивановича, который задорно хохотал над словами впечатлительного юноши. Внезапно же оставившись, уже серьёзным тоном постарался объяснить неопытному поклоннику смысл образов Мефистофеля и Фауста.

А дальше была бессонная ночь Ивана Кунина, который раз за разом прокручивал в мозгу эту пятиминутную встречу, раздумывая над каждым словом мэтра. Особое впечатление произвела на него краткость и яркость речи Шаляпина, и пришло осознание собственной безграмотности и ущербности. Под утро пришла мысль о необходимости совершенствоваться и изучать психоанализ.

Позднее, помогая отцу и вращаясь в обществе столичных купцов и чиновников, Иван порой слышал такие слова:

– О-о-о, Шаляпин – это си-и-и-и-ила! Это ба-а-альшой гений! Шаляпину нет равного артиста во всём свете! Шаляпин хорошо изображает! Шаляпин такой де-е-етина, что он может сыграть и царя, и мужика, и маркиза, и самого чёрта...

Все эти шаблонные, трафаретные определения обывателей со временем стали раздражать молодого Кунина, но понимание собственной неподготовленности сдерживало юношу от высказывания собственного мнения. В беседах с писателями и критиками Иван начал серьёзно осознавать образы Мефистофеля и Бориса Годунова и всё больше любить и понимать Шаляпина.

* * *

Пятиминутная встреча Ивана Кунина с Фёдором Шаляпиным перевернула жизнь первого. Увлёкшись музыкой, театром и кино, довольно быстро молодой человек стал своим среди артистов оперы, драмы, балета и русского кино. Но одновременно с этим почувствовал глубокое, какое-то органическое отвращение к коммерческой деятельности. Продолжая по инерции работать в фирме отца и не переставая уважать московское и петербургское купечество, сам становится купцом категорически отказываясь. Стал ненавидеть и презирать биржу, счета, товарооборот и сметы. Возникло страстное желание приобщиться к артистической среде или стать журналистом.

Видя ненормальное увлечение сына, Игнатий Васильевич Кунин отозвал его в родное село и поставил вопрос о женитьбе отпрыска на единственной дочери харьковского купца. Иван же, не дожидаясь свадьбы, прихватив 3000 рублей, бежал из родительского дома в Москву, с мечтой профессионально заняться театральным делом.

Так Иван стал антрепренёром. Первым делом заказал у сапожника штиблеты со скрипом, «чтобы артисты знали, что хозяин идёт...» Поехал в бюро Рассохиной, где и подписал контракт на летний сезон в Звенигороде с драма-

тическим артистом и режиссёром Григорием Креоловым, который на все прихваченные из родительского дома деньги тут же создал труппу из известных театральных актёров.

Началась театральная деятельность Ивана Кунина. И произошла очередная встреча с Фёдором Шаляпиным.

Однажды воскресным днём Кунин гулял с артисткой Лялиной по чудесному звенигородскому лесу. Стоял жаркий август, но в лесу хорошо и легко дышалось. Дойдя до стен монастыря, молодые люди увидели Шаляпина, поедающего просфоры со сливками. Иван представился, напомнил о встрече около Народного дома, и сам собой завязался разговор, который продолжился во время совместной прогулки по тропинкам старого леса.

Иван не знал Шаляпина как человека. Часто слышал о «несуразностях» его «бешеного характера». Рисовали Фёдора Ивановича человеком без принципов, придирчивым, скандальным, «нечутким к меньшим братьям», спорщиком с режиссёрами, дирижёрами, композиторами и художниками. Говорили о том, что он «ладит с пролетариатом и льстит монарху», избивает хористов, пьёт, как «разбойник с Волги». Обо всём этом Кунин и рассказал Шаляпину во время совместной прогулки. Обо всём, что говорили о знаменитом басе его сослуживцы по сцене.

Шаляпин весело и долго смеялся над наивными обвинениями и очень забавно рассказывал, как и почему о нём так судит «широкая публика». Иван был приятно разочарован в своих представлениях о великом артисте, и оказалось, что Шаляпин-человек оказался не хуже Шаляпина-артиста.

* * *

Звенигород был и остаётся маленьким городком, и, конечно, выступления театральной труппы не могли покрыть затрат на её содержание. Новоиспечённый антрепренёр Кунин довольно скоро прочувствовал на себе жизнь за кулисами, со всей её богемной беспорядочностью, завистью и пафосом, вечной встревоженностью

и нервным напряжением. Иван познал «тайны театра», его искусственность и вздыбленный пафос, стихию актёрской борьбы, низменный эгоизм режиссёра – всё это стало вызывать чувство мучительной тошноты. А бешеность актёров, их загадочная легкомысленность и необъяснимая темпераментность быстро уничтожили последние надежды на дальнейшее занятие любимым театральным делом.

Полным крахом для Ивана стало то, что деньги, тайно взятые у отца, неожиданно к концу театрального сезона закончились, и его окутал страх и чувство безнадёжности. Вернуться в дом отца было нестерпимо стыдно, а жить так дальше невозможно.

Мысли о самоубийстве всё больше приходили к Ивану Кунину, и неминуемая развязка должна была наступить. И она наступила, когда Иван сидел на краю обрыва и рыдал. Он окончательно запутался со своими артистами и дальнейшего существования на земле не видел.

Неожиданно для себя мужчина услышал знакомый голос:

– В чём дело? Почему вы ревете?

Это был Фёдор Иванович Шаляпин, и Иван, бросившись к нему, стал рассказывать о своих театральных неудачах, что семь суток ничего толком не ел и не хочет дальше жить.

Внимательно выслушав его, Шаляпин отстранил и сел на край обрыва, Иван пристроился рядом.

– Другой раз не занимайтесь не своим делом. Возвращайтесь в дом к отцу и становитесь достойным купцом, – назидательно произнёс Шаляпин и задумчиво продолжил: – Роль купечества в сегодняшней России огромна. И именно сегодня, как никогда, русская промышленность нуждается в энергичных предпринимателях.

Его слова были настолько убедительны, что Иван забыл мысль о самоубийстве, и мужчины начали обдумывать его планы на будущую жизнь.

Первым делом необходимо было достойно провести ликвидацию звенигородской антрепризы. И Шаляпин не остался сторонним советчиком, а когда у Ивана возникла «спекулятивная мысль» привлечь в качестве рекламы для последнего спектакля присутствие в зале

Шаляпина, тот согласился и обещал подыграть неудавшемуся театральному деятелю.

В итоге была поставлена пьеса «Без вины виноватые», Незнамова играл Креолов, а Кунин бегал по всему Звенигороду и всячески распространял слухи, что на спектакле будет «сам Шаляпин». Уже за три дня до спектакля на театральной кассе висела табличка «Все билеты проданы».

Вырученные от спектакля деньги помогли Ивану Кунину оплатить долги, рассчитаться с артистами и с достоинством закончить неудавшуюся карьеру антрепренёра. Он без денег, но с лёгким сердцем вернулся к отцу, который его принял, простил и направил в Петроград заниматься делами филиала.

Через год свершилась революция и возшло «солнце красное», а «Дубинушка», которую затащили в начале века Фёдор Шаляпин и Императорский хор, раскидала многих русских по миру. Сам Фёдор Иванович Шаляпин нашёл свой последний приют в Париже, а Иван Игнатьевич Кунин – в далёком Парагвае.

Анатолий ТРУБА

Из цикла «Silentium»

В ПАМЯТЬ О СТИХОТВОРЕНИИ «SILENTIUM», НАПИСАННОМ ВЕЛИКИМИ РУССКИМИ ПОЭТАМИ

Татьяна НОВИКОВА

1

Петрополь. Петербург. Судьба – пора.
Ещё бессонница и чернозём горячий.
Silentium... и Мандельштам, и Тютчев.
Пусть не прогонят ночью со двора.

А всё по кругу, по небу лететь,
Где злые звёзды плавятся в алмазы.
Жизнь переполнена угарным газом,
В молчании – не сметь и не иметь.

Дай продышаться, дай не умереть,
Дай наготе красноречивость жеста,
Молчание – отсутствие ареста,
В котором прячет своё жало смерть.

А бедная природа? Филиппок!
Читатель окон лающих вокзалов...
Стигийское болото не молчало.
Но Данте пламенеющий умолк.

Ах, Мандельштам! Ах, Тютчев! Всё игра!
Ты сам – любовь, да выстоять едва ли...
В России ослепительные дали,
Когда прогонят ночью со двора.

2

Silentium... И Мандельштам, и Тютчев.
И здесь и там – вяжи да развяжи,
У Петербурга острые ножи,
Бессонница и звездопад колючий.

Где слово позабыли, что хотели
Для непостижных тягот бытия,
Душа разорвалась, завет храня,
Молчание. По всей земле метели.

Цезура – бог. И Мандельштам, и Тютчев.
Что ж, налетит, чего не миновать,
Всё чувствовать, навеки замолчать,
Потом лететь. С Буонаротти лучше.

Зерно ответно и умрёт едва ли
На золотистых приисках добра,
Молчание... не бойся топора,
А речь бессмертна, ей же всё отдали.

Silentium, где Тютчев с Мандельштамом,
Уже на дровнях обновляют путь,
Небесные поля – России грудь,
Немотствуют за бело-синим храмом.

3. ГОГОЛЬ. БАШМАЧКИН

Башмачкин, бедный мой писатель.
 Шинель без пятен.
 Чужие жалобы как искры,
 Шей буквы быстро,
 Чернила в кровь, а там что будет,
 Вся жизнь в остуде.
 Святой Акакий в изголовье,
 Служить до крови.
 Башмачкин, верный переписчик,
 Коробка спичек.
 Блаженный маленький строитель,
 А не гонитель.
 Его мученье – зимний полог,
 Декабрь так долог.
 Шинель небесная, что риза,
 И голубь сизый.
 И не откликнется потеря,
 Молчит и верит,
 Косноязычный сын пророчит:
 «Прости нас, Отче».

4. О. ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Silentium и Сергиев Посад.
 И Маковец, и Радонеж молчанья.
 И ты – поток, и Павел твоё званье,
 В твоей любви жив негасимый сад.

Всё – таинства, пространства, крестный ход,
 А в электричке есть лесное эхо.
 Судьба – страда, страдание, помеха...
 Для нищих духом – праздничный уход.

Точнее, понимание миров,
 И одного, что прячется сердечно,
 Но ты – поток и мыслишь быстротечно,
 А мир тебя помыслить не готов.

Твоих энциклопедий города,
 Где под асфальтом плачется травинка,
 И вечной мерзлоты пустая льдинка
 Тобой пронзится, но не навсегда.

И ты прочитан, и твоя тетрадь
 Как пятый элемент для Леонардо,

В ней злые Соловки на звёздной карте
 И йодистая моря благодать.

Ты под сосной, и там иконостас,
 И формулы, и числа, и движенья,
 И созерцанье как средоточенье,
 Но пепел прав. И выстоит алмаз.

Ты тот, кто посетил сей мир как рок
 И не дождался отклика счастливо,
 Пусть на пиру, где всеблагие живы,
 Ты вечно жив, как пушкинский Пророк.

5. ЗАБОЛОЦКИЙ

Заболоцкий, Заболоцкий.
 Можжевельниковый куст,
 Словно молниевый хруст,
 Как всечувствующий лоцман.
 Архитектор тех ночей,
 Что везли тебя в неволю,
 Где лизал сосульку боли,
 Где не спал и был ничей.
 Где лицо коня уныло,
 Плачет птица воробей,
 Где молчание. Убей
 Всё, что было, всё, что мило.
 То вселенское окно
 Единения природы,
 Человеческие всходы
 Ждут любимое кино.
 Но печали не до сна,
 Как за облаком сороке,
 И любовные мороки
 От темна и дотемна.
 От небес и до небес
 Сердце рвётся, поезд мчится.
 Спит животное и птица,
 Дремлет слово, дремлет лес.
 (Гроб хрустальный многоточий
 Всё качает нежный груз.)
 Можжевельниковый куст...
 Ненаглядной жизни почерк.

6. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Сердцевина, сердцевина
У моей большой страны.
Все мы севера сыны,
Зимних песен дух целинный.

Ангел русский, Свете тихий,
Очарованный медведь,
Дай безмолвию лететь,
Отведи войну и лихо.

Поделись приютом – хлебом,
Утешением... – болит.
В тишине твоих молитв
И работа тоже треба.

Ангел русский, молчаливый,
Кто помолится за ны...
Для заоблачной страны
Даст терпение и силу?

Чтобы солнцем отозваться,
В тайне сердца – ум горит,
Чтобы «Бог тебя хранит»,
Чтобы – сёстры, чтобы – братцы.
Образ Троицы, как птица –
Светоносный серафим,
Дым Отечества – не дым –
Отчий дом, родные лица.

У служения – дорога
За водой до родника,
Огородина крепка
И над нею Неба много.

7. АНДРЕЙ РУБЛЁВ

У них закат и срок: Винсент ван Гог,
У нас восток – Покров. Андрей Рублёв.
У них на небе глаз: спираль из астр.
У нас иконостас. Чернец и мраз.
У них подсолнух – рок. И виноград.
У нас молитвы сок. И Страшный сад.
У них цветы полей. Пыльца жужжит.
У нас не охай – пей. Будь Вечный жид.
А скомороший грех так любит смех.
И полюби-ка всех, да не сумех.

Той багряницы сласть и азурит,
И белой глины власть, и дух летит,
И мир под колесом, пробел, движки,
Вмещает ремесло и корешки.
И покаянья ниц, а Светом зри,
Иисусовой весной «воскрес» ори.
Проваливаясь в стон, сбылось – не «бых» –
И васильковый сон, и ангел тих.

8. ПРИШВИН

«Я сел у реки и вошёл в тишину».
И был окольцован туманной волной,
Лишь глаз ястребиный за мышью одной
Прицелом оптическим правил струну.

И зорко, и медленно пятилась тень,
Молился восток на мираж-календарь,
Горячая белка, как будто Агарь,
Скрывала в гнезде свой ореховый день.

Шёл птичий урок под восторженный свист:
Качали касатки небесный пустырь,
И яблочный август – Фавор – поводырь –
Сиял, словно в схиму ушедший артист.
И там, в глубине, жил послушник любви,
Не ведая, где же его монастырь,
И трогал Природы лесную Псалтырь
Молчаньем весны, что пылает в крови.

9. ЧЕХОВ. ЯЛТА

У зимней Ялты море сквозняков.
И кипарис, и розы, и рассада
Для будущих гостей земного сада
И для театра тлеющих веков.

И соблазняется в огне без снов
Температуры липкая армада,
И за горой туманного распада
Испарина неношенных обнов.

Кого же слушать? Брызгами до дыр.
О, никому не дать договориться.
Зачем не спит подстреленная птица,
И материнский старенький Псалтырь?

Кого же слушать мне? Бессонный хор.
О чём «помилуй» просит на обедне.
Тот первый вдох и выдох предпоследний.
Итак, комедия. В Москву. В костёр.

Успех, провал, шампанское, цветы.
Сестра письмо писала Левитану.
И Мамин-Сибиряк немного пьяный,
Розарий новые прислал кусты.

А дом бросай в пожар и так играй.
И всё по кромке, от тоски сгорая.
О, как все говорливы и стенают,
Зачем, зачем придумался ваш край.

Вишнёвый сад не молвит, не шумит.
И степь молчит, как вещая страница.
Куда летит подстреленная птица?
Туда, где море никогда не спит.

10. ВРУБЕЛЬ

Дай, Врубель, в горстку воробья,
Чтоб в церкви роспись не калечить,
Твои эскизы как предтечи,
И в них пророки ждут жнивья.

Дай демону свободы риск,
Когда повержен он и в боли,
Чертополох его юдоли,
Гордыни блеск – мышинный писк.

Дай от страды чуть-чуть вздохнуть,
Дай лик прозрачного ребёнка,
Там обитают жаворонки,
Но колыбели пуст тот путь.

Дай розу, спящую в стекле,
Дай сто сиреневых заплаток,
Свирелью Пана капай в лапы,
А образ Волховы во мгле.

Молчи, крыло, ты – власть пути
И красота царевны Лебедь,
Дай, воробей, судьбы отведать,
Не дай же Бог с ума сойти.

11. ПУШКИН

Молчание. Ужо! Сомненье – Бог.
Народ безмолвствует, ремарка для поклона.
Над колокольней пьяная ворона,
И Петербург от сырости продрог.

Весна. Ты болен. Праздные долги
Всё цокают и пахнут лошаадьми,
В окно цари свинцовыми дождями,
У Бенкендорфа злые сапоги.

Движение, иди в себя, вонзись,
Превозмоги Бориса с Дон Жуаном,
И напиши пять строчек «Из Корана»,
С Ефремом Сириным в Великий пост молись.

И ощущение праздничных затей,
Что не сыгрались даже вполонину,
Влюбись бессмертно в нянюшку Арину
И соблазняйся призраком идей.

Пора, пора. На свете счастьем срок,
И короток, и вянет, да неймётся,
И твой арап прекрасен, словно солнце,
И в солнечной короне дремлет Бог.

12. БЛОК

Блок – перекрёсток и фонарь.
Молчанье – Русь, снега невинны.
Душа мытарствует и ныне,
Ночной дозор идёт в алтарь.

Переведи, переведи
Сквозь Шахматово холод унций,
Разбойный голод революций,
Но не убий, не укради.

Кармен не просит ничего,
А только льёт потоки меццо,
Туман гнилой на Пряжке сердца,
Грех не в вине, а кто кого.

А Блок в себе, как бы на дне,
Но дай же, Господи, отведать

Тот плотский вкус живой победы,
Что скифа гонит на коне.

Жена ли Русь? Нерукотвор-
Но Куликово мчится поле
Навстречу каждой новой боли,
И вечно длится страшный спор.

Что женственный шальной театр,
Что профиль Дантовый на фреске,
Переживи свой опыт дерзкий,
Сын Александра – Александр.

Твой в белом венчике Христос,
Он не оглянется ни разу,
Но оживит прощенья фразу
Для Незнакомки чёрных гроз.

13. БУНИН

Октябрь – Покров. Снега идут в народ.
И до апреля надобно добратся,
Семь месяцев голимого богатства,
Которое упрятано под лёд.
Жизнь как трава, закованная сном,
И берега бескрылого немотства,
Но след под снегом – памятка для лоций,
Где путь молчания твой ненаглядный дом.
Вся суть травы: корзинки да мечи,
Да зонтики упрямой свежей сныти,
И там крапива краденых открытий
И для замочков вещице ключи.

...

Идёт в народ цветущий белый сад,
То пароход и именинник Бунин,
И севера бессонных полнолуний,
В них яблони летят, как снегопад.
Там Суходол, Воронеж и Орёл,
Москва зимой, и в чистый понедельник
Пошёл Иван Великий, как подельник,
Как Белой армии священный долг.
Как мир без швов, как небо без границ,
Так слова воскрешающая птица –
Весь белый свет и снег! И помолиться,
А жить на берегах весенних Ницц.

14. МАНДЕЛЬШТАМ

Силенциум. Свердловская тюрьма.
Напротив стадионная утроба.
И кладбища смирительная роба,
В которой крестным ходом шла зима.
Молчать. Возврата нет. Путь на восток.
«Намордники» на окнах – образ ада.
И хлеб пустой, и воздуха блокада,
И сердце как оторванный листок.
Силенциум. Молчи и не греши.
Беда – не Лета, боли средостенья,
Российское колючее моленье:
За что, за что нас одолели вши?
Потеря времени: у времени в плену.
Молчание чумой легло по краю.
Неопалимая любовь не умирает,
А жаждет воскресенья на кону –
На той меже, где жив ещё щегол,
И, где Щелкунчик мир разоблачает,
У Исаакия бог маятник качает,
И в телефон звонится балабол.
А Мандельштам... Силенциум... В пути
С той стороны заснеженного диска
Молчаньем режет на пределе риска,
Как ласточка четыре дня летит.

15. ТЮТЧЕВ

Силенциум. В который раз влюблён.
Я встретил Вас. Страничные истома –
Для языков свободные паромы
И дипломатий петербургский звон.
Таи свой страх. О, как мы любим, как
Убийственно. А по-другому – мучим.
Природы перевод – острящий Тютчев
На волоске неумолимых трат.
Таи свой дар, как юг, как Ниццы рай,
Как образы свобод иноязычных,
Пересекая Невский в снах столичных,
Во льдах терпи, долготерпенья край.
Душа – канатоходец, помолчи,
Умом твои балансы не осилить.
А всё ведёт кремнистый путь Россию
По звёздной памяти, рыдающей в ночи.

МОЗДОКСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Образ Моздокской Божией Матери, древнейшей и самой почитаемой православной иконы в Осетии, хранился в Успенском соборе г. Моздока Терской области до 30-х годов XX века.

По преданию, происхождение его таково. Святая благоверная грузинская царица Тамара (1184–1212) ревностно заботилась о распространении и утверждении христианства среди

подвластных ей горских народов, воздвигала и снабжала утварью и облачениями множество храмов в горах и ущельях, посылала туда для проповеди священников. В один из таких храмов, находившийся около осетинского аула Майрамыкау в Куртатинском округе, в дар новопросвещенным христианам она прислала список с афонской Иверской иконы Божией

Матери. По преданию, образ был написан грузинским придворным иконописцем, человеком благочестивым, подготовлявшимся к своему труду сорокадневным постом. Икона вскоре прославилась чудесными знаменами. Три раза горела церковь, в которой стояла эта святыня, и каждый раз после пожара её находили невредимой на горе, неподалёку от храма. Тогда жители селения стали почитать её как чудотворную. Почти 600 лет дар святой грузинской царицы сохранялся в Осетии в маленькой церквушке в Карталинском ущелье.

После подпадания Алании под влияние ислама к верованиям ещё нетвёрдого в православии народа стали примешиваться мусульманские. С XVI века горцы начали постепенно входить в соприкосновение с расширявшимся Русским государством и вновь принимать от русских христианство. Чтобы влияние мусульманских мулл в Осетии не обратило горцев к прежним верованиям и обычаям, русское правительство пригласило их селиться на своей территории. В 1793 году осетины аула Майрамыкау Куртатинского округа, собиравшиеся поселиться на Терской линии, около города Кизляра, отправившись в дорогу, взяли с собой свою чудотворную Иверскую икону. Путники заночевали на берегу реки Терек у города Моздока. Ночью у арбы, где находилась чудотворная икона, был виден чудный свет. Когда на другой день осетины хотели продолжить свой путь, арба с иконой не двинулась с места. Никто не знал, что делать, пока один из них не рассказал, что ночью слышал голос, приказывающий оставить святую икону на том месте, где стояла арба. Как ни тяжело было расставаться с дорогой святыней, они поставили её на указанном месте. Слух о чудотворной иконе и обо всех обстоятельствах её прибытия скоро дошёл до преосвященного Гаия (Токаова), епископа Моздокской кафедры. С торжественным крестным ходом он вышел из города, отслужил перед иконою молебен и вознамерился поставить её в Моздокском кафедральном соборе. Но ему чудесным образом было открыто, что икона должна оставаться там, где провела ночь в арбе. Вскоре здесь была построена часовня,

в которую и поместили икону. В 1796–1797 годах на месте часовни был выстроен храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, при котором основана женская обитель. По указу Святейшего Синода в октябре 1799 года Моздокская епархия была упразднена, Успенский монастырь закрыт. Но, несмотря на опустение обители и общий упадок христианской жизни в крае, к иконе, называемой уже Моздокской, продолжали стекаться богомольцы, привлекаемые славой истекавших от неё многочисленных чудес.

ВО ВРЕМЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В 1840 ГОДУ К МОЗДОКУ ПОДОШЛИ ОТРЯДЫ ГОРЦЕВ ПО ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ИМАМА ШАМИЛЯ. ПО ПРЕДАНИЮ, ЗДЕСЬ ШАМИЛЮ ЯВИЛАСЬ В ВИДЕНИИ ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ ОДЕЯНИИ И ПРИКАЗАЛА НЕ ТРОГАТЬ ГОРОД.

Во время Кавказской войны в 1840 году к Моздоку подошли отряды горцев под предводительством имама Шамиля. По преданию, здесь Шамилю явилась в видении женщина в белом одеянии и приказала не трогать город.

На протяжении многих веков Моздокская икона Божией Матери, икона-апостол, как называл её святитель Игнатий (Брянчанинов), служила главным связующим звеном между горными народами Кавказа и православием. Благодаря дивным знаменам, явленным от Моздокской иконы, многие семейства не только осетин, но и черкесов сохраняли веру. «Осетины признают икону своею собственностью, питают к ней пламенную привязанность... Икона славна в горах. На поклонение ей стекается множество горцев-магометан. Армяне григорианского исповедания чествуют икону наравне с православными. Икона совершает множество исцелений, под нею на шнуре висят многочисленные серебряные изображения членов человеческого тела, привешенные получившими исцеления, – писал святитель Игнатий в бытность свою на Кавказской кафедре в "Записке о чудотворной иконе Иверской Божией Матери в Моздокской Успенской церкви". – Многие магометане, пора-

жаемые чудесами, совершающимися при иконе, принимают христианство. Весьма многие магометане по той же причине, питая доверенность к иконе, питают доверенность и к христианству. Икона – апостол. Точно! Чудотворная икона Божией Матери совершает в здешнем крае служение апостола, споспешествуя христианству и свидетельствуя оное знаменами».

Святитель Игнатий озаботился созданием достойного храма для этого моздокского «апостола», и в 1860 году выдал храмоздательную грамоту на строительство новой церкви. После многолетних трудов по сбору средств и возведению храма в 1894 году был освящён новый величественный Успенский собор. Пятикупольный крестообразный храм, выполненный в русско-византийском стиле, стал самым большим на Северном Кавказе (высота 72 м). Моздокская икона Пресвятой Богородицы пребывала здесь в киоте за правым нижним клиросом.

После 1895 года по инициативе архиепископа Владикавказского и Моздокского Владимира (Синьковского) был организован ежегодный перенос кавказской святыни из Моздока во Владикавказ. Многолюдный крестный ход с иконой шествовал через христианские и мусульманские аулы Северной Осетии, и здесь совершая апостольское служение.

Моздокская икона чтилась по всему Кавказу, в Донской области и в Воронежском крае. В дни её празднования в просторной ограде Успенской церкви Моздока для всех не хватало места. Здесь можно было встретить не только православных, но и армяно-григориан,

армяно-католиков, лютеран, старообрядцев и мусульман. У православных осетин и кабардинцев был обычай приходить к церкви накануне праздника и проводить в молитве всю ночь. Многие из осетинских и кабардинских женщин шли сюда босиком, а ночью с молитвой на устах по несколько раз на коленях обходили храм.

Перед осетинской святыней коленопреклонно молился последний император Николай II. Произошло это 4 декабря 1914 года, когда он посетил Владикавказ на обратном пути с турецкой границы (шла война, и государь побывал в Закавказье, дабы личным присутствием ободрить Кавказскую армию). Специально по этому случаю в Михайло-Архангельский кафедральный собор из Моздока была доставлена чудотворная икона. На память о пребывании в Терской области царю была подарена её копия.

После Октябрьской революции 1917 года Успенский собор начал приходить в упадок, а во время Великой Отечественной войны пострадал от бомбардировок. После войны здание собора восстанавливать не стали, а в 1958 году по решению исполкома горсовета полностью снесли, на его месте был сооружён памятник Ленину.

В г. Моздоке и по сей день можно увидеть множество паломников в те дни, когда установлено празднование Моздокской иконе – на Преполование Пятидесятницы и на Успение Богородицы. К сожалению, сегодняшние богомольцы имеют возможность приложиться только к списку с чудотворного образа в Успенской церкви – подлинник после революции бесследно исчез. Точный список с Моздокской иконы читается в Свято-Никольском храме города Прохладного в Кабардино-Балкарии.

По установившейся многолетней традиции в Моздокском благочинии каждый год совершается продолжительный – с Преполования Пятидесятницы до дня Святого Духа – крестный ход с чудотворным образом Божией Матери.

Татьяна НИКИТИНА

ТРИ ЭССЕ ОБ ИСКУССТВЕ

КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

Когда меня спрашивали, кто я по профессии, мне почему-то было неловко произнести слово «писатель». Журналист, литературный работник, редактор – пожалуйста. Но вот называть себя писателем не позволяло какое-то внутреннее сомнение: а имею ли я право называть себя столь важным для меня словом? Хотя сейчас каждый второй литератор, издавший за свой счёт единственную тоненькую книжицу, спешит зачислить себя в ряды классиков литературы. Во-первых, кто является классиком, а кто рядовым графоманом – знает только история. Победитель конкурса поэтов Игорь Северянин, считавшийся при жизни классиком, канул в небытие, оставив потомкам лишь незабываемые строки «Это было у моря, где ажурная пена...», а его современник Александр Блок, на вечер которого незадолго до его преждевременной кончины пришёл лишь один слушатель, остался в русской культуре, думается, на века. А посему не стоит пишущему книги задаваться вопросом: будет ли это кому-то нужно? А также робеть перед мастерами слова, живущими и ушедшими: «Разве я могу написать что-то лучшее, чем сотворили они?» По-моему, нужно просто писать, и делать это только потому, что ты не можешь этого не делать. Душа требует выхода на сцену бумажного листа.

И вообще, писать надо, когда литература не отпускает тебя из своих объятий ни днём, ни ночью. Вот тогда ты действительно – писатель, а не читатель. Хотя в том, чтобы быть просто читателем, тоже ничего зазорного нет. Не случайно же поэт Андрей Дементьев написал в одном из стихотворений: «Пусть другой гениально играет на флейте, но ещё гениальнее

слушали вы». Умение слушать другого – это тоже один из талантов.

Виктор Розов в своей последней книге воспоминаний «Удивление перед жизнью» писал о том, что приводил в ступор своих молодых студентов заявлением: «Если можете не писать – не пишите». Авторство этих слов приписывается Льву Толстому и Райнеру Марии Рильке. Не буду ничего утверждать, так как при сём не присутствовала.

Знала я одну хорошую, искренне влюблённую в литературу девочку, которая даже окончила московский Литературный институт имени Горького и мыслила себя не иначе как писателем. Но произведения из-под её пера появлялись так редко, что это напоминало, по чьему-то меткому выражению, выдавливание засохшей зубной пасты из тюбика. Это хорошо, что в конечном счёте она получила профессию литературного работника. Но истинный писатель всё-таки должен фонтанировать в своём творчестве, низвергаться на читателей своими сюжетами, образами и рифмами, как kloкочущие летние ливни. Думая о её судьбе, я понимаю, что писатель, как и художник, должен всегда ходить с блокнотом и карандашом в руке, чтобы в любую минуту успеть записать важную из вечно роящихся в его голове мыслей.

Пишущему человеку вообще непросто терять интересные мысли и образы. Писательница Екатерина Маркова так вспоминала об этом: «Мы как-то с Анатолием Алексиним беседовали, и я ему рассказывала про свою очередную задумочку, и вдруг он понимает, что во мне что-то родилось интересное, и начинает оглядываться по сторонам в поисках того, где это можно записать. Видит только пачку сигарет на столе и протягивает её мне со

словами: «Быстро записывай. Никогда не нужно доверять памяти. Всё равно уйдёт. Пиши на чём угодно. Хоть на манжетах своей рубашки, как Кальман, но записывай». Об этом же говорил и Виктор Розов в «Удивлении перед жизнью». Идея его заключалась в том, что рассказ нельзя откладывать на потом, потому что, если сначала пообедать, потом погулять в парке и лишь затем сесть за письменный стол, то ничего из себя в плане письма уже не удастся выжать. Мысль должна быть записана сразу, как только она пришла в голову.

Об этом Екатерина Маркова рассказывала мне однажды: «Моя первая повесть “Чужой звонок” была напечатана в журнале “Юность”, когда мне было 29 лет. Что было самое удивительное – ко мне потом подходили очень многие писатели, критики, просто друзья и говорили: “Как, наверное, долго ты вынашивала эту повесть, как, наверное, долго ты над ней работала...” Я при этом краснела – ведь я написала её за две недели. Но, возможно, она созревала во мне долгие годы. Вообще, у меня как бы безотходное производство: я пишу без черновиков, сразу, абсолютно набело. Я сажусь за компьютер и, не отрываясь, могу написать четыре страницы текста, но никаких записей при этом у меня нет. Конечно, в этом нет ничего хорошего, я, видимо, жутко перегружена: это значит, что в подкорке всё это крутится, вызревает, я обдумываю – и выходит уже результат. Работа не на листе идёт, а в подсознании».

Кстати, обмолвлюсь, что в её лице я встретила именно «своего писателя». Не часто так бывает, что читаешь чьё-то произведение, а тебе кажется, что это всё написано про тебя, более того, что ты абсолютно солидарен с автором в его оценках и высказываниях. И тем более удивительно, что этот писатель – профессиональная актриса.

Она же говорила мне о том, что «любой дар, в том числе и литературный, владение словом – конечно же, от Бога. Когда я сажусь за письменный стол, то читаю молитву “Перед началом любого дела”: “Без тебя, Господи, ничего невозможно творить...”, а когда заканчиваю своё очередное произведение и ставлю точку,

читаю молитву благодарственную: “Благодарю тебя, Господи”, потому что я очень хорошо понимаю, что без Бога невозможно написать ни строчки».

Хотя наставничества в литературе никто не отменял. Екатерина Маркова особенно ценила своего первого учителя в литературе – писателя Анатолия Алексина. Она вспоминала о нём: «Это огромное счастье, когда есть такой учитель, который имеет мужество сказать тебе правду. Анатолий Алексин – мой учитель, которому я показала свою вторую повесть “Тайная вечеря”, и он сказал так: “Давай пройдемся по повести ‘для школы’”. Мы сели, и я была потрясена тем, как мастер умеет преподавать урок своему ученику. Он просто брал страницу и по словам разбирал её. “Больше всего бойся расхожих слов, – говорил он мне. – Как геолог ищет полезные ископаемые, то же золото, ищи своё слово”.

Я помню, как в повести “Чужой звонок”, готовившейся к публикации в “Юности”, мне вымарали одну фразу: “Мои умные ноги привели меня к моему первому всему”. Мне сказали в редакции: “Умные ноги – это плохо”. Алексин сказал: “Борись за эту фразу. Это хорошо. Это тобой рождено, и ты должна защищать своё творчество”. Он сам отвоёвывал каждое своё слово и меня призывал к этому».

По собственному опыту знаю, что писателю с возрастом легче, чем, например, артисту, сохраняться в профессии. Ведь в его жизни ничего не меняется. Разве что печатная машинка сменяется компьютером. А вот артисты порой вынуждены прибегать к пластике, «обновляя» себе лицо, а танцовщикам балета и цирковым приходится уходить на пенсию, ведь лицо и тело – это их рабочий инструмент. Но и у писателя, скажете вы, мозг с годами тоже работает всё хуже, мысли тоже теряют свою скорость. Согласна. Замечала, как у многих стареющих физически писателей изменяется слог. Замедляется темп письма, уходит яркая образность, лихость. И всё-таки, даже если писателя уже и ноги не носят, мозг его может долго оставаться ясным, ведь он тренировался в течение всей его творческой жизни и не должен сразу атро-

фирмоваться. Настоящий писатель находится на работе все 24 часа в сутки. Ведь важные сюжеты и образы могут прийти в голову и в два часа ночи, и в семь утра, и в течение всего дня. Мысль может потянуть тебя к листу бумаги в самый неподходящий момент, для неё не существует перемен и каникул...

Замечательный русский прозаик Владимир Крупин в своей повести «Громкая читка» не единожды затронул тему писательского труда. И в особенности – тему так называемых мук творчества и терзающих его героя сомнений в собственном таланте. Я прочитала это произведение не отрываясь, с начала и до самого конца. Так интересно было погрузиться в творческую мастерскую пишущего человека.

«Уже с самого детства я не писать не мог. Всю жизнь меня постоянно тянуло сесть за стол. Комплексовать без передышки тоже глупо. Дана тебе способность в строки складывать, складывай».

«...Записанная, вроде продуманная мысль не хочет жить на бумаге. Сохнет, как сорванный листок».

«И опять пошёл мучиться над безжалостным пространством белых листков. Как сказала бы моя мама, как на пень наехал – работа не шла».

«Поневоле бросишь авторучку. А уже видишь рассказ напечатанным, читающимся кем-то, видишь и этого кого-то, как он зеваёт, отодвигает книгу, как включает телевизор... И что в этого кого-то из твоего текста перейдёт? Зачем ему твоё самовыражение? Он утешения чаёт».

«...Тут уже я сам вспомнил не анекдот, а историческую быль: Павел I пригласил Державина на приём в дворцовую библиотеку и, указывая на бесчисленные шкафы с книгами, сказал: “Вот ведь, Гавриил Романович, сколько уже написано, а всё пишут и пишут...” И я решил посетить библиотеку Дома творчества... Огромный отдел книг с автографами бывавших здесь писателей и поэтов. Подумал: может, когда и моя книга тут будет? И тут же, охлаждая сию мечту, высветился вопрос: и что это изменит? Эти сотни томов, толстых и тонких,

Марина ПЕРЕЯСЛОВА

Родилась в городе Новокуйбышевске Самарской области. Окончила факультет иностранных языков Самарского педагогического университета. Работала учителем, переводчиком, редактором в Самарском книжном издательстве, инструктором областного отделения Общества любителей книги, журналистом самарского выпуска газеты «Комсомольская правда», участвовала в издании известного доньине самарского литературного журнала «Русское эхо».

Член Союза писателей России, Союза журналистов Москвы и Международной федерации журналистов.

С 1997 года живёт в Москве. Участвовала в различных литературных совещаниях и мероприятиях в Ашхабаде, Ульяновске, Пскове, Туле, Санкт-Петербурге и других городах.

Печаталась во многих журналах и альманахах, в газетах: «Трибуна», «Парламентская газета», «День литературы», «Литературная газета», «Литературная Россия» и других.

Автор книги стихов «Треугольник» (Самара, 1991), сборника интервью «О самом главном» (Москва, 2006) и др.

Награждена международной литературной премией им. С. В. Михалкова «Облака».

что изменили? Тоже, небось, дерзали вразумить человечество».

Но как бы ни сомневались требовательные к себе истинные писатели, а всё-таки судить об их успехах и неудачах будут читатели. И если что-то не поймут современники, могут оценить идущие вслед за ними поколения. Анна Ахматова говорила об этом так: «А он неизбежен и вечен, поэтa неведомый друг». С ней солидарен Александр Блок, написавший:

*Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминучий
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твёрдо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет твёрд и ясен,
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Но увидеть окружающую красоту – этого ещё мало. Надо уметь рассказать о ней тысячам тех, кто её не видит. И вот если сумеешь это сделать, тогда ты действительно писатель.

ДВОРЦЫ ДЛЯ ПОЭТОВ

Как известно, идеи витают в воздухе, и гениальные в том числе. Ещё в период моей работы редактором отдела художественной литературы в книжном издательстве я заметила, что поэтические образы в стихах многих детских поэтов нередко друг с другом перекликаются. И дело здесь вовсе не в плагиате, а в том, что сразу несколько детских писателей увидели и услышали одни и те же вещи. Так, например, перелопачивая множество рукописей, часто наткнулась на схожий у самых разных по возрасту и дарованию авторов образ падающего с небес снега. Чаще всего это была снежная крупа, из которой маленькая героиня стихотворения варила кашу своим мишкам, куклам и даже

снеговикам. Одно из лучших стихотворений на эту тему принадлежало детскому поэту Сергею Пронину. Как сейчас помню: «С неба сыплется крупа. Радуетса Маша: “На обед снеговикам приготовлю кашу!”»

Вот так же и идея создания Дворца муз пришла одновременно самым разным людям. Впервые я услышала об этой мечте от Чингиза Торекуловича Айтматова на его встрече с коллективом Международного сообщества писательских союзов. Писатель загорелся идеей создания на берегу озера Иссык-Куль Дома творчества, куда бы приезжали на отдых представители самых разных направлений культуры: композиторы, художники, певцы, танцовщики, мастера слова. Их непринуждённое человеческое общение создавало бы условия для возникновения новых произведений на стыке жанров. К примеру, композиторы могли бы встретить там поэтов, и их общение могло бы стать толчком для создания новых песен, и тут же для них могли быть найдены подходящие исполнители. А на творческих вечерах в концертном зале художники могли бы увидеть героев своих будущих полотен...

После смерти писателя на северном побережье озера Иссык-Куль и в самом деле возник культурный центр «Рух Ордо» имени Чингиза Айтматова, включающий в себя 10 музеев. На территории комплекса нашли себе место много прекрасных скульптур, проводятся многочисленные экскурсии и различные мероприятия. Идея писателя, как видим, нашла своё реальное воплощение. И кажется – не одно.

Недавно в «Литературной газете» за 15 июля 2020 года я встретила интервью «Будем верить и надеяться» с заместителем председателя правительства Пензенской области Олегом Васильевичем Яговым. (Надо заметить, что пензенцы всегда отличались особым творческим подходом к организации мероприятий, связанных с культурной тематикой.) И, к своей радости, я узнаю, что Пенза опять не подкачала. Олег Васильевич сказал буквально следующее: «В текущем году будет завершена масштабная реконструкция бывшего Дома офицеров и создано новое юридическое лицо – Центр куль-

турного развития. Это многофункциональное культурное пространство с концертным залом, выставочными холл-зонами, помещениями для занятий театра мод, залами хореографии и хорового пения, детской киностудии, студии раннего развития, театральной студии, тренажёрного зала, репетиционных и вспомогательных помещений.

Что это, как не новый Дворец муз! И в этом же номере газеты я вижу ещё одну информацию на ту же тему. В 2014 году, сообщается в ней, в историческом центре Твери появился первый в России Дом поэзии. Идея его создания была предложена известным поэтом Андреем Дементьевым. Далее, в частности, говорится: «Дом поэзии – не музей, а творческая лаборатория – открытая площадка для поэтических встреч, семинаров, художественных выставок, презентаций, музыкальных вечеров. Это учреждение культуры, где проводятся уроки литературы и краеведения, куда приезжают туристы. Разрабатываются литературные маршруты. В 2016 году Зураб Церетели с радостью принял предложение Андрея Дементьева создать памятник поэтам-шестидесятникам и поставить его у Дома поэзии. Зураб Церетели близко дружил со всеми шестидесятниками и, конечно, с удовольствием откликнулся. Скульптурная композиция перед Домом поэзии представляет собой бронзовую полку, на которой стоят книги А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы,

В. Высоцкого, а также важный для молодых шестидесятников журнал «Юность». На постаменте – стихи Андрея Дмитриевича: «Россия – страна поэтов, / Великих на все века, / Нам дорога при этом / Каждая их строка... / Россия – страна талантов, / Души золотой запас. / И в мире, враждой объятom, / Таланты спасают нас».

Позже перед Домом поэзии появился сквер Поэзии, где установлены гранитные полусферы со стихами – В. Соколова, Н. Рубцова, Г. Шпаликова, Ю. Друниной, Ю. Мориц, В. Кострова.

И было бы здорово, если бы по всей России, как грибы после дождя, возникали новые дворцы муз, в которых бы расцветали таланты молодой новой отечественной литературы и культуры.

В ЧЁМ СМЫСЛ РАБОТЫ ПИСАТЕЛЯ?

Ахматова назвала это «тайнами ремесла». Впервые таинство погружения в её творческую лабораторию случилось со мной в молодости, когда стихи Анны Андреевны были частью моего способа существования на земле, моим мироощущением. Они сами собой оставались в памяти, и я их припоминала по каждому зацепившему меня случаю или поводу. А её строчки: «над засохшей повиликою мягко плавает пчела» или «свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду» – вызывали такое эстетическое удовольствие, что я готова была ради поиска подобных гармоничных созвучий перелопачивать целые

горы поэтических сборников других авторов. И когда находила что-то подобное, всегда очень вдохновлялась этим. Хотелось постигнуть – великую! – тайну создания стихотворения.

Сама же Анна Ахматова говорила об этом на удивление приземлённо: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» И тем не менее из её стихотворения «Творчество» мы понимаем, что невозможно начать писать стихотворение, не почувствовав в своей душе порхания бабочек, не услышав таинственной, одной тебе понятной мелодии. Без этого не рождается НАСТОЯЩЕЕ.

*Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шёпотов и звонов
Встаёт один, всё победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растёт трава,
Как по земле идёт с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И лёгких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.*

Получается, что истинные поэты – это «Божьи дудки», и строчки льются к ним прямо с небес. Об этом же говорил и Андрей Вознесенский, написавший: «стихи не пишутся – случаются», и Борис Пастернак: «...и чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд». Кто-то называет их «ретрансляторами небес».

Анне Ахматовой вторит и поэт-волжанин Евгений Чепурных, сказавший в интервью «Самарской газете»: «Даже когда вышли мои первые книги, я какое-то время думал: “Я ведь обманываю людей. Они все думают, что я поэт, а на самом деле – ничего подобного. Они же не знают, что всё это получается будто по волшебству”. Я чувствовал себя обманщиком и думал: “Всё, что я пишу, люди уже давно знают”. Об этом хорошо

сказала Анна Ахматова, отвечая на вопрос: “А трудно ли писать стихи?” Она ответила: “Что же тут трудного, если диктуют?!” Не знаю, откуда это берётся. Порой ещё и слов никаких нет, возникает лишь какой-то образ, как мимолётный шорох... Потом появляется какое-то одно слово, совершенно непонятное тебе, и пока не знаешь, зачем оно тебе нужно. Потом вокруг него что-то вырастает... Это как любовь».

Но жизнь писателя была бы сплошным удовольствием, если бы не своенравная Муза, которая может взять да и отвернуться от автора. Опять же вспоминается ахматовское обращение к Музе:

*Как и жить мне с этой обузой,
А ещё называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лузу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жёстче, чем лихорадка, оттрепет,
И опять весь год ни гу-гу.*

В предельно честных «Дневниках» Юрия Нагибина прочитала однажды такие его высказывания от 2 июля 1953 года: «Нечего себя обманывать – я не хочу писать. Не то что активно не хочу, нет – рефлекс тянет меня к письменному столу, к карандашу, но мне не о чем писать, не для чего писать. Мне бесконечно утомительно написать хотя бы одну фразу – слова так трудно складываются! Да и ради чего должен я себя мучить? Моя душа заросла плющом, мохом, дроком и другими душащими растениями, которые от века символизируют запущенность, забвение, пустоту вечности. Что со мной случилось? Ранний склероз? Усталость мозга от дурной, мелко-порочной жизни? Или жалкая удовлетворённость полууспехом? Я. С. замечательно угадал хорошее настроение, в котором я переживаю свой нынешний распад. Что-то замораживается, окостеневаает во мне. Скверное, маленькое, пошлое владеет всей моей душевной жизнью. Словно я уже свёл все счёты с детством, юностью, зрелостью, деревьями, со всем болезненным, что тянуло меня к бумаге».

А вот ещё одно его наблюдение, от 26 декабря 1962 года: «Канун Нового года я встречаю в жалком виде: сценарии меня расхлябали, я

хочу писать прозу и боюсь к этому приступить, не верю в то, что слова мне подчинятся...»

Вот как велика бывает расплата за «энергетическое творческое выгорание». Когда законченному недавно роману отданы все силы без остатка и по законам природы для их восстановления должно пройти какое-то определённое время, пока пальцы, как писал Александр Пушкин, вновь потянутся «к перу, перо к бумаге. Минута – и стихи свободно потекут».

Юрий Поляков рассказывал, что, написав свой первый роман, год не мог приступить к новому. Он очень переживал, даже стал сомневаться: а не потерял ли он навсегда способность писать? Но, к радости поклонников его творчества, потом вышло в свет ещё много его романов, один лучше другого. Просто нужно было подкоптить впечатления и силы для них. Впоследствии в одном из газетных интервью Юрий Михайлович говорил об этом так: «За следующую книгу возьмусь не раньше, чем

зарисовок он как бы дал вечный совет для всех тех, кто пишет, для тех, кто остаётся идти по его литературному следу. Даже если вдруг в один из дней совсем не пишется, советовал Олеша, напишите хотя бы письмо. Это сродни профессии артиста балета или спортсмена. Если первые не будут ежедневно заниматься в репетиционном зале, а вторые тренироваться в спортзалах, то их тела утратят способность движения в танце и на спортивных снарядах. Только у писателя вся работа происходит внутри него.

Поэт или прозаик по природе своей интроверт, наблюдатель, собиратель. «Я вижу всё, я всё запоминаю, любовно-кротко в сердце берегу», – писала Анна Ахматова. «Я с рождения вытолкнута из круга людей, общества. За мной нет живой стены, – есть скала: Судьба. Живу, созерцая свою жизнь – всю жизнь – Жизнь! – У меня нет возраста и нет лица. Может быть – я – сама Жизнь», – так говорила о себе Марина Цветаева.

ПОЭТ ИЛИ ПРОЗАИК ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ ИНТРОВЕРТ, НАБЛЮДАТЕЛЬ, СОБИРАТЕЛЬ. «Я ВИЖУ ВСЁ, Я ВСЁ ЗАПОМИНАЮ, ЛЮБОВНО-КРОТКО В СЕРДЦЕ БЕРЕГУ», – ПИСАЛА АННА АХМАТОВА. «Я С РОЖДЕНИЯ ВЫТОЛКНУТА ИЗ КРУГА ЛЮДЕЙ, ОБЩЕСТВА. ЗА МНОЙ НЕТ ЖИВОЙ СТЕНЫ, – ЕСТЬ СКАЛА: СУДЬБА. ЖИВУ, СОЗЕРЦАЯ СВОЮ ЖИЗНЬ – ВСЮ ЖИЗНЬ – ЖИЗНЬ! – У МЕНЯ НЕТ ВОЗРАСТА И НЕТ ЛИЦА. МОЖЕТ БЫТЬ – Я – САМА ЖИЗНЬ», – ТАК ГОВОРИЛА О СЕБЕ МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

через год-два. Не потому, что нет тем, идей, а оттого, что требуется творческая энергия. В данный момент я, как аккумулятор, разрядился, и необходимо заново подзарядиться – от жизни.

И в то же время не одна писательская судьба сломалась из-за длительного простоя в творчестве, так и не смог пересилить свой творческий застой известный прозаик Юрий Олеша. Но тем не менее его потрясающе великолепная книга «Ни дня без строчки», взявшая название из латинской крылатой фразы *Nulla dies sine linea*, всё-таки свет увидела, хотя и после смерти Юрия Олеша. Самим уже названным собранным под одну обложку миниатюрных

В связи с этим мне вспоминается «тихий» Валентин Распутин, являющий собой «наше всё». Его голос всегда звучал как бы издали, так что приходилось напрягать слух, вслушиваясь в его неторопливую, но глубокую речь. Хотя, конечно, бывают и шумные, похожие на экспрессивных экстравертов-артистов, авторы. Таким мне запомнился воронежский прозаик Вячеслав Дёгтев – вечный ураган, громкий, жестикулирующий руками, горячий. И слышащий только себя, не собеседника.

Но чаще писатели всё-таки – внимательные наблюдатели. Так, например, прозаик Юрий Пахомов в повести «Коммунальный ков-

чег» затронул эту тему. Его герою – Ивану Ивановичу Штолю – «чудом была дарована жизнь, и он прожил её, глядя со стороны, не участвуя в её событиях... Никто не догадывался, что он живёт под стеклянным колпаком, глядя на мир холодными глазами созерцателя».

Писателю для творчества удобней быть в тени, чтобы на него никто не обращал внимания, а он бы зорко изучал жизнь, а потом осмысливал всё это наедине с листом бумаги, как это было прежде, а ныне – с компьютером.

«Известность часто играет с человеком злую шутку: начиная работать на свой имидж, он сосредотачивается на этом, прекращая работу внутреннюю, – и тогда происходят необратимые перемены. Главным становится не внутреннее содержание, а внешняя оболочка. Для писателя это состояние особенно губительно – как правило, на этом он как писатель и заканчивается. Мне хочется думать, что я этого счастливо избежал, потому что никогда не придавал большого значения внешнему антуражу, гораздо важнее для меня был мой духовный, внутренний мир», – говорит Юрий Поляков в одном из интервью, которые опубликовал в сборнике «Государственная недостаточность».

Нет сомнения, что все люди разные и у каждого работника слова свои законы творчества. Кто-то годами вынашивает роман, а потом нечаянная искра в виде случайной встречи с человеком, или чем-то зацепивший его фильм, или даже услышанная фраза прохожего запускает процесс осуществления долго вынашиваемой идеи. Так, говорят, химик Дмитрий Иванович Менделеев увидел свою знаменитую таблицу во сне, но ведь для того, чтобы она приснилась ему в одну из ночей, должно было пройти много лет в изучении всей массы химических элементов в природе...

И пишут все по-разному. Виктория Токарева, по её собственному признанию, пишет с утра по четыре часа. Но чтобы сесть за рабочий стол и начать свою работу, она должна обязательно почувствовать горячую точку в груди. «Груда рукописей и поющая точка в груди. Мы втроём: я, точка и машинка», – признаётся она в сборнике рассказов «Мало ли что бывает». На

даче-музее Чуковского в Переделкино экскурсовод как-то рассказывал, что Корней Иванович вставал обычно рано, часов в пять утра, и садился за письменный стол, чтобы успеть поработать до того момента, как проснутся все домочадцы. Оноре де Бальзак писал по ночам, по 15 часов подряд и по несколько дней без перерыва. А вот Рэй Брэдбери мог начать писать в любое время суток: «С тех пор, как мне исполнилось 12 лет, меня постоянно влечёт к пишущей машинке. Я никогда не беспокоился о своём распорядке, поскольку его всегда определяли новые идеи, внезапно возникшие в моей голове. Они будто бы говорили мне: немедленно садись за машинку и заканчивай начатое».

Творческие методы у каждого писателя, естественно, тоже очень индивидуальны. Анна Ахматова писала: «По мне, в стихах всё быть должно некстати, не так, как у людей!»

А Марина Цветаева однажды сказала, что поэзия – это «иносказание», и призывала: «Иноскажи!» Ей говорили: «Никто так не пишет!», а она отвечала: «А я – Кто!»

Ей вторит Николай Переяслов: «Голые мысли так же неприличны, как голые люди. Всё надо одевать. В платья, костюмы, куртки, художественные образы или рифмы. Литературная форма – это и есть «одеяние» для мыслей».

Владимир Солоухин в книге «Камешки на ладони» очень образно описал свой творческий метод: «Когда я писал роман, это было для меня как езда в автомобиле, ночью, с фарами, по незнакомой дороге. Фары чётко высвечивают вперёд на сто метров, дальше мрак, неизвестность. Лишь умозрительно знаешь, что должны попадаться такие-то деревни или такие-то города.

Так вот, когда я писал роман, я чётко, с подробностями видел страниц на двадцать вперёд. Остальное умозрительно, в общих чертах, с ощущением основных пунктов.

Проедешь эти двадцать страниц, прояснится следующий отрезок».

А вот как отреагировала в интервью, данном мне, Виктория Токарева на это откровение Солоухина: «Есть разные формы осмысления реальности. Один скульптор делает каркас и бросает на него глину. Он сразу знает всё до

конца. А есть другой метод – лепить, ещё не зная, что получится. Осмысление приходит во время процесса работы. Оба метода имеют место быть. Но метод Солоухина более талантливый, потому что обращён к подсознанию. Мне ближе этот метод. Часто бывает так, что, завершая произведение, я не знаю, каким будет конец, и мучительно выбираю между разными возможными вариантами. В американской литературе и кинематографе всё обычно заканчивается хеппи-эндом, и я с этим согласна. Это более талантливо. Ведь мы не знаем, даже смерть – это точка или запятая. Когда герой погибает, по-моему, это бездарно».

Понятие «свободы слова» у всех сейчас на слуху. Мы понимаем его обычно как право высказывать свои мысли. Но мне хочется коснуться темы свободы слова в отношении писательского труда. У писателя должна всегда существовать его собственная, внутренняя свобода высказывания. Но многие ли из пишущих в полной мере ею обладают? Как часто бытовые или угрожающие собственному благополучию страхи мешают писателю быть до конца искренним? Помнится, в годы перестройки я прочла повесть Юрия Нагибина «Моя золотая тёща». Было очевидно, что не написать эту вещь писатель не мог, настолько горячим было его перо. Но, как известно, при жизни автор не спешил относить своё произведение в издательство. Он сам признавался в этом: «Ещё живы реальные прототипы этой истории, и мне не хотелось бы обидеть их». Вот эти «боюсь обидеть», «опасаюсь за последствия» зачастую сильно влияют на принятие тех или иных решений, в том числе и писательских. В этом отношении писатель Юрий Поляков начисто лишён этого страха. Потому что для него важнее всего быть честным перед самим собой и тем самым честным перед читателем. На это решаются немногие. Таким был недавно покинувший этот мир бесстрашный публицист Владимир Бушин.

Меня часто побуждало к собственному творчеству восхищение прочитанным в чьей-то книге. Особенно когда образ мыслей и стиль изложения автора были мне очень близки. Об этом пишет Николай Перяеслов в своих «Дневниках»: «...Чтение катаевской прозы являлось для меня небывалым по мощности импульсом к моему

собственному литературному творчеству, так что, перевернув последнюю страницу “Алмазного венца”, мне хотелось прямо-таки тут же схватиться за авторучку и начать писать, писать, писать что-нибудь, конечно же, своё, но обязательно такое же яркое и оригинальное, как только что прочитанные страницы... Самое удивительное, что “Алмазный мой венец” и сегодня производит на меня точно такое же воздействие, как и четверть века тому назад, и время от времени я не без удовольствия перечитываю эту вещь снова и снова, уже вовсе не для того, чтобы восстановить в памяти её содержание, а так, словно бы я подключаюсь при этом к некоему аккумулятору, подпитывающему меня своей творческой энергией».

На всю жизнь впечатался в мою память образ «золотой розы», о которой в юности я прочла в одноимённой повести Константина Паустовского. Эта «золотая роза» – собирательный образ писательского труда, дарующего его создателю истинное счастье и вечную жизнь.

«Каждая минута, каждое брошенное незначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутивая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, – всё это крупинки золотой пыли.

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковышиваем из этого сплава свою “золотую розу” – повесть, роман или поэму.

Золотая роза Шамета! Она отчасти представляется мне прообразом нашей творческой деятельности. Удивительно, что никто не дал себе труда проследить, как из этих драгоценных пылинок рождается живой поток литературы.

Но, подобно тому, как золотая роза старого мусорщика предназначалась для счастья Сюзанны, так и наше творчество предназначается для того, чтобы красота земли, призыв к борьбе за счастье, радость и свободу, широта человеческого сердца и сила разума преобладали над тьмой и сверкали, как незаходящее солнце».

В этом и есть смысл работы писателя.

Николай СТУПИН

ГИПЕРБОРЕЙСКИЙ СВЕТ

Отразятся в прозрачной воде наших предков
мечты,

Мы, как в зеркало, в них с удивленьем
вглядимся.

Разгадать наперёд парадигмы судьбы
Мы с надеждой и верой стремимся.

Ждём с восторгом капелью звенящей весны,
Но как звёзды сойдутся, не знаем.
Нам помогут забавные вещие сны,
Если суть их туманную мы разгадаем.

Средь дремучих лесов и бушующих рек,
Там, где воздух пьянящий и чистый,
Жил давно на свободе велик-человек,
Он в познаниях природы величья достигший.

Царством льдов он владел и тайгой,
В реках чистой водою струящей,
Жемчугами, и «бабой» таинственной золотой,
И монетой, по миру звенящей.

Тот божественный дар ему дан неспроста.
В добродетели был он воспитан и строго,
Соблюдая законы небесного огне-отца,
Он любимейший сын великана Сварога.

Мы потомки волхвов, раскрывающих мысль,
Что богами скрывалась в туманной Вселенной,
И в пророчествах их доходил её смысл,
Нас волнующий кровью нетленной.

Это было давно, уже многие тысячи лет,
Но теперь же кто помнит об этом и знает.
Что-то верится мне, гиперборейский тот свет
В нашей жизни опять, как тогда, засияет.

ПРОСНИСЬ, ВЕЛИКИЙ РУС

России ширь, простор, сакральность.
Народ – мудрец, воитель, богатырь.
Уверен, горд – его ментальность,
К чему свободным поводиры?

Ты жил в лесах, в степи холодной,
Назло всем выжил, даже процветал.
И бился насмерть ты с жестокой и голодной
Ордой, готовой жечь, крушить. Всегда ты
побеждал.

Во все века ты обладал, и не случайно,
Великим даром – совестью богов,
Она твоим мерилом была изначально,
В душевной красоте, в поступках – ты таков.

Пойми же, рус, обласканный богами,
Судьбы творец иль просто божий раб,
Ты землю эту исшагал веками и ногами,
Вобрал ты много сил. А может, ещё слаб?

Ты славу прошлых битв впитал, преодолая
Страдания земли родной и боль потерь,
И поднималась Русь, и делалась другая,
А вместе с нею рус. Но кто ты есть теперь?

Смутился дух твой шумом жизни – это муки.
И в диссонансе разбиваются хрустальные
сердца

И жизни непростой губительные звуки,
Мучительные страсти, как гири из свинца.

И ты, прикованный к обыденности серой
И отданный на растерзание страстям,
Живущий лишь надеждами и верой,
Что ждёшь ты, милости иль участи Христа?

Проснись, великий рус, и спой победный
Свой гимн земли Гиперборейской рьяно,
Поднимется и предков хор ответный
И прогремит под гусли вещего Бояна.

И встанет в полный рост от края и до края
Нетленная и древняя российская земля.
В доспехах золотых красуясь и сверкая,
Геройством славных предков окрылась.

ЖИВАЯ ВОДА МОРАЛИ

Я корпел над познанием истин,
И в течение множества лет
Под моралью себя я чистил,
Не грешить я давал обет.

Но забвенья вода утекает,
Нарождается лёгкость ума.
И невольно порой ослепляет
Вожделенье простого греха.

Покоряет порой благодущье,
Соблазняя блестящим грошом.
Подступает дрянное удушье,
И душа предстаёт нагишом.

Но воспряв дерзновенно и смело,
Искушенья повергнув в прах,
Принял истину, как очумелый,
Покорив необузданный страх.

Над собою трудился от роду,
Разрывая невежества нить,
Чтоб морали живую воду
Как лекарство по капле пить.

ТУМАН

Над речкой молочные клочья тумана
Какую-то тайну скрывают во тьме,
Клубятся, текут, всё собой накрывая,
Поля и леса в колдовской кутерьме.

По сонной воде они стелются плавно,
И прячется что-то в речной глубине,
Ведь так не бывает, чтоб просто и явно,
Так хочется тайну познать поскорей.

Хотел разгадать, заглянул – пустота.
И дальше руки я не вижу пространства,
Ведь с раннего детства терзает мечта:
Что там, за туманом, где нет постоянства?

Вот лучик пронзает насквозь пустоту,
И тает туман и сгорает, как свечка,
Загадки сейчас я пойму простоту,
Узнаю, что прячется в топах за речкой.

Всё те же поля, лес и речка на месте,
И тайны не видно, неужто обман?
И жизнь, словно детская тайна, всё вместе,
Растают в годах, как молочный туман.

ГОРЕЛИ СВЕЧИ

Отсвет лиловый манящей луны
Тихо скользит над горами крутыми.
Ласковым светом залил валуны,
Я любовался чертами простыми.

Чувства волшебные нас полонили,
Словно в молочных пливём облаках.
В сказку чудесную нас заманили.
Тайна любви запеклась на губах.

Свечи горели трепетным светом.
Брезжило утро в прохладной ночи.
В окна струилась наглость рассвета,
Смело гася слабый отблеск свечи.

Взоры мои унеслись в пустоту,
И, в глубине томных глаз утопая,
Гасит рассвет наших чувств остроту,
Место реальности вмиг уступая.

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ ЛЮБВИ

Укрыла ночь округу тайной,
Поля уснули, в мрак погружены.
И лишь сердца чуть-чуть возбуждены –
Ждут волшебства любви необычайной.

Горят огни за речкою во мраке,
И слышен лай разбуженной собаки,
Невнятный ропот тихих голосов
Да хриплый стон гармошечных басов.

Скользит луна по водной глади,
Вода, смеясь, играет с лучом,
Трещит таинственно сверчок,
И ветерок мне кудри гладит.

Вот он помчался по округе.
Шуршит камыш под лёгкой трёпкой,
А сердце ждёт в надежде робкой
Касаний нежных губ подружки.

Заворожённый, вглядываюсь в ночь,
Волшебным её таинствам внимая,
И Никта, Хаоса возлюбленная дочь,
Мне дарит эту сказочную ночь,
Её все тайны щедро раскрывая.

НА ПЕРЕМЕНЫ ЖИЗНЬ ЛЕГКА

На перемены жизнь легка,
И дни нам годы прибавляют,
Как в небе быстро облака
Узор причудливый меняют.

Так жизнь стремительно быстра,
Ведь лишь вчера я был мальчишкой,
А тут, глядишь, уже пора
С клюкою ковылять под мышкой.

В зигзагах жизни всё случалось.
Бывали жёсткими уроки,
И вороньё порой слеталось,
Трещали скорые сороки.

И пресмыкающие гады,
Оскалив зубы за спиной,
Свои стремительные яды
Пускали струями за мной.

И предавали между делом,
Не убоившись кары неба,
Меня чернили чёрным мелом,
В таких руках он белым не был.

И я ведь тоже не святой,
Бывали и обидные изъяны,
Ошибки бурной чередой
Случались в этой жизни пьяной.

Но время быстро утекло,
Умчалось в невозвратном свете,
Зеркальное безжалостно стекло,
Всё отразившее на свете.

Гримасу радости и боли,
И удивленье, и позор,
И жалкое подобье воли,
И на лице иной узор.

А что с годами мы имеем?
Не только мудрость обретая,
Мы, к сожалению, стареем
И превращаемся в дитя.

Напрасно щёки надуваем
И опыт с возрастом копим,
Порой бездарно забываем,
Что много глупостей творим.

Мы часто бегаем за тенью,
Пленя иллюзиями ум.
Отчаянью, как заблуждёнью,
Мы отдаёмся наобум.

И глупость властвует над нами.
На что, беспечные, плюём.
Но слишком поздно понимаем,
Что нет лекарства от неё.

Ах, молодость, прошла, прошла.
Была она лишь до поры,
А память так о ней мила,
Я ведь вкушал её дары.

Успеть попробуй ты за ней,
Не всем героям удаётся,
Над жизнью плачешь ты своей,
Она лишь над тобой смеётся.

И до сих пор не улеглось,
И разум рвёт, и душу,
Как лев истерзанную тушу,
Их примирить не удалось.

И всё ж не смеют упрекать,
Судить нет права никому,
Судьбою нашей помыкать
Дано лишь Богу одному.

Не в нашей воле изменить
Судьбы зигзаги и кривизны,
Назло кликушам будем жить
В великолепной этой жизни.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

* * *

Один как перст помора крест,
А кто под ним – давно забыто.
Стоит он здесь, за нас моля.
Царю казна. Себе добыто
Покой, и море ледовито,
И ледовитая земля.

* * *

Стремясь душой и сердцем к Богу,
Не помнят русские врагов.
И держат нас за дураков,
И тычут кольями в берлогу.
Вот встанет на дыбы медведь,
А зверя бить в упор – потеха.
Весь мир заходится от смеха.
Спасенье – боль перетерпеть.
Испарина на лбу кровава,
И грудь от ужаса пуста.
Господь разбойника Варавву
Освобождает от креста.
Мы выдюжим позор наш общий,
Взалкаем горько, но не взропщем,
И наградит нас миром Бог.
И лягут бережно дороги
У окровавленной берлоги,
У наших, у пробитых ног.

* * *

Лишь бояре пивали в те лета вино,
А ярыжные – водку и брагу.
Веселились ярыжки ахти не умно,
А любила их Русь за отвагу.
Отлежавшись в крапиве,
Простившись с женой,
Отмолившись в ближайшей часовне,
Уходили в Сибирь
За собольей казной,
Поминай и на добром попомни.
Уходили по рекам,
На легких веслах,
В бородах затаив поцелуи,

И на родине их оставалась весна,
А по вёснам-то кто не тоскует?!
Если сердце твоё, как медведь, велико,
Если родина мучила голодом,
Никакое тебя не возьмёт далеко,
Не удержат ни слава, ни золото.
Как полканы, в боях растерявши клыки,
Соболиные, битые, сизые,
Приходили в Москву, порадев, старики
Замолить свою жизнь ледовитую.
Звонари оглашенные били зело
В честь царя, в честь царицы и Бога,
А кого-то в запретные думы несло,
И опять начиналась дорога.

* * *

Примирают века, примирают.
Чёрный камень. Под камнем герой и палач.
Ради славы его мои города умирают,
Гордый князь мой пред ним извивается,
словно циркач.
Словно яблочки падают наземь империи,
Незабвенны лишь выходы грозных властей.
И лежат по земле ястребиные перья,
Купола набекрень, кирпичи крепостей.
Я бы мог этот камень, беспомощный ныне,
За опухшие плечи рабов русичей
Горделиво поотрачь. Но смешны мне гордыни.
Я стыжусь за бессмертье бесстыдных речей.
Чёрный камень –
Осколок великого страха,
Изошрённого мастера каторжный труд.
А на улице баба стирает рубаху
И детишки о чём-то упрямо режут.
Строят новый дворец из стекла и бетона,
Подновляют асфальт, шашлыки шевелят,
И, всегда недовольные,
Голуби стонут,
И счастливые птицы
Куда-то летят.

Ольга ВОРОБЬЕВА

* * *

В наше время нельзя зарабатывать словом.
 Что поэзия ныне? Синоним безделья.
 На работе начальница снова и снова
 Речь заводит: «Осваивайте рукоделье».
 И о той, что была до меня здесь:
 «Учили, – говорит, – но на редкость была
 бестолкова».
 Я киваю, но что если тоже не выйдет
 К четвергу из меня сотворить Васнецова?
 А ведь нужно скорее освоить всё сразу:
 Литить эмали, плести кружева на коклюшках,
 Вышивать, чтоб вести мастер-класс в
 младших классах.
 А стихов им моих почему-то не нужно.
 Так и пединституты готовили б асов,
 Чтобы школьные разом закончить мученья:
 Мастер-класс провели – и пожалуйста, сразу
 Выдавайте диплом: все прошли обученье!

* * *

Учитель молодой с лицом лучистым
 Рассказывал в начале сентября,
 Как всех буржуев и капиталистов
 Народ прогнал, как свергли мы царя,
 Который был богаче всех буржуев...
 Кружился за окном осенний лист.
 А мы притихли, мысленно ликуя:
 Нам предстояло строить коммунизм.
 Так было справедливо всё и просто.
 И лишь вопрос нет-нет да засвербит:
 В капстранах кризис перепроизводства,
 У нас, как ни старайся, дефицит,
 Хоть планы перевыполнены в сроки.
 Стахановцы превыше всех похвал.
 Но был учитель счастлив на уроке,
 Никто вопросов и не задавал.
 Менялась жизнь, и с ней – уклад
 привычный.
 Заводы встали. В фабриках простой.
 Рабочими забиты электрички
 Те, что когда-то пахли колбасой.
 Охранники одни. Не пахнут потом.

Пусты прилавки. А из дальних стран,
 Как тараканы, в поисках работы
 Всё едут, едут толпы мусульман.
 Зарплаты нет, а цены так взлетели!
 Мир падал в пропасть, беден и убог.
 И, чтобы дух держался в брэнном теле,
 На рынок встал хороший педагог.
 Да что с того! Там девяносто девять
 Стояло человек тогда из ста.
 Крутили две цены, как и соседи,
 Везли весь хлам, ругались за места.
 Учитель в стороне, как будто прячась,
 Приткнулся, мелочёвку разложив.
 В торговле был он крайне неудачлив,
 И так не по-торгашески стыдлив.
 В те дни, когда ковались капиталы,
 Всяк мнил себя преемником купцов,
 Он торговал безрадостно и вяло
 И обанкротился в конце концов.
 Но не сломался, шёл своей дорогой.
 Куда-то ездил, что-то охранял,
 О том, чему учил нас, думал много
 И очень много переосмыслял.
 А мы грубели: «бедненьких» не жалко,
 Кипит торговля, строятся дома,
 И жарится огромным оковалком
 В ларьке возле вокзала шаурма.
 Всю жизнь бегом. Живём как между прочим.
 Болит ночами сгубленный талант.
 Все торгаши. Нет, ни один заводчик
 Из нас не вышел, и ни фабрикант.
 Поэзия, художество уснуло.
 Да только нашей много ль в том вины,
 Что для перемещения баулов
 Мы были нашей родине нужны?
 И вдруг – учитель. Добрый и весёлый,
 Как света луч, пронзил ночную мглу.
 А что случилось? – Он вернулся в школу.
 И я с тех пор завидую ему.

Юрий ПРИВАЛОВ

ОТПУСК В ТАЙГЕ

В 1966 году, осенью, мы на целый месяц выбрались в томскую тайгу, чтобы отдохнуть от городской суеты и вдоволь поishiшковать. Бригада наша состояла из четырёх человек – моего отца, младшего брата Николая, товарища по институту Геннадия и меня. Расположились прямо в тайге, в палатке, километрах в трёх-четырёх от деревни и метрах в ста от таёжной речушки. В арсенале у нас, помимо топора и ножовки, были охотничьи ножи, а у брата, заядлого охотника, ещё и пятизарядный бельгийский браунинг.

В первый вечер засиделись у костра допоздна. Утром отец начал готовить завтрак, а я отправился на речку за водой. Пройдя метров пятьдесят, я не поверил своим глазам: прямо на тропинке сидел рябчик и спокойно что-то клевал. Поставив на землю ведёрко, я сначала пятился на цыпочках, а потом сломя голову помчался на стан, молча схватил ружьё брата и побежал обратно. Удивительно, но рябчик был на том же самом месте и продолжал своё занятие. От нахлынувшего охотничьего азарта у меня затряслись руки и сердце готово было выскочить из груди. Приложившись, я не целясь

выстрелил. Рябчик удивлённо оглянулся и побежал в сторону речки. Я бросился следом, на бегу выстрелил ещё два или три раза, рябчик продолжал бежать. Добравшись до старого кедра, который лежал поперёк речушки, соединяя её берега, вскарабкался на него и побежал на противоположную сторону. Ровно на середине он или от ранения, или оттого, что ствол был скользкий, сорвался в воду, и его быстрым течением потащило под дерево. Я, бросив в траву ружьё, кинулся спасать его, и вовремя, его уже почти затянуло. Я схватил его на руки, повесил за спину ружьё и, всё ещё толком не придя в себя от азарта, быстро пошёл обратно. Рябчик, тихо попискивая, настороженно, но вместе с тем и доверчиво косился на меня.

Пока я шёл к своему стану, твёрдо решил: во что бы то ни стало вылечить его и отпустить на волю, в родную стихию. С этими мыслями я подошёл к костру и под иронический вопрос брата: «Что это была за канонада, уж не медведя ли ты завалил?» – подал рябчика отцу, посмотреть. И пока рассказывал брату о своей первой охоте, отвернувшись от костра, отец, лишённый всяческих сантиментов, положил

рябчика головкой на пенёк и со словами «сегодня суп хороший будет», чакнув зубами и крякнув от усердия, снёс ему голову. Обернувшись на звук и увидев обезглавленную тушку раненного и спасённого мною рябчика, я понял, что никогда не забуду его тихого попискивания и доверчивого взгляда, никогда больше не возьму в руки ружья против беззащитных лесных жителей. Так закончилась моя первая в жизни и последняя охота. Суп из рябчика я есть не стал. Не смог.

Прошло уже несколько дней нашего пребывания в тайге. Урожай кедровой шишки в этот год был хороший, а шишкарей почему-то не очень много, поэтому мы могли спокойно выбирать любые кедр, конечно, в первую очередь нас интересовали менее опасные, лазовые деревья. В этот день мы с товарищем промышляли вдвоём, удалившись от стана на приличное расстояние. Ещё издали мы заметили вершину высокого кедра, сплошь усыпанную шишками, было их там, на наш взгляд, не менее двух мешков. Очередь оббивать кедр была у Геннадия, и он бодро полез наверх, но метров через десять вдруг быстро начал спускаться. Оказавшись на земле, он сказал, что на кедре тьма-тьмущая муравьёв и что от их кислоты может закружиться голова и запросто можно свалиться вниз. «Наверное по этой причине его до сих пор никто и не оббил», – добавил он. Посмеявшись над страхами товарища, я полез на этот кедр сам. От самого его низа вверх шла муравьиная дорожка. Муравьи сплошным потоком бежали вверх, а рядом такой же поток муравьёв мчался вниз. Я, сдувая их и смахивая рукавами куртки, упорно карабкался к вершине. Когда я был уже в десяти-двенадцати метрах от земли, вдруг все муравьи на обеих дорожках одновременно замерли, наступила какая-то звенящая тишина, и в этот момент мне прямо в лицо полетело от них желтоватое едкое облачко. Я крепко вцепился руками в ствол и ветки, голова закружилась, я закрыл глаза, а когда открыл, муравьи так же деловито спешили по своим делам. Немного отдохнув, я полез выше. Ещё раза два, пока я достиг вершины, муравьи повторили свою странную атаку.

Кедр я всё-таки оббил, шишки было много. Пока я спускался вниз, муравьи вели себя спокойно. Или они посчитали, что достаточно меня наказали, или подумали, что я испугался их и отступаю, кто знает, что было у них на уме, но больше они на меня не покушались. Учёные люди, наверное, знают, что всё это значит, но я никак не могу понять, какая существует связь у муравьёв и как тысячи, а может быть, десятки тысяч этих насекомых по какой-то неведомой команде все как один останавливаются, да ещё одновременно, и целенаправленно выбрасывают свою кислоту. Непонятно!

Подходили к концу наши отпуски. Вокруг палатки уже стояло немало мешков с кедровыми шишками и орехами. Промышляя в один из последних дней, мы так же увидели кедр, который поразил нас обилием плодов. Дул несильный ветер. Мы не сговариваясь устремились к кедр, и чем ближе подходили, тем явственнее слышали скрипучий треск в такт раскачиванию от ветра этого дерева. И снова очередь лезть на кедр была у моего товарища. Ветер крепчал, и скрип дерева становился всё сильнее. Примерно где-то в двадцати метрах от земли ствол кедра почти на девяносто градусов уходил в сторону, а метра через три снова устремлялся вверх. Этот горизонтальный участок ствола был абсолютно гладким, без единого сучка. Мой компаньон, добравшись до этого голого участка, остановился. В это время налетел мощный порыв ветра, дерево, роняя на землю шишки, сильно закачалось, неприятный скрип усилился. Товарищ молча и быстро стал спускаться вниз. Спустился. Тогда опять полез я. Быстро добрался до голого горизонтального участка, наполовину преодолел и его, глянул вниз, стало страшно, земля далеко, держаться не за что. В это время новый порыв ветра так качнул дерево, что казалось, верхняя его часть, по границе голого участка, отломится и вместе со мной рухнет на землю. Неприятный душераздирающий скрип резал слух. Я позорно, намного быстрее своего компаньона, спустился вниз, сказав в своё оправдание, что до утра этот кедр точно не достоин. Утром следующего дня мы снова пришли на то место. Кедр, тихо

качаясь, так же ритмично поскрипывал. На следующий день мы уехали домой. Случилось так, что на это место я приехал уже с сыновьями-подростками ровно через двадцать лет, то есть в 1986 году. Историю о том кедре я им, конечно, рассказывал, а теперь хотел найти, что от него осталось, если осталось. Долго блуждали мы по тайге, так же дул ветерок, но было как-то тихо. Я, как и двадцать лет назад, неожиданно увидел вдали вершину кедр, усыпанную шишками. Когда мы подошли ближе, я не поверил своим глазам – это был тот самый кедр. Он так же прекрасно плодоносил, его так же никто не решался обработать, снять урожай.

Голая, горизонтальная часть ствола стала ещё длиннее, вершина как-то красиво, вызывающе кудрявилась. Мы долго смотрели на него. Я чувствовал, что чего-то в нём не хватает, потом понял – несмотря на ветер, не было слышно скрипа, он куда-то исчез. Представляю, сколько бурь и невзгод перенёс он за этот немалый срок, а вот стоит, будто усмехаясь, и, мне кажется, покачивая вершиной, он учит нас жить, бороться и преодолевать жизненные трудности так, как преодолевал и преодолевает их он, беззащитный житель тайги.

Томская область – тайга

БЕРЁЗА

Темнело. Где-то далеко сверкали молнии, дул ветерок, в атмосфере ощущалось какое-то напряжение. Мы, это я, мой десятилетний сын Миша, Мишина бабушка Екатерина Ивановна – моя тёща, собрались ужинать, но оказалось, что у нас нет ни корки хлеба. Оставив тёщу у палатки, мы с Мишей отправились на соседний стан одолжить хлеба. До соседей тайгою было метров 500–600, не более. Поговорив минут десять с соседями, я посадил сына на плечи, вручил ему булку хлеба, и мы двинулись в обратный путь. Молнии быстро приближались, упали первые очень крупные капли дождя, сразу потемнело, сильнее подул ветер, молнии сверкали непрерывно, гром грохотал как-то необычно, очень громко и раскатисто, кажется, раскалывалось небо. Пошёл плотный проливной дождь. Я шёл быстрым шагом, совершенно потеряв ориентировку. В кромешной тьме, под проливным дождём и огромной силы ветром мы шли вперёд. Сын, сидя на моих плечах, прижимал к груди размокающую булку хлеба. Толстые молнии с каким-то утробным рокотом вонзались в землю вокруг нас. Миша прижался ко мне и, наверное, с ужасом смотрел на это светопреставление, а я, съёжившись, ждал, какая из этих беспощадных толстых молний ударит в нас. Проходя мимо одного из кедров,

я услышал сверху какое-то потрескивание. Неужели, подумал я, кто-то из шишкарей сидит на кедре в такое время? Вдруг Миша испуганно крикнул: «Папа, падает!» Что падает, куда падает, я, конечно, не понял, но, думая, что падает кедр, с которого доносились звуки, я почти инстинктивно бросился вправо от него, стараясь отбросить сына за ствол другого толстого кедр. Расчёт был верным, он отлетел за кедр, а я упал рядом в заросли шиповника, ободрав себе руки и лицо. Раздался страшный треск, затем мощный удар о землю, удар был такой силы, что земля содрогнулась под ногами. В полутора метрах от меня на землю упала могучая берёза, обломав и уронив на землю большое количество сучьев с соседних кедров, ни один из которых нас не задел. Я вскочил на ноги, схватил сына за руку, и мы быстрым шагом, но не бегом, перешагнув упавшую берёзу, снова пошли вперёд. Через минуту я спросил у Миши, где хлеб, он сказал, что уронил его, когда падал, и забыл поднять. Мы вернулись, нашли хлеб и только склонились над ним, как опять раздался жуткий треск позади нас, что-то тяжёлое, но не одно, а несколько попадало на землю. Мы схватили хлеб и снова быстрым шагом, перешагнув берёзу, пошли вперёд. Молнии чуть-чуть сместились вправо и долбились

в землю уже не над нами. Ветер гудел, дождь шёл не переставая. Мы шагали с Мишей, уже не надеясь найти свою палатку, как неожиданно буквально налетели на неё. Войдя вовнутрь, мы увидели, что моя тёща сидит, замотав уши и лицо чем-то, чтобы не слышать этих ужасов. Увидев нас, она была изумлена.

Так случилось, что соседи не искали нас, не стреляли в воздух, думая, что мы благополучно дошли, а тёща подумала, что мы остались у соседей. Переодевшись в сухое и подкрепившись тем, что было, в том числе и размякшим хлебом, мы обнаружили, что ветер немного стих, дождь стал реже, раскаты грома и сверкание молний ушли за речку, стало поспокойнее, и мы улеглись спать.

Утром пели птицы, светило яркое солнце, от земли шёл тёплый пар, казалось невероятным то, что было ночью. Миша спал, вздрагивая и вздыхая во сне, видимо, ему снились ночные кошмары. Я дал ему выпастись вволю, и, пока бабушка готовила завтрак, мы пошли искать то место, где чуть не были убиты молнией ли, берёзой ли или ещё чем-то, не важно чем. И мне кажется, что выйти из такой ужасной переделки даже без царапин (кроме уколов шиповника) – просто чудо.

Довольно быстро мы нашли упавшую берёзу, усыпанную сучьями от кедров, и подивились, какая она была красивая, стройная и высокая. На многие годы мы запомнили эту ночь и знаем теперь, какие страшные грозы бывают в тайге.

Каждый раз, приезжая на это место, мы первым делом с Мишей ходили к берёзе, смотрели, как она старела, чернела, но всё равно была величественна. А в один из осенних приездов мы её не обнаружили, остались только сучья да вершина. Кто-то из деревенских, видимо, вывез её либо на дрова, либо для какой-то строительной нужды. Но ещё одна память осталась от того вечера – когда мы вернулись за хлебом, снова раздался треск и что-то упало – это ударом молнии из высоченной ели была выхвачена четвёртая часть диаметра ствола и по спирали выдрана до самой земли. А части выдранного ствола разбросаны очень далеко,

один из кусков весом килограммов 50–70 был обнаружен нами в двух метрах от того места, где лежал обронённый хлеб, то есть он немного не долетел до нас, когда мы его подбирали.

С тех пор прошло много лет, сын Михаил восемь лет, до самой армии, занимался спортом, стал кандидатом в мастера спорта по боксу, отслужил два года в армии, окончил Новосибирский аграрный университет. Мне кажется, в ту ночь он стал взрослее, вёл себя тогда на редкость мужественно: мокрый насквозь, ослеплённый молниями и оглушённый громом, он успел заметить опасность и не дал мне сделать последнего шага под падающую берёзу.

Потом, когда прошло уже немало времени, он как-то спросил у меня, как я мог решиться вернуться за потерянным хлебом, тогда, как казалось ему, было не до хлеба. Я ему ответил, что в любой ситуации нужно быть мужественным и целеустремлённым до конца. Наша цель была принести хлеб, и я не мог вернуться без него, тем более, если бы я махнул рукой на хлеб, он бы первый, одумавшись, мог подумать обо мне как о трусе. Я, честно говоря, конечно, волновался, но не так за себя, как за сына.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МАЛЬЧИКА

Вечерело. Уже третий день отец и сын (мальчик девяти лет) жили в глухой тайге. Прибыли они в тайгу, чтобы добыть на зиму кедровых орехов. Рядом с палаткой уже стояло несколько мешков с собранными кедровыми шишками. На завтра был запланирован отъезд в город, и поближе к вечеру мальчик решил прогуляться по лесу, который он очень полюбил за эти три дня. Лесная живность, будто поняв, что он прощается с лесом, оживлённо бегала и летала вокруг. Бурундуки носились друг за другом. Белки на кедрах показывали чудеса акробатики, с шумом пролетали и падали в траву рябчики, в траве копошились всякие букашки, запыленно бегали муравьи. Незаметно мальчик вышел к небольшой поляне, густо заросшей травой и какими-то очень красивыми голубыми и красными цветами. Залюбовавшись окружающей красотой, мальчик не сразу понял, что вокруг почему-то резко стало светлеть.

Подняв голову кверху, он не поверил своим глазам. На землю медленно спускался какой-то ярко светящийся объект. Объект напоминал большой цилиндр с острым коническим верхом. Мальчик от неожиданности застыл. Он не мог двинуться с места, чтобы убежать, ноги будто приросли к земле. В это время объект приземлился, открылась дверь, и в проёме показалась странная фигура, отдалённо похожая на человека. Фигура молча поманила к себе мальчика, и он, увлекаемый какой-то неведомой магической силой, как кролик к удаву, медленно побрёл к объекту, не сводя глаз с человекоподобного существа, которое неотрывно, прямо в глаза, не моргая смотрело на мальчика. Дверь закрылась, и этот странный аппарат бесшумно вертикально взмыл в небо. Внутри оказалось ещё одно существо, как две капли воды похожее на первое. Наверное, братя, успел только подумать мальчик и потерял

городе мать и маленькая сестричка. Он очень хотел вернуться на Землю, но не знал, как это можно сделать. Обращаясь к инопланетянам, он показывал руками вниз, давая им понять, что хочет домой, но они что-то пищали в ответ и отрицательно качали своими ушастыми головами. Шло время. Мальчик заметил, что он стал очень быстро расти. Наверное, это от высококалорийной пищи инопланетян, думалось ему. Надувной матрас, на котором он спал, становился коротким, но каким-то образом по мере роста мальчика он автоматически удлинялся. Сколько прошло времени с момента его прилёта на эту неизвестную планету, он не имел представления, но учитывая, что он вымахал уже под два метра, можно было догадаться, что прошло уже немало лет. Мальчик к этому времени уже немного понимал инопланетян, немного научился общаться с ними. Используя эти навыки, он попытался узнать, сколько лет уже прожил у них. Один из инопланетян загнул на руках мальчика восемь пальцев. «Восемь лет? – изумился мальчик. – Это мне уже семнадцать лет? Что же там на Земле произошло за это время, всё ли в порядке?» И тоска с новой силой навалилась на него. Он сильно скучал по дому, по тайге, по деревьям, траве, цветам, земным запахам, чего не было на этой планете. В очередной раз он решительно указал вниз. Инопланетяне переглянулись, затем, поманив мальчика за собой, вышли наружу. В ту же секунду рядом с домиком опустился тот самый цилиндр с острым верхом. Дверь цилиндра открылась, в куполе сверху образовалось круглое отверстие, и цилиндр вместе с мальчиком и теми же двумя инопланетянами беззвучно взлетел вверх. Мальчика высадили на той же самой поляне, с которой его похитили восемь лет назад. Корабль улетел. У мальчика от всего увиденного, ароматов леса закружилась голова, и он без сил опустился на землю. Немного придя в себя, он поднялся и пошёл сам не зная куда. Через какое-то время он услышал шум в кустах, чьи-то шаги, треск ломающихся веток и опрометью, радостно бросился на звуки. Тут же он увидел небольшого роста пожилого мужичка, до глаз

заросшего густой щетиной, который, увидев перед собой очень большого молодого парня, шарахнулся в сторону. «Не бойтесь, я только хочу спросить у вас, как дойти до ближайшей деревни?» Мужичок остановился, глянул на юношу и предложил проводить его, сказав, что он тоже идёт в деревню, в магазин за продуктами. По дороге мужчина рассказал, что вот уже восемь лет ищет пропавшего в этой тайге, на этом самом месте, своего сына. Мальчик остановился, ещё раз оглядел своего спутника и только сейчас заметил на его пояском ремне притороченный знакомый с детства металлический котелок. «Батя! – воскликнул мальчик. – Я не думал, что так быстро встречу с тобой! Но как ты изменился и постарел». Мужчина, отстранившись от юноши, удивлённо глядя на него, спросил: «Кто ты, молодой человек? Мой сын был вот такой, – и показал рукой чуть больше метра над землёй, – а ты вон какой большой, таких огромных у нас во всей родне никогда не было». Спутник мальчика внимательно пригляделся к нему. «Но прошло столько лет, я же вырос, я знаю, как зовут тебя, мою маму и мою сестричку». И назвал все имена. Старик зашатался и упал бы, если бы его не подхватил сын. «Сынок, неужели мне это не снится и я вправду наконец нашёл тебя? Никто не знает, сколько мы слёз пролили». Крепко обнявшись, они оба плакали, но это были уже слёзы счастья.

--- -- - .. ... - - - - - - - - - .. - - - - -
 - - - - - - - - - .. - - - - -

МОРПЕХ ИЗ НИСЕЛЬГИ

«Это твоя девушка?» – заинтересованно спрашивали встречные знакомые Шурку Шмакова, глядя на идущую рядом изящную даму с длинной русой косой. В тот солнечный день, 22 июня 1941 года, высокий статный паренёк – счастливый выпускник-отличник одной из кронштадтских морских школ – радостно отгуливал свой пятнадцатидневный отпуск в Ленинграде. Уже год как бывшего деревенского паренька зачислили на службу в одну из частей Краснознамённого Балтийского флота в Кронштадте...

– Шурка, я больше с тобой вместе не пойду. – Глаза красивой молодой женщины (той самой, с длинной косой) смотрели на юного моряка добрыми смеющимися лучиками.

Это была Шуркина мама Катя. Такой, молодой и красивой, она запомнилась ему на всю жизнь.

Толпы людей, собирающихся возле уличных репродукторов, и речь министра Молотова подтвердили: «Война!»

«Шурка командиров» – так звали Шмакова в родной деревне Нисельга Ленинградской области (в переводе с вепсского «Нисельга» – «носорога»), населённой потомками вепсов и карелов.

Его отец Николай Шмаков служил на Балтике офицером, командовал морским подразделением. В нашей беседе сын не стал называть причину смерти отца, лишь отметил, что к началу войны его уже не было в живых (последняя дочь командира Екатерина родилась в 1935 году).

Позже я узнал, что репрессии 30-х не обошли их родную Нисельгу. Двоих братьев-подростков, 8 и 12 лет, из этой деревни, Николая и Алексея Шмаковых, в 1931 году осудили и выслали в Мурманскую область, в Кандалакшский район. Реабилитировали только в 1999-м, может, «посмертно». Спрашивается, за что? Тысячи человек, как и они, безвестно пропали в спецпоселениях на севере. Точно не знаю, были ли они родственниками или только однофамильцами наших Шмаковых.

Александр с ранних лет, как старший из детей, стал главной опорой для матери. А на флот решил идти по стопам отца.

Молодой моряк отбыл в свою часть в Кронштадте. А мама с остальными детьми – Машей, Верой, Васей, Валею и Катей – отправилась в старинный русский город Лодейное Поле, зна-

менитый первыми военными кораблями Петра Первого.

Затем они эвакуировались в Курган, за Уральские горы. Здесь Екатерина Васильевна с дочками и младшим сыном прожили до осени 1944-го. К этому времени освободился от захватчиков их родной Подпорожский район. Родные Шурки Шмакова возвратились в родные пенаты, что на реке Свирь, в двухстах километрах от Ленинграда. В их старинной Нисельге, упоминавшейся ещё в XIX веке на территории Лодейнопольского уезда, стояло порядка двадцати крестьянских дворов. У Шмаковых до войны стоял добротный дом, шумел цветущий сад, имелась домашняя скотинка...

Боец терялся в догадках: «Где вы, мои родные?»

Шмаков воевал в составе героического третьего батальона пятой бригады морской пехоты Краснознамённого Балтийского флота под командованием героя Гражданской, полковника Василия Казимировича Зайончковского (до войны командовавшего Кронштадтским стрелковым полком). Напомню, что КБФ принял самое активное участие в ликвидации последствий так называемой Выборгской катастрофы в августе 1941 года. Это был один из немногих примеров, когда действия нашего флота сыграли без преувеличения важную роль в спасении разгромленных частей Ленинградского фронта.

Зайончковский был земляком Шмакова – тоже жил в Ленинградской области. Сначала опытный красный командир руководил отдельной курсантской бригадой военно-морских учебных заведений ВМФ, а затем возглавил пятую бригаду морпехов. Последняя была организована за счёт личного состава Балтийского флота в Кронштадте. В это время на Ораниенбаумском плацдарме сложилась тяжелейшая обстановка. Надо было остановить стремительно наступающих фашистов. Моряки пятой отдельной бригады морской пехоты вели тяжёлые оборонительные бои. Это они встали щитом на рубежах Копорского залива и на правом берегу реки Воронки – здесь морпехи находились всего в нескольких десятках метров от фашистов, на передовой без всякой нейтральной полосы. Немцы называли пехотинцев Зайончковского «чёрными дьяволами».

В 20-х числах августа рядового Шмакова включили в состав сводного полка морской пехоты, морем переброшенного в город Койвисто для отражения десанта финских войск. 26–27 августа части сводного отряда ВУС (Выборгского укрепленного сектора) вели упорные оборонительные бои в районе Сомме (Матросово) и Кайслаhti (Попово). Удержать Кайслаhti им не удалось. Финский десант выполнил свою первоочередную задачу, а у сводного отряда просто не хватило сил.

27 августа отряд ВУС получил подкрепления, состоявшие в том числе из третьего батальона пятой отдельной бригады Зайончковского, где воевал Александр Шмаков. Сводный отряд ВУС сразу переименовали в сводный полк моряков под командованием майора Углова. Военкомом назначили старшего политрука Корнышева. Перед командованием сводного полка поставили задачу наступать в направлении на станцию Сомме, уничтожить противника на полуострове Лиханиеми и очистить пути отхода 43-й стрелковой дивизии. Моряки видели, что отход армейских частей проходил неорганизованно. Создавалось впечатление, что отходившие части между собой перемешались. Наблюдалось движение бойцов мелкими группами и даже поодиночке. Прочной связи со штабом 23-й армии у моряков не было. Само наступление сводного полка на север

ставило его в сложное положение: правый фланг оставался открытым, и финны могли с лёгкостью обойти моряков и пограничников.

Всё же 27 августа сводный полк перешёл в наступление на фронте шириной в четыре километра. Финны оказали упорное сопротивление и отбили все атаки.

Артиллерийская поддержка действий сводного полка Выборгского сектора должна была осуществляться эсминцами «Сильный» и «Стойкий». Их задача состояла в том, чтобы своим огнём сорвать переправу в самом узком месте Выборгского залива, у полуострова Лиханиеми. Корабли вышли из Кронштадта 25 августа и уже вечером, в 9 часов, были на рейде г. Койвисто. Помощь эсминцев оказалась неэффективной. Самыми боеспособными подразделениями в районе Койвисто по-прежнему оставались морские. На армейские части было трудно положиться, люди оказались деморализованы тяжёлым поражением, отступлением и окружением.

В этих условиях надо было немедленно решать: что делать дальше? Удержать Койвисто было невозможно, а финны уже находились далеко на юге Карельского перешейка...

В этих тяжёлых сражениях с финнами краснофлотец Шмаков с боевыми товарищами делал всё возможное и невозможное. Позже его за личную храбрость и мужество представят к медали «За отвагу», но получить награду воин не успеет.

28 августа под Койвисто морпех раненым попал в плен к белофиннам. Шмакова увезли в небольшое местечко Валкеалу, что в юго-восточной Финляндии, в военный госпиталь № 63 для пленных. Присвоили лагерный номер «У-454». Замечу, что история этого финского места началась ещё в семнадцатом веке, на здешней территории велись бои между шведами и русскими, потом – через столетия – между советскими и финскими войсками.

Балтиец остался жив, а ведь немало военнопленных из Валкеалу не вернулось – их хоронили десятками в общей могиле.

Мастер производственного объединения «Ореховоторф», где после Победы трудился А. Н. Шмаков, – бывший пограничник, младший лейтенант Григорий Гуськов – тоже побывал

в лапах у белофиннов. Только намного дольше – с сентября 1941 до 1944 года. Ветеран мне лично рассказал, что финны относились к нему «хуже фашистов», кормили отвратительно – лагерная баланда довела советского офицера до истощения. К концу срока в 27-летнем Гуськове осталось всего 38 килограммов веса. Мало того, за тяжкий плен он поплатился и у своих – смывал «позор» рядовым в пулемётном взводе штрафной роты Второго Прибалтийского фронта. Потом ему за хорошую службу дали сержанта, доверили командовать отделением, а позже восстановили и офицерское звание.

Рядовой Шмаков «гостил» у финнов около месяца. За это время командиры записали его в число «без вести пропавших». Надо сказать, что среди предков моряка были вепсы и финские карелы, Александр понимал и немного говорил по-фински – это тоже помогло ему адаптироваться во вражеском плену.

24 сентября краснофлотец сумел бежать. Может, и чудом... Правда, в дальнейшем у своих его ждала жёсткая спецпроверка. Да и вручение медали «За отвагу» морпеху приостановили на неопределённое время.

Оклемавшись от ран, плена, проверок НКВД и боёв за Ленинград, Шмаков продолжил поиски пропавших родственников. Писал им по старому домашнему адресу. Без ответа. Тогда и подумал: «В плену мои». Подпорожский район в то время несколько раз переходил из рук в руки (то к белофиннам, то к Красной армии). Не мог знать советский моряк, что мать с сёстрами и братом перебрались в Зауралье.

Как впоследствии установил Александр Николаевич, в конце сентября – начале октября 1944 года Екатерина Васильевна Шмакова с детьми вернулась в родную Нисельгу. На месте родной деревни – пустошь, поросшая бурьяном. Здешние жители, кто уцелел, жили в землянках. Прибывшему семейству землянки не досталось. Под домашний уголок пришлось «облюбовать» разбитый вагон – затопили печку-временку. Есть было нечего. Дети от военного лихолетья выглядели младше своих лет. Старшей, Вере, исполнился в ту пору уже двадцать один год, Вале – тринадцать, Вале – одиннадцать, Кате – девять.

Чтобы прокормить детей, матери каждое утро приходилось идти в самую ближайшую деревню Погра и брать там хлебные карточки. Позднее от людей дети узнали: мать постоянно недоедала, отдавая им свою пайку. А в ноябре сорок четвёртого она слегла. Попросила детей взять у деревенских мужиков телегу и довести её, больную, до Подпорожской больницы. Главврач местной больницы, профессор Флегонт Ильич Либов, оказался школьным другом Екатерины Васильевны и сделал всё от него зависящее. Но ночью больная умерла. Дети нашли свою маму в бараке среди прочих умерших. Днём их туда не впускали. Под покровом темноты они, сняв оконную раму, проникли в это печальное помещение.

Сердобольные бабушки помогли сшить рубашку-саван, дали свечку, тёплой воды. Флегонт Ильич помог организовать похороны. Нашли лошадь, чтобы отвезти гроб с телом на деревенское кладбище. Хоронили сами дети, им помогал какой-то местный старичок.

Так и остались круглыми сиротами. Куда идти? Кто поможет? Война ещё не окончилась. Так вышло, что старшие, Вера и Мария, остались работать при районном исполнительном комитете, остальных ребят расселили по детским домам: в Новую Ладугу – Васю и Валю, а самую младшую, девятилетнюю Катю, отправили в Староладожский детский дом. Когда девочка в него попала, то своей детской душой осознала: никто из родных к ней уже не приедет, не навестит. Она хорошо помнила, как хорошо ей жилось с мамой, сёстрами и братом в Кургане. И Катя решила самостоятельно уехать в Курган.

СЛУЖИЛ В УГРО, ИСКАЛ СЕСТРУ

Встреча с родными у Кати Шмаковой оттянулась почти на пять десятилетий. Вся трагедия в том, что «мамина тёзка» Катя была от рождения глухонемой.

В Кургане беглянку поместили в детский дом для глухонемых. Здесь она окончила среднюю школу, здесь ей воспитатели объяснили, что родных у неё нет.

Взрослела Катя сложно, ни с кем из других детдомовских детей почти не общалась.

Замкнулась в себе, в своём полудетском-полувзрослом мире. В детдоме ей дали новую фамилию. «Я как бы проснулась здесь, – напишет она позднее родным, – и ощутила свою полную беспомощность...»

После тяжких битв за родной Ленинград в военной биографии Шмакова было ещё немало сражений, в том числе и в августе – сентябре 1945 года с враждебной тогда Японией. Только после долгих военных дорог он оказался в подмосковном Орехово-Зуеве.

Недолго думая, бывший морпех устроился в угрозыск районного отдела милиции.

Около трёх лет – в непростые 1945–1948 годы – проработал здесь воин, не одно преступление раскрыл, не одного преступника обезвредил, был на хорошем счету... Но однажды понял: всё же не для него это. Потому что образ врага, сформированный у Шмакова на войне, в мирной жизни оказался иным. Среди нарушителей закона ему попадались не только откровенные урки, но и бывшие фронтовики, однополчане, получившие на войне не только телесные, но и душевные раны. Вот таких Шмакову было откровенно жалко. Некоторые из них не от хорошей жизни в голодное, лихое время стали нарушителями закона. В послевоенное время в Орехово-Зуевском районе, как, впрочем, и в других местах необъятного Союза, наблюдался разгул бандитизма.

Долгое время Александр Шмаков жил в посёлке торфоразработок с красивым названием Верея. Здесь в годы войны ликвидировали нескольких вражеских диверсантов. Загнали в болото и уничтожили. После войны недалеко от Вереи жили в посёлке интернированные немцы, здесь находился лагерь, где они работали. В криминальную статистику не раз попадали и эти места.

Через девять месяцев после Победы – 10 января 1946 года – в Орехово-Зуеве погиб начальник Шмакова, майор НКВД Степан Малинин. Его убили при ликвидации банды хорошо вооружённых дезертиров, бежавших с Московской гарнизонной гауптвахты в числе большой группы «власовцев». По дороге они напали на склад военного имущества, убили часовых и хорошо вооружились, собираясь в дальнейшем заняться

преступным промыслом дома. Терять им было нечего, на каждого приходилось по две расстрельные статьи УК. Банду ликвидировали. Но это, так сказать, официальная версия.

В 1983 году у могилы погибшего на городском кладбище я встретился с вдовой и сыном-фронтовиком Малинина, по договорённости приехавшими со мной на встречу из Москвы. Они мне доверительно рассказали, что после гибели Степана Ульяновича пропала тетрадь с записями компроматов на местную партийную верхушку, которую майор вёл с начала своей службы в Орехово-Зуеве (с 1943 года!). Кстати, предшественник Малинина, начальник милиции Афанасий Соловцов (родом из староверов), тоже пострадал от той же «верхушки». А по воспоминаниям ветеранов милиции, Соловцов был рекомендован на службу в наш горотдел в 1938 году самим начальником охраны Сталина генералом Власиком (последний знал молодого офицера, охранявшего правительственные дачи). Согласно данным из личного дела А. Е. Соловцова в феврале 1943-го он был исключён из рядов милиции «за преданием суду». Написал заявление об отправке его на фронт. Воевал в партизанских отрядах на Украине, потом в составе войск НКВД ещё пару лет после победной весны 1945 года. В боях с бандеровцами в Ровенской области получил тяжёлое осколочное ранение, стал инвалидом. Затем до пенсии работал в народном хозяйстве. Орехово-зуевские ветераны ОВД и родственники Афанасия Евсевича (умершего в 1974 г.) рассказали мне, что бывший начальник слишком глубоко «копнул» при расследовании факта необоснованного списания имущества одной из баз резервного местного партизанского отряда, заложенной в 1941 году в Орехово-Зуевском районе, и тем самым задел интересы вышестоящего партийного руководства. Соловцов участвовал в организации партизанских отрядов в нашем районе, так как именно осенью 1941 года при наступлении на Москву фашисты планировали сомкнуть свои «большие клещи» на территории Ногинска и Орехово-Зуева – в рамках операции всей группы немецких армий «Центр».

После войны в текстильном городке, как и в столице, проявила себя загадочная банда «Чёрная кошка», грабившая и убивавшая мирных жителей.

63. SOTAS. 31.8.41. Sv. Nr. 1871 No. Pääsimäärä + Vangin No. / Y-454.

SOTAVANKIKORTTI.

Shmakov
1. Suku- ja etunimi *Shmakov, Alexandr Nikolajevitsh.*

2. Syntymäaika ja -paikka *28.2.21. Leningradskaja obl. Niserkan kylä.*

3. Vanhempien nimet, isän tyttönimi *Isä kuoll. Äiti Jekaterina, s. Tshulina.*

4. Kenelle ja mihin ilmoitettava tapaturmasta t. m. s. *Матери: Смакова, Екатерина Васильевна, Ленинг. обл., Нисеркан село.*

5. Siviiliammatti *trakt.saja ja* 6. Kansallisuus *venäl.*

7. Tuntolevyn No. 8. Sotilasarvo *stn.*

9. Joukko-osasto (div. rykm. kompp.) *I pat. 5 prik.*

10. Vangitsemisaika ja -paikka *28.8.41. Koivisto.*

11. Vankilaantuloaika *31.8.41.*

12. Vanki lähetetty edelleen (milloin ja minne) *24.9.41 Sv.l. No 11*

Kuulustelija (nimi ja arvo)

№ 90 498 Карточка № 3124/24/5600-40 Ф. М. 1

1. Фамилия *Шмаков* 2. Имя *Александр*

3. Отчество *Николаевич* 4. Военное звание *к-б/б/б*

5. Наименование части *3124/24/5600-40*

6. Занимаемая должность *полковник*

7. Уроженец *Ленинградская обл. Подпорожский уезд. Нисеркан село.*

8. Год рожд. *1921* 9. Партийность *член ВКП(б)* 10. Национал. *русский*

11. Соц. положение *полковник*

12. Кем призван *полковник*

13. Время и причины выбытия *пропал б/в 28.8.41г.*

14. Где похоронен *неизвестно*

15. Адрес родственников *неизвестно*

Вх. № *000000141600-40*

6. ноября 1942г. Подпись *И.С.*

Внесение дополнительных сведений

№№ вх. документов	Содержание
<i>000000141600-40</i>	<i>Внесены дополнительные сведения о Шмакове А.И. исключен из числа военнослужащих, как объявивший в бегство и числящийся за укр. по делам военнопленных или захваченных в плен.</i>

Генерал ВВС РККА. Зав. 7701

Архивная справка из Минобороны РФ

В 1947 году при пресечении попытки хищения с текстильной фабрики вооружёнными бандитами был убит коллега Шмакова, участковый уполномоченный Павел Зюлин. А потом на боевом посту погиб и другой местный милиционер Николай Чапарин...

Все эти трагические события, как бандитское шило, впивались в сердце краснофлотца, продолжавшего оставаться беспартийным.

Однажды в посёлке Веряя Орехово-Зуевского района бывший фронтовик и милиционер Шмаков встретил свою половину – Людмилу. Поженились. Жена стала отговаривать бывшего фронтовика от службы в органах. Сначала осенью 1946-го, когда забеременела. Потом летом 1947-го, когда у них родился сын Вячеслав. Какая мать захочет, чтобы ребёнок рос без отца? Начальство не отпускало боевого сотрудника, но всё-таки однажды по-человечески приняло его сторону.

Потом в семье Шмаковых родятся ещё два сына. И двое из троих пожелают служить на флоте, как батя.

Ушёл из милиции матрос. Зато потом семнадцать лет плодотворно трудился в объединении «Ореховоторф», а затем ещё тридцать лет отдал знаменитому на всю Россию Ореховскому текстильному комбинату.

Среди людей фронтовик Шмаков всегда был уважаем за доброту, порядочность и справедливость. И за то, что слово своё держал крепко.

Все эти годы – с 1945 по 1990-й – он не терял надежды узнать судьбу младшей сестрёнки Катюши. Глухонемой.

Во все концы СССР «сигналил». Бывших коллег по работе в угрозыске тормозил. Перелопатил вместе с другими найденными после Победы родственниками все старолadoжские архивы.

Кто-то из местных как-то скептически обронил: «Да умерла она...» Детдом-то в Кургане вскоре после войны ликвидировали, а в архивах имени Екатерины Шмаковой не оказалось.

Одному только Александру Николаевичу и его родным ведомо, какие чувства переполняли тогда их души от утраченного следа самой младшей, самой незащищенной сестрѐнки.

Уже и внуки у детей появились, а с годами и новые болячки, новые проблемы. Два раза на операционном столе побывал сам Шмаков – между жизнью и смертью. Жил не одно десятилетие – до глубокой старости – с электрокардиостимулятором.

Но старый краснофлотец не сдавался. Не отступая, как когда-то в смертельной атаке с фашистами и белофиннами, настойчиво продолжал поиск.

В 1988 году добрые люди подсказали: напиши, мол, в журнал для глухонемых (советское издание называлось «В едином строю»).

Что ж, советы бывают и очень дельными. Написал. В журнале объявление о розыске сестры сразу напечатали. Правда, с ещё довоенными данными Кати. Не знал фронтовик, что фамилию Шмакова сестрѐнке в 1944-м поменяли.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВЕСТОЧКА

Минуло ещё два года.

В ноябре 1990 года к Александру Николаевичу Шмакову по почте пришла – почти через полвека! – долгожданная весточка... от его родной потерявшейся сестры Екатерины. В небольшой конверт с письмом была вложена фотокарточка её вместе с дочерью Наташей.

Найдутся ли на свете слова, какими можно выразить после такого известия чувства человека, прошедшего войну, не раз умиравшего и продолжавшего верить в чудо?!

«Теперь можно и умирать, долг свой выполнил», – говорил он мне ещё в 1994-м. А я был убеждён: таким бы, как он, людям жить бы и жить... В благодарность за их человечность, доброту, верность, мужество. И, в свою очередь, пожелал Александру Николаевичу жить ещё

долго-долго. И чтобы внуки платили ему такой же добротой.

Незадолго до развала СССР, перед новым, последним советским, 1991 годом в подмосковном Орехово-Зуеве у Шмаковых собрались все сестры и брат.

Из Кировограда прилетела Мария, из Пензы – Вера, из Ленинграда – Вася и Валя, из Уфы – Катя.

Женщина-найдѐншш смотрела и не верила своим глазам, эмоционально жестикуюлируя руками (её дочь Наташа была за сурдопереводчика), пытаясь выразить невысказанную за полвека радостную боль: «Мои дорогие, как вы меня нашли? Сколько у меня родных!.. Ой... Я верила, что меня найдут. Я верила Господу Богу, что он поможет».

Эта забитая незащищенная детдомовка, рабочая-гладильщица, воспитала хорошую дочь, стала бабушкой, обожающей своего внука и своего зятя.

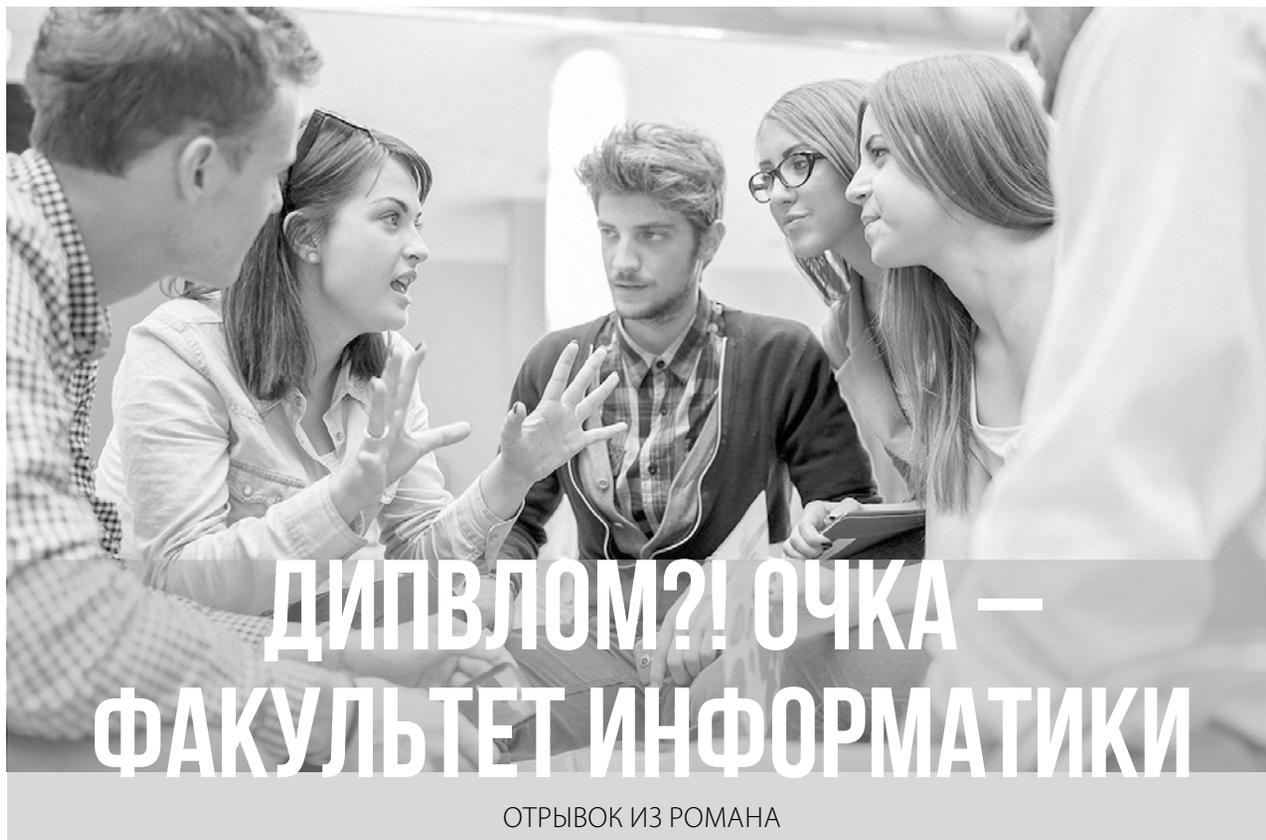
4 января 1991 года в народном суде башкирской Уфы была исправлена ещё одна несправедливость ненавистной войны – Екатерине Шмаковой возвращена её прежняя, родная фамилия.

После долгих лет разлуки дети, ставшие уже прабабушками и прадедушками, разыскали в Подпорожье, что под Ленинградом, могилку матери. Человека, ценой собственной жизни подарившего им второе рождение.

Через три года после того знаменательного события, 20 октября 1994 года, Указом Президента России – через полвека! – к краснофлотцу вернулась и его заслуженная боевая награда – медаль «За отвагу». А ещё раньше – весной 1985 года – ветерана пригласили в местный военкомат и торжественно вручили орден Отечественной войны второй степени. Что ж, справедливость иной раз запаздывает.

28 февраля 2021 года родные – сыновья, внуки и правнуки – соберутся, как и прежде, в Орехово-Зуеве, чтобы по-семейному отметить вековой юбилей незабвенного патриарха семьи – Александра Николаевича Шмакова. До своего столетия он не дождал семь лет. Царствие Небесное воину Христову Александру!

Евгений ГОЛОДНОВ,
член Союза краеведов России

ДИПЛОМ?! ОЧКА — ФАКУЛЬТЕТ ИНФОРМАТИКИ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

ДИПЛОМ ТУРФИРМЫ

В июне Ира помогала с дипломом пятикурснику-заочнику из Абхазии, который учился на факультете международных отношений. Он принёс ей свой готовый диплом по туризму, сказал оформить по методичке, написать речь и сделать презентацию. Ира внимательно прочитала диплом. Чтобы набрать необходимый объём, студент в середину диплома добавил несколько страниц рекламного текста с сайта турфирмы, не имеющего к диплому никакого отношения: «Хотите забронировать тур? У надёжного туроператора? По выгодной цене? Оставьте нам свой номер», дальше шло описание туров по России, за границу и детских лагерей. Студент, наверное, копировал страницы сайта целиком, и в скопированное попали и рекламные блоки – реклама обуви, косметики и расценки при продвижении сайтов. Сам диплом был около шестидесяти страниц, при этом текста с сайта турфирмы, не имеющего к диплому никакого отношения, около десяти. В работу

Иры не входило убирать текст заказчика или вставлять свой. За исправление диплома ей не платили.

Ира перезвонила студенту и уточнила, нужно ли оставлять этот текст, как он туда попал и что с ним делать. Студент спокойно и откровенно объяснил, что этот текст для увеличения объёма и его нужно оставить. Как будто вставить десять страниц описания туров в диплом является само собой разумеющимся. Ира подкорректировала диплом, убрала рекламные блоки, слоганы, номера телефонов и адреса турфирмы, бронирование отелей и стоимость туров, чтобы не пострадал объём, но бредовые страницы не бросались в глаза, сделала презентацию и речь.

После защиты студент позвонил и рассказал, что сдал на четыре.

– А как же текст в середине диплома? У вас же там брошюра турфирмы?

– Так его же никто не читал. Я с преподадом договорился...

– Понятно...

ПОСЛЕДНИЕ ПОТЯСЕНИЯ

Перед получением диплома в деканате сказали «пройти обходной лист». Ира сдала студенческий и должна была получить подписи из профкома, учебной и научной библиотек и читального зала, что нет долгов. Кто жил в общежитиях, собирал подписи ещё из общаг. Пока Ира бегала с обходным листом, в интернет-центре случайно наткнулась на Диму Шеламова, который решил «пробежаться» с Ирой «за компанию».

Поднимаясь по лестнице, Дима говорил Ире:

– Преподы сами за деньги сдают вступительные экзамены за своих учеников. Так высокие баллы и получают. За учеников пишут преподы или студенты-отличники... А ты думала, как у нас дебилы поступают...

– Понятно...

– Ты знаешь, что Кругов за семьдесят тысяч за учеников вступительные экзамены сдаёт?

– Ну семьдесят тысяч – примерная стоимость одного года обучения. – Ира уже поняла, как складываются расценки в вузе.

– Семьдесят – это первые годы обучения, потом дешевле. – Дима, как обычно, улыбался, «как зайчик», закусив нижнюю губу и показывая крупные передние зубы. – Ученик в аудитории сидит, а Кругов решает ему в соседнем классе, потом ученик выходит в туалет и забирает решения. Кругов одной сотруднице отстёгивает, чтобы она его покрывала. Помнишь парня, с которым встречалась Диана Пожарова на первом курсе? В него ещё Аня Тротурская была влюблена? Серёжа, кажется? Ему Кругов вступительные решал...

Наверное, Дима рассчитывал, что Ира опять за правду будет бороться, тему на форуме создаст «Декан сдаёт вступительные экзамены за учеников», и тогда её точно отчислят, как раз перед получением диплома. Нет уж, спасибо.

– Не знаю, я ничего подобного не слышала.

«Кругов так подставил Кроткову, а сам за учеников вступительные сдаёт», – только и подумала Ира.

– Да, все преподы вступительные за уче-

Инга ПОЛЯКОВА

Родилась 27 июля 1984 года в Краснодаре. Публиковалась в периодических изданиях и интернет-ресурсах. Принимает участие в разных литературных конкурсах: шорт-лист Международного литературного конкурса OSA Literary Contest (2015, Великобритания); лауреат Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ «Во имя правды и справедливости» (2015, Россия); участник Форума молодых писателей (2016, г. Звенигород); участник Краснодарского краевого литературного семинара начинающих литераторов Кубани, секция «Проза» (2016); лонг-лист конкурса VIII Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2017); диплом и II место в номинации «Малая проза», категория «Открытие до 35», фестиваля «Поэзия русского слова» (2017, г. Анапа). Воспитывает сына, работает преподавателем английского языка и математики. Хобби – разведение кошек породы русская голубая.

ников сдают, чтобы заработать, – продолжал Дима. – Так все делают... На нашем факультете только Скуленко пока держится. Он верующий, у него принципы. Остальные все пишут. Доровская долго держалась. А сейчас пишет, ходит радостная. Ипотеку выплачивает. Расценки от шестидесяти и выше. У всех кредиты, ипотеки, кто откажется от лишних шестидесяти тысяч? – Дима показал пальцем на темноволосого троечника с основной специальности: – За него Полозин вступительные решал. А за этого – Горовой, – Дима указал на рядом идущего низенького студента-качка в очках, который оказался Ириным одноклассником Будинцевым. – Вот они и дружат. – Перед получением диплома Дима решил заняться Ириным просвещением. Будинцев готовился к поступлению с Горовым. Ира всё спрашивала себя, как Будинцев, троечник, поступил на бюджет на такой сложный факультет? Теперь понятно.

Когда Ира поступала, преподы сдавали за учеников вступительные экзамены в вуз, когда Ира оканчивала университет, они сдавали ЕГЭ, выпускной экзамен в школе. Преподы говорили, что коррупция из университета перешла в школу.

– Да это на каждом шагу, везде преподаватели пишут курсовые и дипломы, везде берут взятки и сдают вступительные экзамены. Так все делают... И все – боясь уголовной ответственности. Все тут в вузе под статьями ходят. За получение взятки – статья. Сдавать экзамены за учеников – это вообще подлог, мошенничество, сговор, злоупотребление служебным положением. До десяти лет лишения свободы. У нас одни преступники по вузу ходят, одни преступники преподают. Тут, по-хорошему, всех посадить нужно. А студенты и преподаватели знают и молчат, покрывают друг друга. Рука руку моет. Партизаны. Хорошо отлаженная система. Годами проверенная. Так студенты сами просят за зачёт заплатить, чтобы не учить. А потом ещё благодарят. И студентам хорошо, и преподавателям. Всем хорошо! А знания... да кому нужны сейчас эти знания? Главное, чтобы деньги были. Всё можно купить! Особенно в университете, – пожал плечами Дима.

Ире почему-то показалось, что Дима расстроился, замолчал, вздохнул и посмотрел в сторону.

«Но так не должно быть», – с горечью подумала Ира, но отмахнулась от этой мысли, вспомнив, что сама писала курсовые всему потоку и младшим курсам...

Дима крутился в универе, знал все ходы-выходы и предлагал Ире писать ЕГЭ по математике за двадцать тысяч. Б.С. сказал, что за двадцать – слишком дёшево. Он, как аспирант и преподаватель вуза, брал больше и мог найти клиентов побогаче... Он собирался писать ЕГЭ ещё и по информатике.

– Так все делают, – говорил Дима. И повторял эти слова, как молитву.

Преподаватели вуза решали ЕГЭ от шестидесяти тысяч и выше – они давали гарантию поступления...

* * *

Через несколько дней Ире позвонила Диана Пожарова и сказала заехать за заверенной копией диплома в деканат. Ира отпросилась с работы и в последний раз зашла в стены вели-

чественного здания университета. Её у входа ждала Диана, просто так, без студенческого, в универ уже не пускали.

Ира вспомнила, как пять лет назад в первый раз зашла в это внушительное здание наивной вчерашней школьницей, и вспомнила обманчивое впечатление, им созданное... Зашла в просторный коридор с лестницей, ведущей в актовыв зал. За пять лет учёбы у Иры уже не осталось иллюзий. Она поняла, что почём в универе. Чего стоят красные дипломы Владимировой, договор Вани Казимирова или тройки по сложным экзаменам Олеси. За эти пять лет Ира не заметила никакой научной работы, открытий или достижений, но, может быть, она не туда смотрела...

Ира сходила с Дианой в деканат за заверенной копией диплома и в последний раз взглянула на одну из лучших «альма-матерей» города, да что там города, даже страны. Всё то же монументальное здание, та же царица наук, математика, выложенная мозаикой, с факелом просвещения в руках, приветствовала спешащих на пары и экзамены студентов и абитуриентов. Всё те же светлые коридоры и огромные аудитории создавали такую обманчивую атмосферу величия. Вот только за стенами молодые талантливые учёные шли работать в преподаватели университета за небольшую зарплату, чтобы «бесплатно» снимать молоденьких студенток. Молоденькие студентки спали с преподавателями за оценки. Симпатичные мальчики «отдавались» преподавателям за оплату договора, а аспиранты – за продвижение по службе. Преподаватели отказывались нормально учить, боясь конкуренции, писали своим же студентам курсовые и дипломы, брали взятки, прямо на кафедрах предлагали заказать работы. Взятки оформляли через деканат, как «помощь вузу», и ремонтировали здание, красили аудитории, создавая внешнее благополучие. Преподаватели и деканы за своих учеников школ сдавали вступительные экзамены... Дипломы, которые даже никто не читал...

Но Ира недолго предавалась этим мыслям, ей нужно было вернуться на работу к двенадцати...

Инга ПОЛЯКОВА

ЭКОЛОГО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАРШРУТ «УРОЧИЩЕ ОСТРОВНОЕ»

Всё популярнее и популярнее с каждым годом в нашей стране становится экологический туризм. Жители городов, уставшие от шума и суеты, ищут единения с природой, отказываясь от комфортабельных машин, гостиниц и прочего. Спросом стали пользоваться экскурсии в нетронутые уголки природы, такие, какими их видели наши поэты и писатели, ведь красота родной природы – неиссякаемый источник вдохновения. Многие известные произведения родились благодаря любви к ней.

М. А. Шолохов был большим ценителем и знатоком природы. Именно в лесу, в степи, у реки ему, по собственному признанию, лучше всего думалось, здесь рождались лучшие сцены и картины, воплощённые в его известных всему миру произведениях.

Сегодня в музее-заповеднике М. А. Шолохова разработан новый эколого-литературный маршрут «Урочище Островное». Охраняемый ландшафт урочища расположен в центральной части Шолоховского района, в левобережной пойме реки Дон, в 900 метрах восточнее ст. Вёшенской. Пойменные леса, заливные луга и чистейшие озёра (Островное, Карасёвое, Ерик, Баклуша) раскроют всю свою красоту каждому туристу. Природа этих мест удивительно богата: здесь встречаются 285 видов растений и животных, среди которых редчайшая русская выхухоль, занесённая в Красную книгу мира. Комплекс биоразнообразия включает 15 видов растений и животных, занесённых в Красную книгу Ростовской области, шесть видов – в Красную книгу Российской Федерации и три – в Красную книгу мира. Площадь охраняемого ландшафта – 278,2 га.

Особенность этого маршрута ещё и в том, что он проходит по местности, описанной М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон». Залив Мигулянка, Горелый лес, узкий усынок (переек между водоёмами), который проезжал Григорий Мелехов, – все эти места сохранились практически в первозданном виде. Ещё одной особенностью этой тропы является использование мобильного приложения. По пути следования туристы выполняют разнообразные интересные задания на тему природы донского края. Так, на остановке «Пернатые» посетители услышат голоса редких водоплавающих и лес-

ных птиц, живущих в нашей местности. На тематических площадках «Растения», «Обитатели заповедных территорий», «Водные обитатели» туристы по представленным образцам семян, следов млекопитающих и чешуи научатся определять конкретные виды растений, животных и рыб.

Экотропа начинается на пляже Мигулянка и продолжается до озера Островного с пятью остановками на тематических площадках. На всём её протяжении (6,9 км) тропа оборудована информационными стендами, схемой маршрута, указателями направления движения.

Мигулянка – излюбленное место отдыха вёшенцев. Течение здесь слабее, чем в реке, глубина меньше, поэтому вода всегда теплее. Вокруг растут густые заросли ольхи, ивы, вяза, тополя, в которых выют свои гнёзда различные птицы. Здесь можно наблюдать полёт цапли, поднявшейся из ближайших камышей и направляющейся в соседние озёра, как коршун парит над заливом, высматривая на поверхности рыбу. И невольно вспоминаешь шолоховские строки: *«Под тучей, раскрылатившись, колесил коршун, его с криком преследовали вороны. Туча, дыша холодком, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем грозно чернело небо...»*

Если пройти вдоль берега залива Мигулянки к узкому усынку, отделяющему залив от водоёма, в народе называемого Лягушатником, то можно увидеть места, через которые пролегал путь Григория Мелехова к месту расположения «громковской сотни» во время Верхнедонского восстания. «Григорий Мелехов,

как только получил сообщение о подготовке красных к переправе, оседлал коня, поехал на участок Громковской сотни. За станицей он вброд переехал узкий усынок озера, рукавом отходившего от Дона и тянувшегося до конца станицы, поскакал лесом».

Перебравшись через усынок, Григорий продолжает свой путь лесом. Вскоре перед ним открывается луг. Но так как красноармейцы заняли Обдонские высоты и луг у них просматривался как на ладони, то Григорию было бы неплохо дожидаться вечерних сумерек, чтобы пересечь *«ровное полотнище луга»*, но не любивший ожидания наш герой решает переехать луг сейчас же. *«Выбрал зелёную гривку верб, отнужиной выходящую из придонского леса, поднял плеть. От удара, обжёгшего круп, от дикого гика конь дрогнул всем телом, заложил уши и, всё больше набирая скорость, птицей понёсся к Дону. Не успел Григорий проскакать полсотни саженой, как с бугра правобережья навстречу ему длинными очередями затакал пулемёт... Когда он достиг уже половины пути, с Семёновского бугра садануло орудие. Железный скрежет снаряда потряс воздух. Близкий грохот разрыва заставил Григория качнуться в седле. Ещё не заглох в ушах его стонущий визг и вой осколков, ещё не успели подняться в ближней музге камыши, поваленные буревым давлением воздуха, с шорохом выпрямлявшиеся, – как на горе раздался гром орудийного выстрела, и вой приближавшегося снаряда снова стал давить Григория, прижимать его к седлу». Удар пришёлся совсем рядом*

с Григорием, взрывной волной его отбросило от коня. К своей сотне Григорий добрался уже пешком.

На этой площадке экскурсанты знакомятся с редкими лесными и степными растениями донского края. На тематическом стенде «Растения» представлены все четыре вида водных растений, внесённых в Красную книгу Ростовской области: кувшинка белая, кубышка жёлтая, телорез, орех водяной, а также астрагал донской, занесённый в Красную книгу мира. Очень трогательно М. А. Шолохов описывает в романе «Тихий Дон» первые весенние цветы, собранные Аксиньей: *«...она осторожно перебирала стебельки безыменных голубеньких, скромных цветов, <...> и вдруг уловила томительный и сладостный аромат ландыша. <...> Он рос тут же, под непроницаемо тенистым кустом. Широкие, некогда зелёные листья всё ещё ревниво берегли от солнца низкорослый горбатенький стебелёк, увенчанный снежно-белыми пониклыми чашечками цветов».*

Леса – особая гордость нашего степного края. В Шолоховском районе они занимают 1/8 всей территории. Обилие зелени, чистый воздух и щебет птиц всегда благотворно влияют на душевное состояние, даря покой и умиротворение. Лес в жизни казака играл очень важную роль: дрова и древесина для хозяйственных нужд, дичь, грибы, ягоды, лекарственные травы – всем богат лес! А сколько удовольствия доставляет отдых в лесу и любованье его красотами! В пойме реки, регулярно заливаемой весенними паводками, создаются благоприятные условия для роста деревьев. Лес является прекрасным местом для обитания многих животных.

Здесь же с помощью информационного стенда туристы знакомятся с редкими водоплавающими обитателями заповедных территорий, имеющими региональную и международную ценность (норка европейская, тритон обыкновенный, выхухоль русская, полоз желтобрюхий), а также типичными лесными зверьями (олень благородный, косуля европейская, лось, кабан).

В романе «Тихий Дон» М. А. Шолохов упоминает Горелый лес. Пожары в прошлом в ста-

нице, как и в её окрестностях, были нередки, и кто-то давным-давно назвал этот участок леса Горелым. Здесь размещался главный герой романа – Григорий Мелехов – с казаками, намереваясь атаковать красноармейцев в конном строю. *«С хуторов Чёрного, Гороховки и Дубровки вызвали конные сотни Каргинского полка. Общее руководство операцией взял на себя Григорий Мелехов. Он бросил на хутор Еринский триста сабель, с расчётом, чтобы они укрепили левый фланг и помогли Татарской и Лебяженской сотням сдержать напор противника, в случае если он устремится в обход Вёшенской с востока; с запада, вниз по течению Дона, направил в помощь Базковской сотне Вёшенскую иногороднюю дружину и одну из Чирских пеших сотен; на угрожаемых участках расставил восемь пулемётов, а сам с двумя конными сотнями – часов около двух ночи – разместился на опушке Горелого леса, дожидаясь рассвета и намереваясь атаковать красноармейцев в конном строю».*

Герои романа, события, описанные в нём, благодаря тщательному соблюдению Михаилом Александровичем исторической достоверности часто воспринимаются читателями как реальные. И мы можем представить, что именно здесь, в этом лесу, большинство казаков в ту ночь гуляло. Ведь с вечера к месту расположения сотни пришли проведать служивых жёны...

Родник Отрог входит в число достопримечательностей, связанных с именем Михаила Александровича Шолохова. Раньше здесь бил сильный ключ, который представлял собой чашу с песчаными берегами, диаметром около 20–30 метров и глубиной более метра. Вода в песчаной чаше была идеально прозрачной, а в середине чаши над её поверхностью возвышался хрустальный купол бьющей из недр воды. Высота этого купола была 20–25 см.

В 1935 году живой родник стал источником больших перемен в облике станицы Вёшенской. До тех пор станица мало чем отличалась от описанной в «Тихом Доне»: *«...Вёшенская – вся в засыпи желтопесков. Невесёлая, плешивая без садов станица».* Вокруг станицы были сыпучие пески. Проблема водоснабжения была остройшей.

ШОЛОХОВ, ЕГО ГЛУБОКИЙ ВНУТРЕННИЙ МИР, КОТОРЫЙ ОН СМОГ ВЫРАЗИТЬ В СВОЁМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ, В ЧЁМ-ТО ПОХОЖ НА РОДНИК ОТРОГ С БЬЮЩИМ ИЗ НЕДР ЗЕМЛИ МОЩНЫМ ПОТОКОМ ВОДЫ. К РОДНИКУ ЛЮДИ ИДУТ, ЧТОБЫ ЗАЧЕРПНУТЬ КРИСТАЛЬНО ЧИСТОЙ СТУДЁНОЙ ВОДЫ, И ТОЧНО ТАК ЖЕ И ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЧЕРПАЮТ ЗНАНИЯ, МЫСЛИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ПОДВИГАЮЩИЕ ИХ К ПЕРЕМЕНАМ, К ПОНИМАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ И ДАЮЩИЕ ПИЩУ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ.

Благодаря инициативе М. А. Шолохова, очень много сделавшего для благоустройства станицы и всего района, был проведён водопровод. В книге воспоминаний П. К. Лугового «С кровью и потом» описывается сам процесс строительства водопровода и роль М. А. Шолохова: *«Как-то Шолохов высказал мысль о том, чтобы построить в станице Вёшенской водопровод и взять воду из Отрога. Мы одобрили такое намерение и посоветовали ему поговорить об этом в Москве. При очередной поездке в столицу он обратился к Г. К. Орджоникидзе с просьбой помочь построить водопровод в Вёшенской. Нарком тяжёлого машиностроения, всегда относившийся внимательно к жизненным нуждам людей, поддержал Шолохова. Вёшенской было ассигновано нужное количество средств. Орджоникидзе позаботился о выделении необходимых строительных материалов, машин и оборудования. <...> Началось строительство водопровода. Рыть траншеи для прокладки труб вышло всё население станицы. В течение строительного сезона – лета 1935 года – водопровод был готов».*

Живительная влага родника преобразила станицу, её улицы оделись в богатый зелёный наряд, расцвели яркими красками.

Чистую вкусную студёную воду и сегодня можно пить прямо из крана и из родника. Она не требует хлорирования и совершенно безопасна даже без кипячения. Можно смело попробовать воду, умыться и отдохнуть.

У этого места богатая история. Обилие чистой кристальной воды, выходящей из родника, издавна привлекало сюда местных жителей, ведь где вода – там и жизнь. В балке у родника на стыке XIX и XX веков находился хутор Отроженский, состоявший из четырёх куреней. Точная дата основания хутора неизвестна, как

неизвестно точно и то, кто и когда построил здесь первый дом, но есть сведения, что ещё в XVII веке есаул Войска Донского Ефим Каргин устроил пасеку в балке Отрог и поставил на роднике водяную мельницу, стоявшую до 1936 года прошлого века на том месте, где сейчас находится насосная станция, подающая воду в вёшенский водопровод. Это была турбинная мельница с естественным перепадом воды в полтора-два метра. По особому обету перед Богом и по собственному усердию этот есаул ежегодно на Вознесение Господне после литургии приглашал к себе на пасеку и мельницу всё приходское духовенство со святынею. Здесь совершался молебен с освящением воды в роднике и окроплением ульев и мельницы святою водою, а затем устраивался торжественный обед для духовенства и народа. И это строго исполнялось есаулом до конца его жизни, а после его смерти его сын, войсковой сотник Фёдор Каргин, продолжил эту традицию. Таким образом, крестный ход к роднику вошёл в обычай, он и после смерти Фёдора без всякой сторонней просьбы совершался уже самим духовенством. В советское время эта традиция прервалась, но начиная с 1993 года возобновилась. В 2001 году на роднике был установлен поклонный крест, и в наши дни на Отрог ежегодно в праздник Троицы совершается крестный ход с водосвятием. А на Крещение, как и прежде, люди купаются в источнике, чтобы зарядиться здоровьем на весь год.

Сейчас от мельницы и хутора (он прекратил своё существование в 60-х годах прошлого столетия) ничего не осталось. Но в одном из интервью дочь М. А. Шолохова Светлана Михайловна вспоминала, что учитель водил их к Отрогу, где они читали вслух «Русалку» Пушкина и фотографировались на фоне разрушен-

ной мельницы, да и Михаил Александрович с гостями сюда часто заезжал.

Шолохов, его глубокий внутренний мир, который он смог выразить в своём творчестве для будущих поколений, в чём-то похож на родник Отрог с бьющим из недр земли мощным потоком воды. К роднику люди идут, чтобы зачерпнуть кристально чистой студёной воды, и точно так же и из произведений Михаила Александровича черпают знания, мысли, воспоминания, подвигающие их к переменам, к пониманию человеческой души и дающие пищу к размышлениям.

Конечной точкой маршрута является озеро Островное. Это широкое и красивое озеро – одно из любимых мест отдыха писателя. Своё название озеро получило благодаря расположенному на нём острову. На Островном Шолохов бывал часто: любил рыбачить и охотиться. Сюда писатель привозил своих гостей. Среди них первый космонавт Юрий Гагарин, писатели Чарльз Сноу, Марти Ларни, представители телевидения Швеции, которые готовили репортаж о лауреатах Нобелевской премии, и другие известные люди. В романе «Тихий Дон» Шолохов упоминает банду Фомина, которая скрывалась на озере Островном.

По воспоминаниям старожилов, здесь до 1940 года располагался хутор Островной, который прекратил своё существование из-за переселения жителей в другое место проживания. В 1950–1960 годах в этом месте находилась плантация. Принадлежала она школе-интернату станицы Вёшенской. А охрану плантации осуществлял С. Н. Выпряжкин – последний житель хутора Островного. Шолохова и Выпряжкина связывали тёплые отношения. Старый казак, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, прекрасный рассказчик, неоднократно у рыбацкого костра рассказывал о своих «прохождениях», заставляя плакать от смеха самого Шолохова.

В связи с разнообразием природных условий и труднодоступностью этих мест здесь сохранились редкие виды растений (сальвиния плавающая, кубышка жёлтая, кувшинка белая и другие) и животных (белый лебедь, бобр, белая

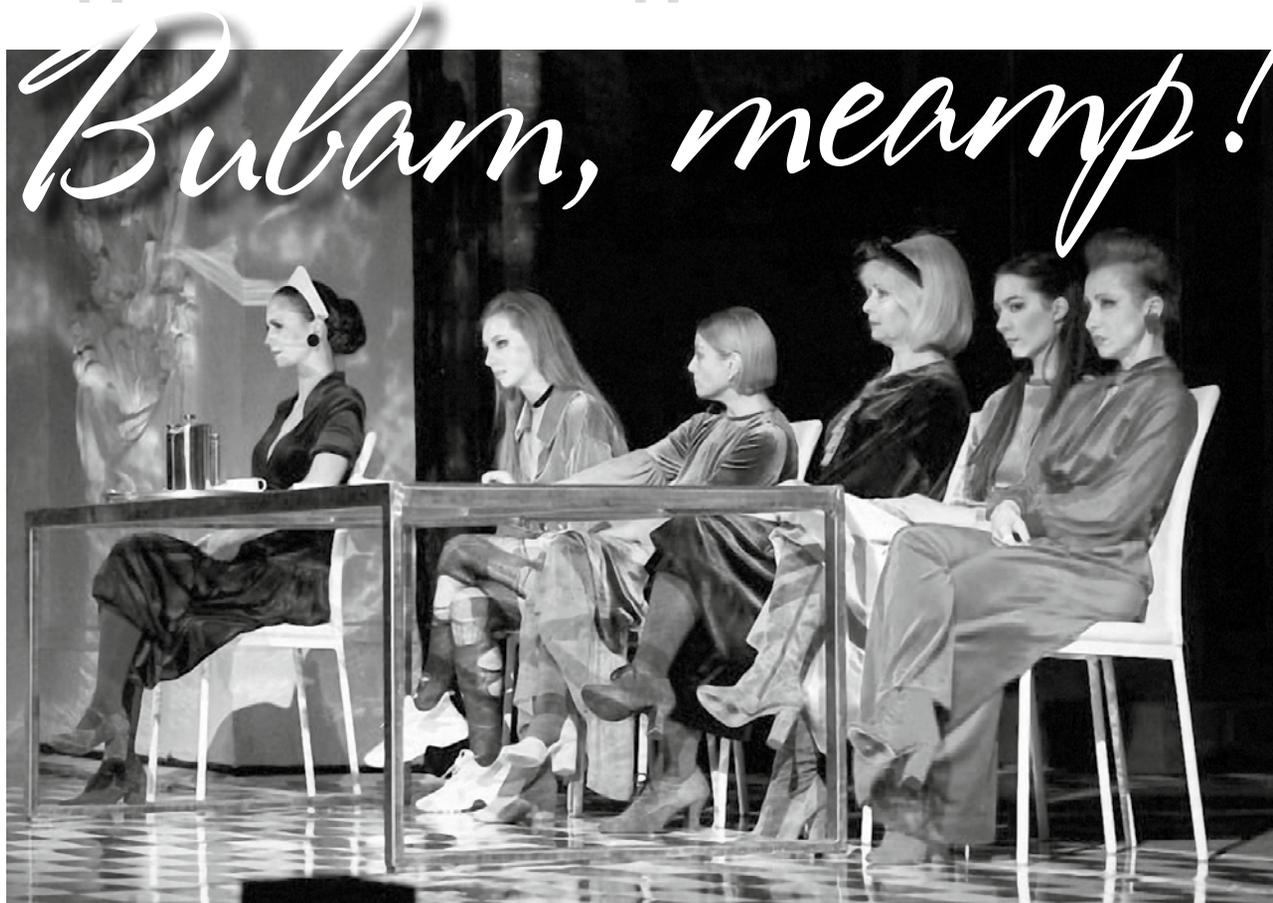

цапля и другие). Особо хочется отметить выхухоль русскую – реликтовое животное, пережившее динозавров, эндемик России, занесённый в Красную книгу.

Островное, Отрог, Мигулянка, пойменный лес – эти благодатные места завораживают своей первозданной красотой и прекрасны в любое время года. Кажется, что и зима здесь быстрее проходит, и весна раньше наступает, и знойное лето жарой не докучает, а красота осени так ярка и удивительна, что хочется, чтоб она задержалась подольше.

Экологический маршрут «Урочище Островное» позволит туристу по-новому посмотреть на современную станицу, утопающую в зелени садов, полюбоваться необыкновенными по красоте местами донского края, побудит снова перечитать произведения нашего земляка М. А. Шолохова, чтобы насладиться его мастерством в описании любимой им донской природы.

Тарас ТУРЧИН,
главный научный сотрудник
Государственного музея-заповедника
М. А. Шолохова
Оксана ТУРЧИНА,
старший научный сотрудник
Государственного музея-заповедника
М. А. Шолохова

Что такое театр, для чего он нам сейчас, какие смыслы мы закладываем в посещение этого храма искусств – места, где творческие люди создают запоминающиеся постановки, откликающиеся в наших сердцах и душах? Ничто не напрасно и не бесполезно в этом мире. И каждый акт творения отзывается в человеке, пусть по-разному, но обязательно возникает реакция. Пока мы живы, мы реагируем. Да, иногда это сопротивление и непринятие, но в большинстве случаев – это синхрония, которая позволяет зрителю попасть в одну энергетическую созидательную волну вместе с актёрами на сцене. И это трудно вообразимое на словах действие можно только ощутить и прочувствовать.

Вот и я в очередной раз попала в такую волну на спектакле-детективе «*Восемь любящих женщин*» в театре им. А. В. Луначарского, это было 26 июня в городе-герое Севастополе. А накануне, 25 июня, состоялась премьера этого спектакля, и был *аншлаг*. Пьеса, поставленная режиссёром Николаем Нечаевым по роману

Робера Тома, идёт на театральных подмостках с 1961 года. Премьера её состоялась в парижском театре «Эдуард VII», но она актуальна и имеет потрясающий успех и по сей день.

Я уверена, что ни один спектакль не может пройти бесследно для человека творческого и чувствующего. Так что мы хотим приобрести, увидеть, услышать, зачем мы идём в театр? Думаю, не только для того, чтобы получить эстетическое удовольствие от игры актёров в классических или современных постановках или отдохнуть от быстро летящих будней, но для гораздо большего – услышать ответ на, возможно, не произнесённые нами, но достаточно наболевшие вопросы. А действие – игра – происходит в храме, и каждое произнесённое здесь слово проникает глубоко в подсознание, начинается работа по переосмыслению, трансформации и переживанию заново своих состояний и поиску ответов на свои вопросы, и помогает то, что по ту сторону сцены находятся творческие люди, готовые дарить свой талант и делиться энергией с теми, кто в зрительном

зале с уважением внимает СЛОВУ – ведь «начала было Слово».

Динамично развивающийся сюжет пьесы увлекает с первых аккордов, а музыкальный ритм задаёт определённый настрой на спектакль и ни на секунду не отпускает внимание зрителя до самого его окончания.

Это не только мощный детектив, как заявлено в афише. Это история судебных разных женщин, бесконечно одинаковых в своём повторении. Женской природе свойственно придумывать и жить иллюзиями и ожиданиями, которые уводят от реальности мира. И это не про мечты, это про отрыв от настоящего, сегодняшнего, только в нём женщина может чувствовать свой потенциал и энергию. Но если она уходит от настоящего в прошлое ли, в будущее ли, она теряет основу под ногами и перестаёт творить в настоящий момент.

Итак, Франция, 1950 год. Восемь женщин разного возраста (жена хозяина, дочь, падчерица, тёща, свояченица, служанка, горничная и родная сестра жертвы), кто вынужденно, а кто по своей воле, оказались в едином пространстве загородной виллы, когда-то очень процветающего дома. Хозяин – Марсель – был преуспевающим и весьма заметным человеком в высокопоставленных кругах, заботливым отцом и любящим мужем женщины, которая со временем стала изменять ему с одним из его компаньонов. Марсель – главное действующее лицо, но мы его не видим, он остаётся за кадром. В доме происходит убийство отца семейства. Каждая из женщин, как выясняется, могла иметь свои мотивы для совершения убийства. И все вместе, помогая друг другу, они начинают раскрывать свои качества по-новому, высвечивая как положительные, так и отрицательные черты. Все вместе начинают расследование обстоятельств, приведших к преступлению, и в ходе него каждая предстаёт как со своим особенным, уникальным миром, так и с изрядно накопленными скелетами в шкафу. Мы узнаем не только о неоднозначных историях их жизней, но также и про боль и разочарования, победы и поражения.

Главная интрига – кто же всё-таки совершил убийство? – держит зал в осязаемом напряжении по ходу всего действия, и в конце происходит невероятное – каждая из женщин, попавшая под подозрение в убийстве, вспоминает своего внутреннего ребёнка – маленькую и ранимую девочку – и возвращается к нему. Мы видим, как в их глазах читается вопрос: откуда же взялись это бездушные, алчные, ненавистные? Как они, такие милые и добрые девочки, превратилась в думающих только о себе женщин, девушек, сестёр, матерей? Это невероятное открытие для эгоистичных, жёстких и бездушных леди, хотя мы думали, что это никогда уже не случится.

Я люблю после спектакля наблюдать за реакцией и мнением зрителей. Они всегда бывают очень разными. Но в этот раз зрители бурными и продолжительными аплодисментами показали, насколько полностью включились в жизнь спектакля. Они играли его вместе с актёрами. Никто больше не сдерживал своего восторга и от сюжета, и от игры актёров, и от высококлассной постановки спектакля.

Одним словом, каждый получил то, зачем он сюда пришёл. А кто-то, без сомнений, – ответ на свой вопрос, и оказывается, так всё просто: «Я могу изменить всё сама, если... изменюсь сама!» Были и те, кто не срезонировал. И это нормально, просто пока они ещё не готовы к более глубокому переосмыслению и самопознанию себя и своей жизни. Но всё у вас впереди, дорогие! А мы идём вместе с коллективом театра им. А. В. Луначарского навстречу новым открытиям и решениям.

«Восемь женщин» – спектакль про отношения, про иллюзии, в которых свойственно жить большей половине человечества, про обиды и непросщение, и, конечно же, про *Любовь*. Здесь о ней вспоминают в самом конце, когда наступает тишина и одновременно ко всем приходит понимание истинной правды происходящего. Это настоящий *катарсис*, когда любовь волнами залила пространство вокруг всех нас, когда она нескончаемым потоком пролилась на нас со сцены, поселилась в наших улыбках, в блестящих глазах и в наших сердцах!

Режиссёру удалось ответить на довольно острый вопрос современности – в чём счастье и смысл жизни? Как любовь, терпимость и сострадание влияют на человеческие отношения? В очередной раз удалось донести до зрителя глубокий смысл и философию нового времени – мир вокруг нас хрупок и раним, и всем нам важно жить с открытым и любящим сердцем, принимать жизнь во всех её проявлениях. И, конечно же, этот спектакль про ответственность за себя и близких нам людей.

Я с уверенностью даю двести процентов, что ни одного зрителя этот спектакль не оставил равнодушным. Пять баллов директору Ирине Константиновой, режиссёру Николаю Нечаеву, замечательному актёрскому составу, руководителю театра и всем тем, кто участвовал в рождении этого невероятно глубокого спектакля.

Виват, театр!!!

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru